

CREATED BY #1 NEW YORK TIMES
BESTSELLING AUTHOR TOM CLANCY

Tom, Clancy's

SPLINTER CELL

ДЭВИД МАЙКЛЗ

**David Michaels/Raymond Benson/
Tom Clancy's Splinter Cell**

**Дэвид Майклз/ Рэймонд Бенсон/
Tom Clancy's Splinter Cell**

Перевод осуществлен **SplinterFanGroup:**

AwsoM, Hotel6, EvilSpark, команда сайта notabenoid.com

Редакция и оформление: **AwsoM**

2014

1

ЭТО, как будто ты не существуешь. Вакуум. Тьма и свет одновременно, и совсем не ощущается гравитация. Нет воздуха, но я знаю, что дышу. Я ничего не вижу и не чувствую. Здесь нет снов...

Вот на что похож для меня сон. Думаю, это мой дар. Я могу заснуть в любое время, в любом месте. Я этому не учился. Так было всегда, с детских лет. Я просто говорю себе: "Сейчас пора спать". И засыпаю. Уверен, многие в мире позавидуют моему таланту. Я не принимаю его как должное, потому что при моей работе мне приходится спать в самых странных местах и в самое неожиданное время.

Что-то пульсирует и давит на мое запястье. Оно нежно выталкивает меня из этого лишнего измерений мира, и ко мне понемногу возвращаются ощущения. Мое лицо прижато к теплому металлу. Я слышу далекие, трудноопределимые отголоски.

ОПСАТ на моем запястье продолжает будить меня. Внутри небольшой т-образный стержень, выступающий из эластичного ремешка, когда срабатывает бесшумный "звонок". Стержень качается туда-сюда, слегка подталкивает мой пульс, говоря моему телу, что пора просыпаться. Когда я впервые увидел его в действии, это напомнило мне шпионские фильмы шестидесятых годов с Джеймсом Коберном, в которых он играл роль секретного агента, умевшего останавливать свое сердцебиение по желанию. Вводя его в некий режим спячки. У него были наручные часы с таким же т-образным стержнем, который будил его. Я помню, как смеялся над этим. Это было слишком смешно, чтобы воспринимать всерьез. А теперь взгляните на меня.

Я делаю несколько глубоких вдохов. Внутри вентиляционной шахты, в которой я провел последние шесть часов, воздух затхлый и сухой. Разгибаю руки, разгоняя кровь. Вытягиваю ноги, хотя ботинки вовсе не жмут.

Затем я открываю глаза.

В шахте по-прежнему темно.

ОПСАТ выполнил свой долг и небольшой стержень втягивается. Я подношу левую руку к лицу и нажимаю кнопку подсветки экрана ОПСАТа. Новых сообщений от Ламберта не поступило. Не было и входящей почты. В мире все спокойно.

ОПСАТ — это компактное устройство, придуманное Третьим Эшеленом для своих агентов. В действительности оно называется Оперативный спутниковый коммуникатор. В первую очередь это устройство связи, но у него есть множество других функций. Мне особенно нравится камера, позволяющая делать цифровые фотографии всего, что мне угодно.

Вдруг я осознаю, что мне жарко, и вспоминаю, где нахожусь. Вентиляционная шахта "Тропического Казино" в Макао. Место, где я лежу немного меньше телефонной будки. Хорошо, что у меня нет клаустрофобии, иначе у меня было бы плохое настроение. Поскольку для начала операции нужно выждать подходящий момент, то я поставил "звонок" на четыре часа утра. Полагаю, в это время активность в казино сведется к минимуму. Это круглосуточное заведение, поэтому здесь всегда кто-то есть.

В своей униформе я потею как свинья. Перед сном я забыл отрегулировать температурный контроль. Чтобы понизить температуру, я быстро поворачиваю переключатель на поясе. Тотчас холодная вода, течет по трубкам, встроенным в подкладку униформы. Военные называли униформу "Воин Воплощенной Силы". Ее можно сравнить со скафандром космонавта, только она более плотная и гладкая. В зависимости от окружающей среды, могу регулировать температуру. Униформа изготовлена из тяжелого материала и вшитого в нее кевлара, который достаточно гибкий, и позволяет мне выполнять различные гимнастические движения. Я бы назвал ее почти пуленепробиваемой. Жесткое внешнее покрытие на ощупь сравнимо с кожей слона, и технология развития непробиваемого материала далеко продвинулась.

Полагаю, если в меня выстрелят в упор, то я буду мертв, но пули, выпущенные с расстояния четырех с половиной метров или дальше, только пробьют костюм, но не меня.

Кевлар действует, как замедляющий механизм. Довольно интересный материал. Светочувствительное волокно еще одна интересная особенность униформы и реагирует, когда на нее попадает лазерный прицел. Униформа посылает сигнал ОПСАТу, и тот предупреждает меня, что я под прицелом снайпера.

Единственное, что мне не нравится в униформе — она изящная и слишком обтягивающая, из-за этого я похож на супергероя из комиксов. Даже когда очки опущены, они напоминают маску.

Я вытаскиваю соломинку из трубки в воротнике и втягиваю освежающую, прохладную воду из эластичных камер, равномерно распределенных по всему костюму. В них достаточно воды, чтобы продержаться двенадцать часов, если использовать экономно. Это звучит очень странно, но время от времени я должен "Заливать униформу".

Время подзарядиться. Я приподнимаюсь, чтобы дотянуться до "Оспрея", пристегнутого к спине, и вытащить паек. Еда в этой штуке на вкус очень похожа на пайки ЕГУ¹, выдаваемых солдатам, и имеет различное содержимое: каджунский рис, бобы, спагетти, и жаренная куриная грудка. Возможно, что-то на самом деле сделано по рецепту. Но однажды мне попало нечто, напоминающее смесь из сухофруктов и орехов.

¹ ЕГУ — Еда, готовая к употреблению

Пережевывая деликатес, я вспоминаю, как сюда попал и что, черт возьми, должен сделать.

Рано вечером, когда толпы людей начали заполнять это место, я вошел в казино. На мне уличная одежда и я полагал, что буду менее бросаться в глаза, когда здесь будет много людей. Казино в Макао отличаются от остальных по всему миру. Китайцы очень серьезно относятся к азартным заведениям. Они никогда не выкрикнут "Джекпот", и очень редко можно увидеть этих людей улыбающимися. При сдаче карт они выглядят так, как будто скоро вас пристрелят. Полагаю, это в порядке вещей.

Члены "Триады" тут и там болтаются в казино Макао, и я никогда не видел веселого мафиози. Учитывая тот факт, что с 1999 года Макао уже не был португальской колонией, и в настоящее время он является одним из Специальных Административных Регионов Китая, и как я мог себе представить, жители были не очень счастливы. Как и Гонконг, Макао теперь был частью Коммунистического Китая, и правительство обещало, что обстановка в регионе останется прежней как и на протяжении следующих пятидесяти лет. Все еще не было ясно, что по этому поводу намеревался предпринять преступный мир общества. На протяжении двадцатого века, Макао заработал репутацию рассадника шпионов, пороков, и интриг.

Я сыграл несколько игр, проиграл немного денег, часть отыграл, и пошел в уборную напротив чулана, в который мне нужно было попасть. План здания я запомнил еще до начала миссии. Если придется, я могу обойти казино вокруг с закрытыми глазами.

Я выскользнул из туалета, когда коридор оказался пуст, и направился к двери чулана. Мне пришлось воспользоваться отмычками. К счастью, это был не высокотехнологичный замок. В конце концов, это всего лишь чулан.

Оказавшись внутри, я запер дверь и начал снимать одежду, обнажая вызывающий наряд супергероя. Я свернул вещи и аккуратно сунул их "рюкзак-Оспрей". Надел гарнитуру и приготовился выступать. Перевоплощение из Кларка Кента в Супермена отняло почти сорок секунд.

Я залез на полку с инструментами, добрался до вентиляционной шахты, осторожно приподнял решетку и повесил на гвоздь на стене. Я проверил на прочность конструкцию, убедился, что она выдержит мой вес, и залез внутрь. Мне едва удалось развернуться и протянуть руку, что бы взять решетку и закрепить ее с внутренней стороны вентиляционной шахты. Снова развернувшись, я бесшумно пополз вдоль шахты, пока не добрался до подходящего для ночлега места. И вот я здесь.

Я заканчиваю есть и съедаю легкоусваиваемую обертку, не оставляя следов присутствия. Сомневаюсь, что кто-нибудь будет смотреть внутри вентиляционной шахты, хотя кто знает.

Время действовать.

Я ползу дальше по шахте, знаю, скоро поворот налево, прохожу двадцать метров и резко сворачиваю вправо, а затем спускаюсь на три метра вниз. На следующем уровне шахта расходится в трех направлениях. Я выбираю на ОПСАТе режим компаса, убедившись, что туннель слева от меня уходит в западном направлении, направляюсь этим путем. Еще один поворот вправо и в конце шахты видна решетка. Офис президента казино.

Я смотрю через решетку: в офисе темно и никого нет. Осторожно выталкиваю ее и придерживаю. Шум от ее падения мне ни к чему. Я высовываю верхнюю половину тела из шахты и осторожно ставлю решетку за диван ниже. Затем подаюсь вперед, скользя поясницей и бедрами, делаю перекат на ковровое покрытие. Пока что, все идет хорошо.

Я надвигаю очки на глаза, и активирую режим ночного видения. Нет нужды включать свет, так как это привлечет внимание. Быть тихим и невидимым — два главных правила в моей профессии. Сделать работу, не будучи увиденным или замеченным. Если меня поймают, правительство США будет отрицать мое существование. Я буду сам по себе, в руках иностранных служб без прав на защиту или средств для спасения, которых я могу достичь при помощи тела и разума. Именно такие тесты я и не хочу проходить, несмотря на то, что годами их изучал. В такого рода испытаниях всегда есть вопросы с подвохом.

Я направляюсь к компьютеру президента на широком столе из красного дерева, включаю его, и нетерпеливо постукиваю пальцами, пока загружается система. Когда всплывает запрос пароля, я вбиваю тот, который, как уверяла Карли, сработает... и действительно, сработало. Карли Сент-Джон — чародейка, когда речь заходит о техническом дерьме. Она может взломать любую систему, где угодно. И делает это, не вставая из-за стола в Вашингтоне О.К.²

При помощи поисковика, я быстро нахожу нужные папки. В них содержатся документы платежей различным организациям и частным лицам. Нужно убедиться, что эти выплаты отличаются от законных расходов казино, и Карли кратко рассказала, как найти различие. Контрольные признаки, о которых она упоминала, на месте, а значит, я в нужном месте.

Я расстегиваю карман на лодыжке левой ноги и присоединяю провод к дисководу компьютера. Другой конец я подключаю к ОПСАТу. Нажатие нескольких кнопок и вуаля — файлы копируются на мой портативный прибор. Это займет всего около минуты.

ОПСАТ делает свою работу, а я тем временем думаю о Ден Ли — работнике Третьего Эшелона, убитого в своем казино три месяца назад. Он отслеживал незаконную торговлю оружием в Китае, и след его привел сюда, в Макао. "Магазин" — организация, которая совершает незаконные сделки. Ли, прежде чем был убит, передал Ламберту доказательство того, что бухгалтерия "Тропического Казино" используется в качестве прикрытия. Остановить

² Округ Колумбия.

"Магазин" является одной из основных директив, и единственный способ это сделать — начать с другого конца канала снабжения, от поставщика. По всему миру существует множество каналов. Выявить их это лишь полдела. Теперь, когда файлы со списками клиентов "Магазина" в нашем распоряжении, другие учреждения США смогут перекрывать конкретные каналы снабжения.

Нам по-прежнему неизвестно, что произошло с Ден Ли. Уроженец из Китая, Ли работал на АНБ около 7 лет. Я не знал его лично (мы никогда не встречаемся с другими агентами Третьего Эшелона), но я знал, он был упорным парнем. Отлично выполнял свою работу и был хорошим человеком. Ламберт предположил, что кто-то в "Магазине" установил его личность и заманил в казино при помощи информации. Ли так и не покинул казино.

ОПСАТ завершил копирование, и я услышал шум в коридоре. Дерьмо. Я выдергиваю шнур из компьютера. В двери звенят ключи, и я слышу голос, а затем смех. Их двое. Нет времени выключать компьютер, я лишь гашу монитор.

Я отскакиваю от стола и оцениваю расстояние до вентиляционной шахты. Ключ поворачивается в замке. Нет времени уходить этим путем. Я быстро запрыгиваю на шкафы с документами, прижимаюсь в угол, и упираюсь головой в потолок. В таком положении очень трудно находиться. Я стою на коленях на вершине шкафа и упираюсь руками в стены, удерживая равновесие тела. Это неудобно. Как только я устроился, открывается дверь.

Возможно, они не заметят меня, поскольку я почти в полутора метрах над ними.

Я узнаю первого парня с ключами. Это Ким Вей Ло, вероятно, он тайно руководит действиями "Магазина" в Макао. Его разыскивают все службы с названием из трех букв, ну, вы знаете: ЦРУ, ФБР, АНБ... Когда второй парень немного повернулся, я также опознаю его. Чен Вонг — телохранитель Ло. Вонг — здоровяк, хотя я видел и покрупнее. Если дойдет до стычки, я уверен, что смогу захватить его.

Ло стукнул один из двух выключателей на стене у двери. На столе замигали флуоресцентные лампы. Слава Богу, он не клацнул другой выключатель. Моя сторона комнаты была бы освещена. По крайней мере, я все еще в тени. Если они посмотрят вверх и присмотрятся к дальней стене, углу или потолку, то увидят меня, висящего как паук.

Два парня подходят к столу, и Ло говорит что-то по-китайски. Я улавливаю слово "компьютер", полагаю, что он удивлен, почему никто не выключил компьютер на ночь. Однако это его не сильно беспокоило. Он садится за стол и приступает к работе, а Вонг не спеша стоит позади, глаза в огромное окно с видом на главную улицу, разрезающую это жалкое подобие города.

Городской район — наиболее подходящий термин. Поскольку посреди ночи, никакого движения или неоновых огней.

Я надеюсь, что-нибудь достаточно надолго заморозит Вонга, и он не обернется в мою сторону.

В качестве меры предосторожности, я мысленно упражняюсь в вытаскивании пистолета ФН ("Файв-Севен"³) из своего положения, но, в конечном счете, я не думаю, что это возможно не упав на пол. У меня директива не убивать без причины. К сожалению, мне придется нарушить ее из-за стечения обстоятельств. Я не люблю это делать, но иногда ты должен делать то, что должен.

В комнате жарко. Должно быть, они отключают кондиционеры на ночь. Или может быть это уловка, чтобы игроки покупали больше напитков. Я просто умираю от желания отрегулировать температуру на униформе, но я не смею шевельнуться. Я чувствую, как пот собирается под моей гарнитурой и стекает на лицо.

Дерьмо. Вонг повернулся, обходит стол и направляется в мою сторону. Он вытаскивает пистолет (с моего положения он напоминает "Смит и Вессон" калибра 38), и начинает вертеть им руке, как ковбой. Делает резкий поворот и встречается с книжной полкой. Продолжая вертеть пистолет, Вонг осматривает названия книг в шкафу. Полагаю, что парень на самом деле умеет читать.

Ло что-то брякнул и Вонг хрюкает в ответ. Он не идет обратно к столу, проклятье. Вместо этого, он отходит от книг и направляется к шкафу с документами. Ему остается лишь глянуть вверх и он, наверняка, увидит меня. Должно быть, ковер выглядит ужасно интересным, поскольку он уставился на него. Это все равно, что наблюдать за своими ногами во время ходьбы.

О, ради Бога, он стоит прямо подо мной. Большая часть моего тела над шкафом, но голова и плечи протянулись от стены, прижаты к потолку. Только не смотри вверх, ублюдок.

Я чувствую, как капелька пота стекает по моей переносице. Аа, твою ж мать. Я не могу вытереть ее. Я даже не могу пошевелиться. Эта маленькая капелька соленой воды скапливается на кончике носа, угрожая обрушиться прямо на голову Вонга. Мое дыхание остановилось. Время остановилось.

Затем капелька падает и попадает на квадратную, коротко стриженую голову. Он замечает это. Тянется рукой, чувствует влажность и медленно задирает голову вверх на потолок.

Я отталкиваюсь от стен и прибываю парня у полу. Он роняет свой "Смит и Вессон". Во время рукопашного боя я применяю Крав-магу — израильскую технику, что буквально означает "контактный бой". Это не искусство самозащиты, а система без правил для выживания в любой ситуации. Она сочетает в себе элементы восточных дисциплин, таких как каратэ,

³ Файв-Севен — Five-seveN (FN)

дзюдо и кун-фу, с основами бокса и запрещенными приемами. Эта система практикуется и применяется Армией обороны Израиля, национальной и военной полицией, а так же другими антитеррористическими спецвойсками Израиля. С момента ее развития Ими Лихтенфельдом после Второй мировой войны, Крав-мага эмигрировала по всему миру и в настоящее время широко преподается наряду с другими боевыми искусствами. Крав-мага не предназначена для соревнований — это борьба за вашу жизнь. Идея не только в том, чтобы защитить себя, но и нанести максимальный ущерб вашему оппоненту настолько быстро, насколько это возможно.

Итак, подмяв под собой Вонга, я изо всех сил тараню лбом, очками и всем вместе ему в лицо. Он кричит в агонии, когда грани очков разрывают его кожу. Вдобавок, я наношу рубящий удар в горло, но Вонг быстр. Мой кулак не задел его кадык, и я всего-то причиняю ему боль, но не убиваю. Здоровяк крутанулся и сбросил меня как одеяло. Через мгновение мы стоим на ногах и готовы к продолжению.

В этот момент Ло вытаскивает свое оружие. Это какое-то полуавтоматическое оружие, наверняка сказать не могу, потому что эта штука движется слишком быстро. Он направляет его на меня, и я хватаю Вонга за воротник. Прижимаю к себе, разворачивая его тело так, чтобы оно оказалось между столом и мной. Ло открывает огонь и Вонг дергается, когда пуля пробивает ему позвоночник и выходит из груди. Я ощущаю тепло, когда она со свистом пролетает мимо моего уха и врезается в стену позади. Спустя долю секунды кровь брызгает мне на лицо и грудь.

Все еще удерживая Вонга, я толкаю его в сторону стола. Тело с грохотом перелетает через него и сбивает монитор в сторону Ло, который осознает, что он убил не того парня. Он начинает паниковать и кидается к двери. Я предвижу такой вариант, и перехватываю его. Ло не боец — он, скорее мозговой центр, поэтому не знает, как справиться с моим удушающим захватом. Моя рука приглушает крик, когда я повернул его голову резко вперед, ломая на удивление хрупкие шейные кости. Он падает на пол, и в это же время раздается топот бегущих ботинок снаружи. Нет времени лезть в вентиляционную шахту, поэтому, я прижимаюсь к стене у двери.

Она открывается, три вооруженных охранника врываются внутрь и находят Ло с Вонгом лежащих мертвыми на полу. Шок и ужас предоставил мне удобный случай, чтобы незамечено выскользнуть в открытую дверь. Но не тут-то было. Один из них кричит что-то вроде: "Он там!" и они бегут за мной.

Я лечу по коридору к лестнице, и знаю, что она находится впереди. Это единственный выход в данный момент. Вместо того чтобы спуститься по ступенькам, я перепрыгиваю через перила и приземляюсь на корточки посередине нижнего пролета. Преодолеваю последние три ступени и вот я на первом этаже. К этому моменту, конечно же, еще несколько охранников

осведомлены о моем присутствии. На самом деле, один из парней уже бежит на меня со стороны большого игрового зала. Он кричит, и я бросаюсь на него. Парень вытаскивает из кобуры "Смит и Вессон", но я прыгаю на стену коридора, отталкиваюсь от нее ногами в его сторону. Он падает на спину, а я грациозно приземляюсь на кончики пальцев, на мгновение задерживаюсь на руках, затем складываюсь в воздухе и приземляюсь на ноги.

Ближайший выход — парадная дверь здания. Чтобы до нее добраться я должен пройти игровую комнату. В отличие от остальных казино Макао, "Тропическое" имеет один большой игровой зал (также как и казино в Лас-Вегасе), тогда как остальные казино могут иметь отдельные комнаты для различных игр. Тут есть блэкджек, рулетка, покер, баккара, игровые автоматы и несколько странных китайских азартных игр, о которых я никогда не слышал, все в одном большом пространстве. В этот час не так уж много клиентов, поэтому я решаю предоставить им тему для беседы, когда они придут завтра на работу. Я вбегаю в комнату и бросаюсь через проход между столами блэкджека.

В зале воцаряется мертвая тишина. Около пятнадцати игроков отвернулись от своих игр и таращатся, разинув рты. Дилеры слишком ошарашены, чтобы шевельнуться.

Кто этот "гвейло"⁴ в смешном военном костюме, бегущий через казино?

Два охранника в передней части зала, реагируют иначе. Они быстро достают пистолеты и направляют на меня, не удосуживаясь крикнуть клиентам лечь на пол. Когда один из охранников берет меня на мушку, я запрыгиваю на стол блэкджека, уклоняясь от пули. Перепрыгиваю на следующий стол, разбрасывая повсюду груды фишек, затем я прыгаю на следующий, когда выстреливает пистолет второго охранника. Я чувствую себя лягушкой на кувшинках.

Часть моих интенсивных тренировок с Третьим Эшелонем заключается в умении использовать окружающую обстановку для быстрого перемещения. Я могу использовать стены, мебель, расталкивать людей, чтобы расчистить себе путь. Когда я увидел, как это делают другие парни, мне это напомнило о пинбольных шариках в игровых автоматах, вот, примерно, в этом и состоит вся техника. Она особенно эффективна, когда кто-то стреляет в вас. Бегущую мишень, случайно меняющую направления, невероятно сложно подстрелить.

Теперь начинают летать пули, гости казино, конечно же, кричат от страха и пригибаются. Некоторые весьма разумно падают на пол, когда я пробегаю мимо них. Два охранника перекрывают мне выход и без разбора палят из автоматов, надеясь на шальную пулю. Я вынужден действовать агрессивно. Я ныряю за стол, вытаскиваю ФН и снимаю с предохранителя. Это тактическая модель производства "Национальной фабрики в Эрстале" со

⁴ гвейло — унижительное слово для не китайцев (представителей белой расы), означающее "иностраный дьявол".

спусковым крючком одиночного действия и обоймой на двадцать патронов калибра 5.7x28 мм ss190⁵. Патроны имеют отличную пробивную способность против современных бронежилетов в сопоставлении с весом оружия, размером и умеренной отдачей. Урон, наносимый телу без бронежилета, поражает. Однако мне не нравится использовать это оружие в полномасштабных боях. Оно имеет довольно ограниченную дальность, так что в основном, я использую его в ситуациях, когда уверен в своем преимуществе. Как в данный момент.

Я обхожу ножку стола и открываю огонь... раз, два... поражаю обоих охранников в грудь. Теперь мой путь чист, и нужно спешить к выходу. Я поднимаюсь и двигаюсь дальше, перепрыгивая через труп.

Позади, я слышу громкие приказы, и стрельба усиливается. Я оглядываюсь и вижу еще троих охранников, вбегающих в комнату. Черт. Откуда эти парни берутся, в это время ночи? Вы бы подумали, что в четыре часа утра, они держат только одного-двух охранников на посту, чтобы сэкономить деньги. Предполагаю, что плохие парни во всем мире нанимают охранников про запас, на случай, если американский шпион вломится к ним в штаб-квартиру посреди ночи.

Я тянусь к карману на правом бедре и достаю дымовую гранату, одну из самых безвредных. Я ношу несколько видов дымовых гранат: одни выпускают темный дым, чтобы скрыть меня от преследования; другие наполнены СГ⁶ или как говорят любители скороговорок хлоробензолмалононитриловый газ. Эта вещичка весьма опасна. Воздействие СГ вызывает сильное удушье, а при длительном контакте обморок. Я выдергиваю чеку, бросаю гранату назад и ожидаю громкого хлопка. Эта штука срабатывает на удивление быстро. Черный дым заполняет игровой зал менее чем за пять секунд. Как будто кто-то погасил свет. Благодаря моим очкам, я не только защищен от раздражения глаз, но и могу видеть сводчатый выход из комнаты.

Я бегу в главный вестибюль казино, мимо двух испуганных посетителей. Охранники, охраняющие вход, должно быть, покинули свои пост, чтобы преследовать меня в игровом зале, потому что я вел себя слишком вольно. Я толкаю стеклянную дверь и стрелой спускаюсь по ступенькам на улицу. Все еще темно, но свет уличных фонарей неплохо освещает местность. Некоторые казино на этой улице открыты. Это вопрос нескольких минут или даже секунд, перед тем как у меня появятся еще большие неприятности.

Я бегу вокруг здания к небольшой стоянке и направляюсь к первой машине, которую я вижу — внедорожнику. Это "Хонда", роскошное транспортное средство. Опускаюсь на бетон и ползу под машину. Держась за шасси, я втягиваю тело в свободное место под машиной, и теперь меня

⁵ ss190 - базовый патрон, способный пробить бронежилет с 200 м, 48 слоев кевлара, стальную или кевларовую каску, при прохождении пули через мягкие ткани тела способна менять свое направление.

⁶ СГ — слезоточивый газ

не увидеть с земли. Я цепляю крюк, встроенный в пояс, за шасси, чтобы удерживать себя в таком положении.

Я уверен, что слышу топот ног и крики. Охранники выбрались на улицу и принялись основательно обыскивать автостоянку. Представляю недоумение на их лицах. Куда же он пропал, черт возьми? Он не мог исчезнуть так быстро.

Я вижу, как мимо внедорожника пробегают ноги. Снова крики. Начальник охраны орет, кляня по-китайски. Наверное, за сегодняшнее представление полетит его голова!

— Найти "гвейло" сейчас же!

Снова топот ног, они обыскивают вдоль и поперек проходы между машинами.

Через десять минут они сдаются. Охранники понимают, что нарушитель, должно быть, скрылся в ином направлении. Я выжидаю еще пять минут, убеждаюсь, что все полностью утихомирилось, и опускаю себя на бетон. Осматриваюсь. Ничего. Я выкатываюсь из-под "Хонды", гляжу по сторонам, и сажусь на корточки. Медленно я выглядываю над капотом и осматриваю стоянку. Я один.

Покидаю территорию так же, как и пришел, используя тени, чтобы скрыть свое присутствие. Я двигаюсь подобно кошке, бесшумно и незаметно, придерживаясь стен и уличных объектов. Прятки — это игра, в которой я чертовски хорош.

В сравнении с другими заданиями, это прошло относительно гладко. Нет "простых" заданий как таковых. Все имеют свои трудности. Я не воспринимаю это как должное и должен быть уверен, что делаю работу незаметно. Вот, что значит быть Splinter Cell'ом. Не оставлять следов. Войти. Выйти. И дело сделано.

Splinter Cell работает один. Удаленная команда отслеживает и обеспечивает мне поддержку (профессионалы, которые также чертовски хороши в своем деле), однако это моя жопа здесь, на линии огня. Каждый шаг нужно продумать, как будто на поле стоит гигантская шахматная доска. Одна единственная ошибка может стать смертельной.

Я предпочитаю думать, что не допускаю ошибок. Я — Сэм Фишер. Я — Splinter Cell.

2

ПОДПОЛКОВНИК Дирк Вербакен взглянул на часы, решив, что пора идти. До встречи было еще сорок минут, более чем достаточно времени, но ему нужно было учесть все непредвиденные обстоятельства.

Он встал, взял портфель и вышел из своего кабинета. И обратился к своей ассистентке:

— Ушел на обед.

Она кивнула и записала время. Вербакен шел по коридору и остановился возле двери мужского туалета. Он приоткрыл дверь, но не вошел. Вербакен был беспокоен, он оглянулся вокруг, и убедился, что никто не следит. Затем он прошел через зал к комнате архивов. Он знал, что в это время там никого нет.

Правила в Разведывательном управлении и Департаменте службы безопасности были очень строгие, особенно, когда речь заходила о выносе папок из здания.

Любой, кто хотел вынести что-нибудь из архивов, должен был исполнить бюрократическую песню и танец, в которых присутствовало довольно много волокиты. Поддерживался документальный след и вероятности того, что последует множество вопросов, были велики. Самый подходящий вариант: просто взять эти документы и тайно пронести. После обеда он может повторить процедуру с документами, вернуть их на место и никто не узнает. В конце концов, Вербакен был одним из высокопоставленных должностных лиц в Департаменте, и десять лет прослужил в Бельгийской военной разведке и Службе безопасности.

Вербакен подошел к кабинету с пометкой "Б", открыл его своим ключом. Выдвинул ящик, быстро пробежался по папкам, и нашел нужную.

Он вытащил папку, задвинул ящик, и запер кабинет. Подошел к рабочему столу и сунул папку в портфель. Подполковник пошел обратно к дверям архивной комнаты, приоткрыл дверь и выглянул. Все чисто. Он проследовал в зал и направился к лифтам, по пути толкнул дверь в мужской туалет. Его помощница, скорее всего не обратила внимания на него, во всяком случае, перед уходом он воспользовался уборной.

В Брюсселе стоял прекрасный день. Вербакен вышел из неприметного здания, расположенного недалеко от Гран-Плас, великолепной площади, считающейся центром города. Символы Бельгийской королевской истории окаймляли Гран-Плас со всех четырех сторон, и Вербакен, коренной бельгиец, ежедневно поражался удивительной выставкой декоративных фронтонов, золоченых фасадов, средневековых стягов, и золотых филигранных скульптур на крыше. Однако, ослепительные достопримечательности готической Ратуши пятнадцатого века,

неоготический Дом короля семнадцатого века, и Дом гильдии пивоваров сегодня для него ничего не значили. Он над чем-то задумался.

Вербакен живо зашагал по красочным, узким, вымощенным камнем улицам до пересечения Рю де Шен и Рю де Летув. Он не обращал внимания на туристов, которые фотографировали известную скульптуру под названием "Писающий мальчик". Вербакен еще раз взглянул на часы и отметил, что еще укладывается по времени. Нет нужды спешить, и тотчас же решил остановиться, постоять с толпой. Он неплохо распознавал слежку, и тщательно рассматривал людей позади себя. Предположив, что повода для волнения нет, пошел дальше.

В конце концов, Вербакен прибыл в "Метрополь", единственный отель девятнадцатого века в известном городе. Отель "Метрополь", расположенный на исторической Площади де Брукер, в самом сердце Брюсселя, больше походил на дворец. Вербакен всегда мечтал провести в нем второй медовый месяц со своей женой. Она любила смесь стилей, пронизывающих интерьер воздухом роскоши и богатством материалов: панельной обшивки, полированного тикового дерева, нумидийского мрамора, позолоченной бронзы, и кованого железа. Это место, определенно, обладало успокаивающей атмосферой.

Зайдя в здание, Вербакен почувствовал себя более комфортно.

На тротуаре напротив отеля, двое мужчин, одетых в дорогие костюмы от Армани, сидели за небольшими круглыми столиками с чашками кофе. Кафе "Метрополь" было довольно популярным местом обеда в будни, и сегодняшний день не стал исключением. Все столики были заняты, бизнесмены и туристы с нетерпением ожидали в очереди, когда освободится очередное место. Мужчины не обращали на это внимание. Они не спешили и потягивали свое кофе.

Один из них, русский, по имени Влад, махнул официанту. Заказал по-французски мороженое. Официант выглядел слегка возмущенным, поскольку парни занимали столик больше часа и заказали только кофе... а теперь мороженое. Однако официант улыбнулся, и сказав: "Мерси", ушел на кухню. Влад глянул на компаньона и пожал плечами.

Другой парень, грузин, именовавшийся Юрием, начал было говорить, что нет времени на десерт, но затем решил промолчать.

Юрий проверил карман, и убедился, что ключ на месте. В "Метрополе" до сих пор использовались старомодные ключи для комнат, и украсть ранним утром у горничной мастер-ключ было проще простого.

Прошло несколько минут, но никто не проронил ни слова. Официант принес мороженое и, как бы намекнув, положил счет на столик. Влад уже хотел возмутиться, что они еще не собираются уходить, однако Юрий бросил на него взгляд. Влад поблагодарил официанта и улыбнулся.

Пока Влад засовывал ложечку с десертом в рот, Юрий продолжал разглядывать прохожих на тротуаре. Это была обычная полуденная толпа: бизнесмены, туристы, красивые женщины, не очень красивые женщины... и потом заметил цель.

Юрий слегка толкнул Влада ногой. Влад поднял взгляд и увидел человека с портфелем, который прошел через кафе в сторону парадного входа в отель.

Дирк Вербакен.

Влад быстро положил деньги на столик, съел последнюю полную ложку мороженого и поднялся с Юрием. Они поправили свои галстуки и осторожно последовали за подполковником внутрь.

Непредвзятому наблюдателю могло показаться, что русские были банкирами, и походили на людей, работающих с деньгами. Возможно адвокатами. Или управляющими из очень солидных фирм. От них исходила атмосфера утонченности, практичности, богатства и это был именно тот образ, который они задумали.

Все это, конечно же, не было правдой.

ВЕРБАКЕН постучал в дверь и через глазок заметил движение. Спустя мгновение дверь открылась, на пороге стоял коренастый американец лет тридцати. Он был одет в футболку и спортивные штаны, на шее висело мокрое полотенце. На левой ноге висела "Беретта Бобкет" 22-го калибра.

— Подполковник Вербакен, — сказал мужчина.

— Здравствуйте.

Ответил бельгиец на беглом английском.

— Входите.

Мужчина открыл дверь и Вербакен вошел в комнату. Американец закрыл и запер дверь, затем повернулся к Вербакену и протянул руку.

— Приятно, что наконец-то встретились с вами лично. Рик Бентон.

Вербакен пожал Бентону руку и сказал:

— Я представлял вас старше.

— Почту за комплимент, — сказал Бентон. — Присаживайтесь, пожалуйста. Может, хотите что-нибудь выпить?

Он провел Вербакена в гостиную номера люкс, где стоял большой деревянный стол, мини бар, телевизор, стеклянный кофейный столик, зеленые стулья и диван, сервант с большим зеркалом, растениями в горшках, и огромным окном с видом на террасу.

— Немного воды было бы не плохо, если она у вас есть. Знаете, я прожил в Брюсселе всю свою жизнь, но я никогда не был в номере "Метрополя", — произнес Вербакен.

— Отличное место, — сказал Бентон.

Он прошел к мини бару, выбрал две бутылки минеральной воды и присоединился к Вербакену. Он посмотрел на Бельгийца и спросил:

— Я полагаю, вы принесли?

Вербакен кивнул. Он положил портфель к себе на колени, открыл его, и протянул папку Бентону.

— У меня чуть меньше часа, — сказал он.

Бентон взглянул на число страниц в папке и сказал:

— Нет проблем. Я могу сделать фото каждой страницы этим.

Он показал Вербакену оперативный спутниковый коммуникатор, который предоставило ему АНБ.

— Я полагаю, что вам не довелось встретить субъект? — спросил Бентон.

Вербакен покачал головой:

— Нет, нет, это было до меня. Я пришел на службу через несколько лет после того, как его убили. Возможно, несколько старших сотрудников знали его. Весьма интересный парень.

Бентон кивнул и сделал снимок первой страницы.

— Вы что-нибудь слышали о наших друзьях с Ближнего Востока?

— Не более того, что есть у вас. Хотя, по-прежнему ищу данные. Можно сказать, что это мой любимый проект, — ответил Вербакен. — Вы были в Бельгии раньше?

— Да, некоторое время тому назад. Я был бы не прочь находиться в Европе, чем в выгребных ямах Ближнего Востока, — сказал Бентон. — Поверьте мне, приезжать сюда — это отпуск.

Он продолжил фотографировать страницы ОПСАТом.

Вербакен усмехнулся.

— Могу себе представить.

— Вы когда-нибудь были в Штатах?

— Три раза. Моя жена и я...

Вербакен был прерван стуком в дверь. Мужчина замер и его глаза расширились.

Бентон поднял руки.

— Не волнуйтесь. Я заказал себе обед. Это обслуживание номеров.

Он взял небольшую "Беретту" и пошел к двери. Посмотрев в глазок, Бентон открыл дверь маленькому мужчине в белом костюме.

— Обслуживание номеров, — произнес тот по-английски.

— Заносите внутрь, — сказал Бентон, оставляя дверь открытой.

Официант вкатил тележку с тремя накрытыми тарелками.

— Оставьте у окна.

Бентон взглянул на Вербакена и спросил:

— Хотите заказать обед?

— Нет, нет, спасибо. — Ответил Вербакен. — Я не сильно голоден.

— Ну, как знаете.

После того, как официант поставил тележку, Бентон дал ему чаевых и указал на дверь. Он снова запер дверь и продолжил фотографировать файлы.

— О чем вы говорили?

— Хм? О, да. Америка. — Вербакен сделал глоток воды. — Моя жена и я провели там медовый месяц. Нью-Йорк. Очаровательное место.

Бентон сделал еще один снимок и прервался, рассматривая свой заказ. Он положил пистолет на кровать и поднял крышки с тарелок.

— Мм. Выглядит аппетитно. Суп-пюре с копченым угрем, лосось в слоеном тесте с икрой севрюги и бутылка пива "Дювель". Превосходно, а?

— Я уверен, это вкусно.

— Точно ничего не хотите?

— Нет, спасибо.

Бентон нахмурился.

— Погоди-ка секунду. Я заказывал корзинку с хлебом. И масло. Проклятье.

Он пошел к телефону, взял трубку и нажал на кнопку "Обслуживание номеров".

— Да, это мистер Бентон из номера 505. Я заказал вместе с обедом немного хлеба и масла. Но их нет на подносе. Угу. Хорошо, спасибо.

Он положил трубку и вернулся к папке, чтобы сделать еще фото.

— Они принесут.

— Приступайте к обеду, — сказал Вербакен. — Я не возражаю.

Бентон улыбнулся и положил ОПСАТ на стол с папкой. И направился к тележке, но остановился от звука ключа в двери.

— Быстро, — сказал Вербакен.

— Даже слишком быстро, если спросите меня.

Бентон кинулся за "Береттой", но дверь распахнулась прежде, чем он взял пистолет. Юрий ткнул стволом с глушителем VP70 "Хеклер и Кох" в лицо Бентону.

— Не двигайтесь, господа, — сказал Юрий, продолжая держать Бентона под прицелом. — Назад, пожалуйста, и поднимите руки вверх.

Другой рукой он положил мастер-ключ гостиницы обратно в карман.

Бентон послушался. Вербакен побледнел.

Влад вытащил свое оружие, "Глок", и направил его на бельгийца.

— Не сопротивляйтесь, — сказал русский.

— Кто вы? Что вам нужно? — прошептал Вербакен.

Влад ударил его по лицу "Глоком".

— Я не разрешал разговаривать, — сказал он.

Прижал руки к щеке, Вербакен наклонился вперед.

— Поднимите руки вверх, пожалуйста, — приказал Влад.

Бельгиец подчинился, выявляя уродливую ссадину на левой стороне лица.

Юрий указал на диван.

— Садитесь туда, пожалуйста, — сказал он Бентону. — Держите руки поднятыми.

Бентон медленно обошел кофейный столик, подходя к тележке с едой. С быстротой кошки, он схватил с нее нож и бросил в Юрия. Однако русский был быстрее. Он резко увернулся, и нож пролетел мимо, попав в стену. "Хеклер и Кох" дважды выстрелил.

Бентон повалился назад и врезался в тележку с едой, создавая какофонию из тошнотворно разбивающегося стекла и лязга подносов. Американец скатился с тележки и лицом упал на пол.

В панике Вербакен вскочил на ноги и побежал к двери.

Последовали два выстрела. На этот раз грязную работу с глушителем сделал "Глок". Бельгиец шлепнулся в дверь и медленно сполз вниз, оставляя кровавый след.

После нескольких секунд молчания, Юрий подметил:

— Что ж, все прошло не совсем хорошо.

— Не слишком гладко, — согласился Влад. — Грязновато.

— Нам лучше поторопиться. Мы наделали много шума.

Влад кивнул и пошел к ксероксу. Он взял листы бумаги со стола — стопку как отсканированных, так и чистых. Положил бумагу в маниловую папку, взял ОПСАТ Бентона и бросил его на ковер. Затем он поднял ботинок с жестким каблуком и со всей силы опустил вниз, разбивая устройство.

— Нам еще что-нибудь нужно? — спросил он у напарника.

— Посмотри в спальне. Есть ли там его ноутбук. Быстрее принеси оружие американца, если найдешь, — ответил Юрий.

Влад заворчал и пошел в спальню. Юрий подошел к труп Бентона и пнул мужчину по голове.

— Пошел ты... — пробормотал он.

Влад вернулся с ноутбуком и пистолетом ФН, излюбленным оружием офицеров разведки АНБ.

— Смотри, что я нашел.

— Отлично. Теперь давай выбираться отсюда.

Открыв дверь, Юрий быстро проверил коридор. Он кивнул напарнику, и они вышли, закрыв за собой дверь.

Прошло три минуты, прежде чем снова раздался стук в дверь. Молчание побудило еще один стук.

— Обслуживание номеров.

На этот раз это был женский голос.

Двойной стук.

— Здравствуйте?

Официантка воспользовалась ключом, и слегка приоткрыла дверь.

— Обслуживание номеров. Здравствуйте?

Она открыла дверь шире и увидела на полу тело Вербакена. Официантка вскрикнула, увидела еще одно тело в дальней стороне комнаты, и с громкими криками выбежала из номера.

3

Я живу в городском особняке, в треугольнике между автострадами I-695, Йорк-Роуд и Дулэни-Вэлли-Роуд в Таусоне, штат Мэриленд. Этот пригород Балтимора считается "модным" с тех пор, как здесь разместился Университет Таусона. Наверно, так и есть. Не знаю. Может, это я не модный. Я не социальный парень. Не бываю на свиданиях, не выхожу на улицу, и предоставлен самому себе. И веду довольно скучный образ жизни, когда я не на задании Третьего Эшелона. У меня нет друзей, соседи, скорее всего, думают, что я какой-то затворник и единственное, что я часто посещаю — продовольственный магазин неподалеку, винную лавку и химчистку в торговом центре на Йорк-Роуд.

Мне нравится так жить.

Особняк достаточно велик для одинокого мужчины сорока лет. У меня три этажа, на которых есть, где развернуться. Я балую себя простыми удовольствиями: огромным телевизором с плоским экраном, DVD-плеером и системой объемного звука. На нижнем этаже у меня находится библиотека справочных материалов, а также мой домашний офис. Если бы кто-то увидел мои книги, то они, скорее всего, сказали бы, что я профессор географии или преподаю историю. Для своей работы я изучаю страны мира. Стараюсь быть в курсе всего, что происходит в политике, экономике и особенно происходящее в так называемых горячих точках. Иногда даже небольшая частица знания о необычном факте, существующем только в определенной стране, может спасти вашу жизнь. Знание кто друг, а кто враг, имеет огромную значимость в полевых условиях. И каждый день, я стараюсь узнать что-то новое. Это поддерживает бдительность.

Я живу неподалеку от "Таусон Таун Центр", огромного торгового центра, привлекающего всех прекрасных людей в этом районе. Я избегаю его как чумы. Ненавижу торговые центры, потому что они все одинаковые. Те же самые магазины, те же привилегии и невежественные люди, занимающиеся повседневной тратой денег — как правило, чужих. Когда мне что-то нужно, я иду в магазины для семьи. Купить одежду я могу где угодно. Если мне нужно купить DVD или CD, я покупаю через интернет, и мне присылают их почтой. На самом деле, я совершаю ужасно много интернет-покупок. Это сводит личный контакт к минимуму.

Я желаю оставаться анонимом.

Мне нравится себе готовить. И я также в этом чертовски хорош. Это одна из сторон, которую Сара ценит во мне. Она не часто меня навещает, и это когда случается, она всегда предпочитает, чтобы вместо похода в ресторан готовил я. Меня это устраивает. Умение готовить не менее важно в моей профессии. Вы не поверите, в скольких странных и

негостеприимных местах я побывал, и приходилось наспех готовить еду из подручных средств. В свое время я научился есть довольно отвратные вещи, поэтому возможность самому готовить изысканные блюда — это талант.

Я не часто куда-нибудь выхожу, но есть несколько регулярно посещаемых мною мест. Одно из них — спортзал, который находится южнее по Йорк-Роуд, за университетом. Фактически он находится на границе между Таусоном и Балтимором. Это не шибко модный спортзал, в который ходит несовершеннолетняя шпана.

Всего несколько белых парней заглядывают туда. В основном это латино- и афро-американцы, которые занимаются боксом и тяжелой атлетикой. Полагаю, многие из них состоят в бандах, но они меня не трогают. И второе место — это студия Крав-маги, которая находится в одном здании торгового центра, что и моя химчистка. Она находится недалеко, и я хожу из дома пешком. Именно туда я и пойду после завтрака.

Я надеваю спортивный костюм, и проверяю систему безопасности. Выхожу из дома и начинаю десятиминутную прогулку к торговому центру. На улице стоит отличный денек — весна пришла рано в этом году, и суровой зимы не было.

Конечно же, большую часть зимы я отсутствовал, поэтому это не имеет значения. Задание на Ближнем Востоке, почти три месяца. Большую часть этого времени я провел в Гонконге, делая приготовления для работы в Макао. Задание также состояло из нескольких поездок в Сингапур. Отслеживание в той местности поставки "Магазином" оружия оказалось гораздо более сложным, чем изначально прогнозировалось.

Я получил неоднозначные отзывы о работе в Макао. Ламберт был доволен данными, из компьютера в казино, но не рад убийствам. Ким Вей Ло на самом деле, был очень плохим парнем и, возможно, заслуживал смерти, но Ламберт чувствовал, что из живого, впоследствии, мы могли бы получить больше информации. Если бы АНБ представило доказательства существования "Магазина" на территории Китая, то их правительство утопило бы Ким Вей Ло в арестах. Черт, убивать его не было моей целью, просто так сложилось. Или он или я. Ламберт понимает это, но все равно возмущается. Ничего, переживет.

Став Splinter Cell'ом, я счастлив, что не назначен на постоянное место. Ден Ли — агент, убитый в Макао, жил и работал на территории Дальнего Востока. Это было логично, потому как парень был китайцем. Но есть Splinter Cell'лы, которые расположены в таких частях мира, где я, безусловно, не хотел бы оставаться надолго. Мне нравится возвращаться в Штаты между заданиями, даже, если это всего лишь модный Таусон, Мэриленд. Полагаю, я занимаю определенное положение в Третьем Эшелоне.

Будучи первым Splinter Cell'ом и агентом, который легко адаптируется к любой местности, я полезен в качестве "подрядчика". В былые времена, шпионы зачастую были дипломатами или

посольскими сотрудниками разведки, и находились в стране, где осуществляли шпионаж. Полагаю, так обстоит и по сей день. Splinter Cell'ы Третьего Эшелона не имеют принадлежности к правительству США, по крайней мере, не в общественном смысле. Я использовал множество личностей, в качестве прикрытия на работе, иногда мне приходилось изучать некоторые профессии и навыки, чтобы прикрытия стало более правдоподобным.

Я работал в ЦРУ, перед тем как стал Splinter Cell'ом. И ненавидел эту работу. Кругом бюрократия. Постоянные споры, слабое сотрудничество с другими крупными агентствами. В ЦРУ я шпионил традиционным путем — как правило, в качестве дипломата или кого-то с должностными привилегиями. Мне приходилось углубляться в социальные проблемы сильнее, чем мне того хотелось. У меня не выходит развлекать какого-либо премьер-министра и его жену беседами о местной политике. Позже меня перевели на работу по развитию американского оружия. Полагаю, я проделал довольно неплохие теоретические исследования в области информационной войны, но механизм бюрократии мешал моему творчеству. Это было очень печально. Я человек действия, и поэтому покинул ЦРУ, когда полковник Ирвинг Ламберт попросил присоединиться к Третьему Эшелону.

Мне сначала не хотелось, но Ламберт обольстил меня. Сказал, что я единственный подходящий человек для этой работы. "Редкий экземпляр", — сказал он.

Я был неуловимым шпионом. На протяжении всей моей жизни у меня было достаточно опыта в шпионаже (я на четыре года старше Ламберта!), и не оставлял отпечатков пальцев в штате разведки. Он сказал, что я знаю как выжить и остаться незамеченным. Он знал, что я могу держать рот на замке. Поэтому я присоединился.

Работа в Макао была обычным делом. Мое прикрытие в Гонконге было в качестве журналиста, которым мне уже несколько раз приходилось быть. Предположительно, я работаю над книгой о переменах в Гонконге с момента передачи в 1997.

По правде говоря, многих перемен я не заметил. Мне приходилось неоднократно бывать в Гонконге до 1997 года и пару раз после, и основное отличие в том, что стало меньше Британцев.

Тем не менее, некоторые британские государственные агентства по-прежнему находились в Гонконге. Они предоставили частную лодку до Макао и обратно. Хотя остальное я должен был сделать в одиночку. Я объехал вокруг полуострова ночью и пришвартовался в пяти километрах от главного порта. Как и американцы, англичане, не знали о моем присутствии или о моих действиях в этом районе, хотя Соединенное Королевство не меньше нашего хочет прикрыть "Магазин". Именно поэтому они оказали нам содействие.

Я добрался до торгового центра и вошел в студию Крав-маги, как всегда рано. Я всегда прихожу первым. Инструктор — израильтянка по имени Катя Лоунстерн. Ей тридцать с

хвостиком и она очень привлекательна. Она подтянутая и сильная. Мне кажется, что я нравлюсь ей, но я не могу ответить взаимностью. В моем деле весьма опасно заводить с кем-то отношения. Тем более, я никогда не знаю, когда придется покинуть страну, и мне нельзя об этом говорить. Не лучшее стечение обстоятельств, чтобы обустраивать личную жизнь. Мне не особенно нравится быть холостяком, но я уже привык не думать об этом. Я могу оценить красивую девушку, взглянув на нее, но на этом все заканчивается. Я научился не позволять желаниям овладевать мной.

Катя уже в студии, разминается на перилах для балета. Полагаю, она сдает студию балетному классу в другие дни. Поверить не могу, что всю за аренду помещения платит класс по Крав-маге.

— Сэм! — сказала она, и очевидно, удивилась, увидев меня.

— Привет, Катя, — ответил я.

— Где, черт побери, ты был? Я подумала, что ты исчез с лица земли.

Так и есть. Я был на Дальнем Востоке. И не был на занятиях три месяца, хотя и заплатил на год вперед.

— Я уезжал по делам, — сказал я.

По крайней мере, это было правдой.

— Извини, я должен был предупредить тебя о том, что меня долго не будет.

Она выпрямляется и поворачивается лицом ко мне. Как обычно, она одета в трико и колготки для разминки. Чуть позже для спарринга в зале она накинула на себя еще кое-какую одежду. Катя высокая, сильная и у нее красивое, естественное тело. Черные волосы спадают немного ниже плеч. У нее карие глаза, длинный нос и слегка маленький рот. Ага, в другой жизни я бы непременно с ней переспал.

— Какие такие дела?

— Продажи. Заграничные продажи. Я был на Дальнем Востоке последние три месяца.

Она смотрит на меня скептически.

— Ты не похож на продавца.

Я опускаю на пол сумку, в которой лежит полотенце и запасная футболка, и сажусь на мат. Начинаю разминку, и спрашиваю у нее:

— Не похож? А как должен выглядеть продавец?

Она садится на мат рядом со мной и продолжает растяжку.

— Я не знаю. Но не как ты.

— На кого же я похож?

— На солдата. Я имею в виду профессионального солдата. Который служит в армии уже лет тридцать.

— Тридцать лет? Я не настолько стар!

— Нет, полагаю, что не на столько. Хорошо, двадцать лет. Кстати, сколько тебе лет? Я забыла.

— Это указано в моей заявке, не так ли?

— Ага, я могла бы посмотреть, но в данный момент я слишком занята.

— Сорок семь.

Она делает удивленное лицо.

— Сэм, ты выглядишь не старше сорока. Возможно, тридцать восемь. А это почти, как и мне.

Я смотрю на нее, и она улыбается. Она флиртует? Это было заигрывание?

— Почему, сколько тебе лет? — спросил я.

— Знаешь, это не вежливо спрашивать женщину о возрасте.

— О, Боже, Катя. Ладно тебе, признавайся.

— Угадай.

Я вполне уверен в ответе, но я притворяюсь, что думаю.

— Тридцать пять?

Она поднимает брови.

— Очень хорошо.

Еще два ученика входят в студию. Джош и Брайан ортодоксальные евреи, которые полагают, что "война" придет на их землю, и они хотят быть в состоянии защитить себя. Здоровые ребята. Не думаю, что у них бы возникла проблема в самозащите, даже не изучай бы они Крав-магу.

— В любом случае, добро пожаловать обратно, — говорит мне Катя, оканчивая беседу.

— Спасибо, — отвечаю я.

В течение следующих десяти минут подошли другие ученики. Из двенадцати человек, девятерым от шестнадцати до сорока с хвостиком. Полагаю, что в этом зале я старше всех. Трем, относительно молодым женщинам, от восемнадцати до тридцати. Катя отличный инструктор. Каждое занятие она начинается с основной разминки, которая состоит из элементов аэробики, отжиманий, приседаний и растяжки. На каждом занятии разминка различна, для поддержания интереса, а также чтобы ученики могли практиковаться вне занятий. После разминки, Катя в течение пятнадцати минут обучает нас отрабатывать удар. Время посвящено ударам руками: кулаками, локтями, а так же хаммерфистам⁷ и сопутствующей самообороне. Следующие пятнадцать минут уделено ударам ногами, коленями и их защите.

⁷ Хаммерфист — удар внешней стороной кисти, напоминающий кувалду.

Последняя четверть часа отведена на самооборону, в Крав-маге есть чему поучиться. Катя основательно проходит по каждому приему самообороны, шаг за шагом, добиваясь максимального понимания. Затем отработка с напарником. Следующий целый час состоит из упражнений для укрепления мышечной силы и сердечнососудистой системы, которые учат, как действовать при угрозе или усталости, защите от нескольких нападающих, и сохранении боевого духа в течение всего боя или во время самообороны.

В отличие от цветной системы поясов в иных боевых искусствах, Крав-мага разбита на уровни. Когда вы проходите через систему, вы повышаете свой уровень, пока не дойдете до 3Б, наиболее продвинутого класса, который и обучает Катя. Который я посещаю, также как и в "Боевом классе", мы спарингуемся в защитном снаряжении. На уровне 3Б, мы отрабатываем защиту от оружия, захваты, болевые приемы, удары пятками, ногами и продвинутого рукопашного боя.

После часа занятий все обильно вспотели. Не могу дождаться, когда приду домой и приму душ. Народ стал расходиться, я вытираю полотенцем лицо и шею, переводя дух. Катя подходит ко мне и говорит:

— Сэм, это ты должен вести занятия, а не я.

— Ты отлично справляешься, Катя, — отвечаю я.

— Я серьезно. Ведь ты занимаешься этим довольно долго, не так ли? Я имею в виду, я подозревала, что ты хорош, но сегодня ты меня кое-чему научил. Где ты обучался? Ты из Израиля?

Я покачал головой.

— Неа. Родился и вырос в Штатах.

— Ты не еврей, не так ли?

Я улыбнулся.

— Когда-то Чарли Чаплину задали такой вопрос, — сказал я. — И он ответил: "Не имею чести, простите".

Она засмеялась.

— Что ж, ты чертовски хорош. Не хотела бы я драться с тобой по-настоящему.

Я не знаю, что сказать, поэтому пожимаю плечами и бормочу:

— Спасибо.

— Торопись? — спрашивает она. — Кофе хочешь? Или чего-то прохладного? Можем сходить в небольшую закусочную за углом?

О, блин. То, что мне нужно. Черт. Часть меня подталкивает идти с ней, а другая хочет бежать как от огня. Я просто не могу сблизиться с женщиной. И знаю, это не сработает. Я уже проходил через это.

— Я не знаю... — начал было я.

— Ой, да брось. Я не укушу тебя. Могу ударить в пах, если не пойдешь, но кусаться не буду.

— Мы мокрые.

Она закатила глаза.

— Что это? Ты ищешь оправдание? Мы сядем в углу, и нас никто не учует.

Черт, она милашка.

— Хорошо, — говорю я.

Она трясет головой, как бы говоря: "Не понимаю тебя". Катя берет свои вещи, я беру свои, и мы идем обедать.

Катя заказывает черный кофе. Я предпочитаю без кофеина. Не хочу зависеть от этой штуки. Если вы слишком привыкли к кофе для поддержания бдительности, имейте в виду, Splinter Cell'ом вам не быть.

Теперь наступает трудный этап. Скорее всего, она будет задавать много вопросов личного характера, на которые мне придется лгать. У меня есть список историй для прикрытия и для таких ситуаций. Обычные вопросы: "Чем зарабатываешь на жизнь?" и "В какой школе учился?" или "Был ли ты женат?".

Мы сидим за столом, и она улыбается мне.

— Итак. Вот мы и пришли. Видишь, не так уж и плохо.

— Неа, — отвечаю я.

Может быть, если я продолжу оканчивать разговор однообразно, то она заскучает.

— А теперь расскажи-ка мне еще раз о своей работе. Тебе приходится много путешествовать?

— В этом нет ничего классного, — отвечаю я. — Я продаю подшипники. Путешествую по странам и продаю подшипники. Весьма захватывающе.

Она смеется.

— Держу пари, все не так уж плохо. Меня интересуют сами путешествия.

— Сперва все нормально, но затем устаешь от ранних подъемов, переполненных аэропортов, надоедливой охраны, и часовых поясов. Поверь мне, это не так экзотично, как кажется.

— Хорошо, а как ты развлекаешься?

— В другой стране?

— Нет, здесь, дурачок. Чем ты еще занимаешься, кроме Крав-маги?

Я перевел взгляд. Иногда акт застенчивости отключает женщин, а иногда делает их любознательными. Надеюсь, это обескуражит ее, поскольку Катя такая общительная девушка.

— Не знаю, — пробормотал я. — Ничего особенного. Живу один. Я не общественный парень.

— О, конечно, — противоречила она. — Хорошо выглядящий парень как ты? У тебя, должно быть, дюжина подружек.

Я качаю головой.

— Боюсь, что нет.

— Правда?

— Правда.

Ой-ей. Она выглядит радостной. Возможно, стоило сказать, что я живу с шестью подружками. Черт, это тяжело.

— Ну, я знаю, ты не гей, тогда в чем дело? Неудачный брак или что?

— Как ты узнала, что я не гей?

Она ухмыляется.

— Брось, девушка может определить.

— А что насчет тебя? Ты не замужем?

— Я спросила первая. Но нет, я не за мужем. Я была за мужем около четырех лет, сразу после окончания колледжа. Большая ошибка. Ну, не будем о грустном. А, что насчет тебя?

Я не люблю говорить об этой части своей жизни.

— Да, я был женат однажды. Она умерла.

Улыбка спадает с лица Кати. Это обескураживает ее. Может, стоит говорить правду чаще.

— Прости, мне очень жаль, — отвечает она. — Что произошло?

— Рак, — говорю я.

— Это ужасно. Как долго вы были женаты?

— Чуть более трех лет.

— Дети?

Я не был уверен, говорить ей или нет, но ребенок у меня есть.

— Да, один. У меня дочь, ходит в колледж в Иллинойсе.

— О, ух-ты, — говорит Катя. — Ты ее часто видишь?

— Не достаточно, — честно говорю я.

— Эй, ты любишь есть? — спрашивает она, чувствуя, что должна сменить тему.

Я пожал плечами.

— Наверное. А кто не любит?

— Я люблю готовить. Ты не хочешь, как-нибудь вечером, попробовать одно из особых блюд Кати Лоунстерн? — спрашивает она.

Я не хочу говорить ей, что также люблю готовить. Чтобы между нами не было ничего общего.

— О, я так не думаю, — отвечаю я.

Мне больно говорить ей это.

Она выглядит, как будто я отвесил ей пощечину.

— Правда? — спрашивает она. — Ты многое теряешь.

— Я верю тебе. Спасибо, правда. Но я просто не могу сделать этого. Мне очень жаль.

— В чем дело? Я же сказала, что не кусаюсь.

— Дело не в этом, — бормочу я.

Я стараюсь быть замкнутым, чтобы отговорить ее.

— Я тебе не нравлюсь?

Вот мой шанс.

— Нет, — отвечаю я.

Я на самом деле думал, что это сработает, однако она отвечает:

— Бред собачий! Я тебе нравлюсь. Уверяю тебя. Ну, что с тобой?

Я улыбаюсь и отвечаю:

— Послушай, Катя, ты мой инструктор. Я не должен... Я не могу заводить отношения, ясно?

Давай просто останемся друзьями.

Она качает головой, продолжая улыбаться.

— Боже, знаешь, сколько раз я это слышала? Хорошо. Смотри, у всех нас есть прошлое, которое мы желаем скрыть. Не волнуйся об этом. Мы будем друзьями, если ты этого хочешь.

К этому моменту мы допили кофе. Я смотрю на часы и говорю:

— Что ж, полагаю, мне лучше пойду. Мне нужно сделать кое-какой, эм, отчет о продажах к полудню.

Она вздыхает и говорит.

— Хорошо, Сэм. Ты будешь на следующем занятии?

— Должен быть. Никогда не знаешь, когда могут вызвать на работу.

Мы выходим из закуской, и она протягивает мне руку. Я слегка пожимаю.

— Хорошо, друг, — говорит она. — Увидимся в следующий раз.

— Хорошо, — говорю я.

И мы расходимся. Она возвращается в студию, а я иду домой, проклиная себя, что был таким говном.

КОГДА я возвращаюсь домой, то слышу телефонный звонок. У меня есть незарегистрированная телефонная линия. На кухне установлен дополнительный телефон, на уровне груди, сразу при входе в дом.

Я снимаю трубку и слышу приятный голос Сары.

— Привет, пап, это я!

— Сара, дорогая! Рад слышать тебя, — отвечаю я.

Когда я с ней разговариваю, я на самом деле чувствую теплое, пьянящее чувство.

— Просто хочу сказать тебе, что Ривка и я направляемся в аэропорт. Мы так волнуемся.

Я напрягаюсь и говорю:

— Эй, погоди. Аэропорт? Куда ты собираешься?

— В Иерусалим, пап. Понимаешь? Мы планировали это в течении...

— Сара, мы же обсудили этот вопрос! Я сказал тебе, что ты не поедешь.

— Пап! Ладно тебе, ты не сказал мне прямо, что я не могу поехать. Ты не хотел, что бы я уезжала, но ты не сказал, что мне нельзя ехать.

— Хорошо, тебе нельзя ехать. В Израиле сейчас слишком не стабильно. Учитывая положение вещей в мире по отношению к американцам, я чувствую себя не комфортно из-за этого.

Естественно, она расстраивается.

— О, ладно тебе, папа! Мне двадцать лет! Ты не можешь мне запрещать! Мы на пути в аэропорт! У меня есть билеты и все остальное!

О, дьявол. И что мне с этим делать?

— Сара, жаль, что мы не достаточно это обсудили.

Я стараюсь сдерживать гнев.

— Слушай, я позвоню тебе, когда мы прилетим в Иерусалим. Я попробую узнать разницу во времени и не буду тебе звонить посреди ночи. Мне нужно бежать.

Я больше ничего не мог придумать, как сказать:

— Будь осторожней. Я люблю тебя.

Но она уже повесила трубку. Черт побери.

Кажется, я забыл о ее планах. Сара хотела отправиться с подругой Ривкой в Израиль на весенние каникулы. Я сказал ей, что не в восторге, что она едет в такое опасное место, но предполагаю, что я был не достаточно убедителен. Что я могу сделать? Технически, она уже взрослая.

Сара — студентка Северо-Западного университета в Эванстоне, штат Иллинойс, к северу от Чикаго. Она студентка младшего курса. Вроде бы. Иногда я забываю, сколько она учится в колледже. Ривка — ее лучшая подруга и оказывается она из Израиля. Они собираются остановиться на неделю у родителей Ривки в Иерусалиме.

Я смотрел на фотографию Сары, прикрепленной магнитом к холодильнику. Точная копия своей матери. Красива и умна. Всегда действует до конца. Единственную вещь, которую она унаследовала от меня — это упрямство.

В моей голове возродились воспоминания о Риган. Было сложно работать, и нахождение на военной базе США в Германии не облегчало положения. В то время я был в ЦРУ и работал в Восточной Европе. Риган работала криптоаналитиком в АНБ.

Из всех мест на земле, мы встретились в Грузии. Не в Джорджии⁸, США, а в бывшем Советском Союзе. У нас был бурный роман и Риган забеременела. Свадьба была скромной и тихой, на базе США в Германии, где и родилась Сара.

Я не люблю вспоминать эти три совместных года с Риган. Грустный период. Я любил Риган, а она любила меня, однако наши профессии мешали нам. Это был холодный и сложный брак. Риган, в конце концов, вернулась в Штаты и забрала Сару с собой. Она восстановила себе и Саре свою девичью фамилию — Бернс. Что касается меня, то я всецело посвятил себя работе, в большей степени действуя в Германии, Афганистане и в Советских республиках в годы, предшествующие распаду СССР. Излишне говорить, что я совершенно отделился от Риган и Сары.

Полагаю, Саре было пятнадцать, когда Риган умерла.

Было чертовски тяжело. Я не общался с Риган годами, изо всех я сил старался смириться с тем, что ей осталось жить менее года. Хренов рак яичников. Не нужен квалифицированный психолог, чтобы понять, почему я избегаю обязательств. Живя с чувством вины, что Сара вырастет без меня и затем, столкнувшись с фактом, что женщина, которую я люблю, умирает, любого отвернет от взаимоотношений.

Я стал законным опекуном Сары, именно в это время я занялся бюрократической работой ЦРУ в Штатах, в надежде, что смогу жить в пригороде и уделять больше внимания ее воспитанию. К сожалению, я не комфортно себя чувствую в окружении людей в целом, не говоря уже о девушке-подростке. Это было неловкое, трудное время. Однако я считаю, все прошло хорошо. Окончив среднюю школу, Сара изменила мнение и стала лучше понимать меня. Я читал, что все подростки проходят это. Как только они покидают семейный очаг, то становятся вашим другом. Слава Богу, именно это с нами и произошло.

Хотел бы я видеть ее чаще.

Я почувствовал, что вздыхаю, и заставляю прогнать эти мысли из головы. Я спускаюсь в свой кабинет, проверить автоответчик. Моя телефонная линия с АНБ вовсе не телефонная. Это скорее пейджер, встроенный в пресс-папье на моем столе. Если кнопка горит, значит, мне

⁸ Джорджия — в англ. языке Грузия и Джорджия имеют одинаковое звучание и написание — "Georgia".

нужно связаться с Ламбертом по безопасной линии вне дома. Я никогда не звоню ему по домашней линии.

Лампочка загорелась.

Констебль Роберт Перкинс со всей страстью не любил свое патрулирование. Каждую ночь происходило одно и то же, кроме воскресений, когда театр не работал. Даже в дневное время все было скверно из-за спектаклей.

Как офицер, ответственный за окрестности Королевского Национального Театра в Лондоне, констебль Перкинс считал, что регулирование движения находился ниже его поста.

Тем не менее, он не жаловался. Фактически у него не было постоянного маршрута, и, слава Богу, за исключением чрезвычайных ситуаций, королевских событий, или проделок какого-нибудь идиота, приведших к аварии. Перкинс ходил в патрулирование вот уже двадцать два года и, вероятно, собирался продолжать еще лет десять. Перкинс всегда мог подать запрос на перевод, однако начальство не одобряло этого. К сорока трем годам, он почувствовал, что становится немного староватым для этой работы.

Вечерние будни дни движение было еще хуже из-за часа пик рабочего дня. Мост Ватерлоо маячил над головой, проходя с северо-запада на юго-восток через Темзу на Южный Берег. Скопление машин, пересекающих эту конкретную часть дороги, никогда не иссякало. В час пик, до вечернего представления в театре, оно было наихудшим. Дополнительная "плата за пробки" на стоянке не разубеждала водителей от пользования небольшой парковкой у театра. Перкинс удивлялся, почему бы большинству людей не воспользоваться метро и прогуляться.

Безусловно, это было бы проще, и менее раздражительнее.

Перкинс обычно стоял на пересечении Театрального проспекта и Аппер Граунд потому, что это было единственным местом, где автобусы выпускали пассажиров на Аппер Граунд позади театра. Таким образом, Перкинс находился под мостом Ватерлоо, и ему приходилось иметь дело с шумом от движения транспорта. Из-за чего постоянно болела голова.

Уже было 6:30 и основной объем вечернего трафика набирал обороты. Перкинс стоял у перекрестка и наблюдал, как раздражительные водители автобусов продолжают останавливаться, уезжать, останавливаться, и уезжать.

Штатские и водители такси двигаются вдоль Театрального проспекта и еще больше затрудняют движение. Они ожидают, что мир остановится, и они смогут посмотреть последнее Шекспировское произведение.

Перкинс прожил в Лондоне всю жизнь и никогда не был в Национальном театре, кроме случая расследования кражи, больных посетителей или агрессивных гостей. Он никогда, не сидел ни в одном из трех театров. Ему было все равно. У него не было "эрудированного вкуса" к таким развлечениям. Когда он сказал это своей жене, она ответила, что во времена Шекспира,

его пьесы считались развлечением для людей нижнего и среднего классов. Перкинс ничего не ответил на это.

Звуки автомобильных сирен на Театральном проспекте отвлекли его внимание от натиска таксистов на Аппер Граунд. Он покосился в этом направлении и был ошеломлен; то, что он увидел, медленно двигалось по дороге и в итоге остановилось на двойной красной линии, преграждая движение.

Это был большой грузовик с платформой, покрытой театральными декорациями. Где перед прохожими показывали свой бенефис три "актера", машины пытались объехать грузовик. Перкинс за все годы на Южном Берегу никогда не видел ничего подобного. Во-первых, потому, что грузовики были запрещены на этой дороге.

Перкинс снял с пояса рацию и связался со своим напарником, констеблем Блэйком, который был по другую сторону театра.

— Да, сэр?

— Блэйк, ты видел грузовик на Театральном проспекте?

— Какой грузовик?

— Здесь чертов грузовик с актерами. Они показывают какое-то представление. Из-за него здесь проблемы.

— Я об этом ничего не знаю, сэр.

— Иди к театральной кассе и спроси, относится ли он к театру.

— Сделаю.

Блэйк окончил связь и Перкинс зашагал к грузовику, готовясь надавать кому-то чертей. Ему пришлось остановиться и направить машины в объезд грузовика, а затем побежал обратно к перекрестку, расчищая лабиринт из такси, который образовался менее чем за десять секунд. Перкинс выругался и шлепнул по капоту такси, говоря таксисту быстро объехать и перестать сигналить.

Блэйк вызывал по рации.

— Это Перкинс.

— Сэр, служащие театра ничего не знают об этом. Они не предусматривали никакого представления.

— Ясно. Спасибо, Блэйк.

Перкинс вернул рацию на место и сделал глубокий вздох. Он был зол и пожалел несчастного, которого он хотел обругать. Констебль покинул хаос на перекрестке и целенаправленно направился к грузовику.

Актеры были одеты в средневековые одеяния и произносили стихи, которые никто не слышал из-за шума движения на мосту сверху. Каков в этом чертов смысл? Поражался Перкинс.

Водитель в кабине странно подергивал головой. Похоже, что он был арабом: у него был темная кожа и черная растительность на лице.

Перкинс подошел к стеклу и громко постучал.

— Послушайте! Вы должны уехать! Вы не должны здесь находиться! — выкрикнул Перкинс.

Водитель не смотрел на него. Он продолжал качать головой взад-вперед, что-то бормоча самому себе.

— Сэр! Пожалуйста, опустите окно! Я к вам обращаюсь!

Перкинс снова постучал в окно, и затем он осознал, что делал водитель.

Он молился.

Как только его осенило, сердце Перкинса замерло. Задыхаясь, он отошел от грузовика, но было слишком поздно.

Взрывы были настолько мощными, что уничтожили грузовик с трупой актеров-самоубийц, восемь машин на Театральном проспекте и обрушили часть моста Ватерлоо. Четырнадцать легковых автомобиля упали с моста, вызвав масштабное, цепное возгорание. Сторона театра, обращенная к взрыву, была опалена и разбито несколько окон. Погибло шестьдесят два человека и около ста пятидесяти ранено.

Констебль Перкинс более не будет регулировать движение у Национального театра.

Каждая крупная сеть вещания наблюдала за происшествием в Великобритании, но именно BBC-2, взяло эксклюзивное интервью у турецкого эксперта по терроризму, который случайно оказался в Лондоне по делам. Светловолосая женщина-репортер поймала Намика Басарана, пятидесяти двухлетнего мужчину, который поспешно выходил из отеля "Ритц", чтобы подъехать к Набережной, и посмотреть происходящее лично. Рядом с ним был телохранитель, большой мужчина в тюрбане.

— Мистер Басаран, можете прокомментировать, с чем связан ваш приезд в Лондон? — спросила репортер.

Басаран, мужчина с темной комплекцией кожи, говорит в камеру:

— Я глава коммерческой благотворительной организации в Турции, названной "Тирма". За четыре года нашего существования мы предоставили помощь жертвам террористических актов по всему миру. Великобритания не является исключением. Я надеюсь, что выделенные несколько тысяч фунтов, помогут жертвам этой ужасной трагедии.

— Говорят, что вы являетесь экспертом по терроризму. Не могли бы вы подробнее рассказать об этом?

Басаран покачал головой:

— Никто не может быть "экспертом" по терроризму. Это нонсенс. Терроризм непостоянен. Изменяется ежедневно. Террористы привыкли угонять самолеты и заставлять пилота лететь в нужном направлении. Это переходит в захват заложников на борту самолета, чтобы вынудить правительство принять меры. Теперь у нас есть угонщики, готовые умереть на борту и заодно убить всех пассажиров. Террористы стали более отчаянными и смелыми.

На экране появилась идентификационная метка:

— Намик Басаран, президент и главный исполнительный директор, председатель "Акдабар Интерпрайзес", "Тирмы".

— Правда, что вы сами были жертвой терроризма?

Басаран слегка коснулся лица. Может быть, у него была пересадка кожи?

— Это очень болезненная тема для меня и я бы не хотел о ней рассказывать по телевидению. Достаточно лишь сказать, что я пережил трагедию в своей жизни и вложил личную прибыль законной компании "Акдабар Интерпрайзес" в интересы "Тирмы". Я потратил годы на изучения террористических ситуаций на Ближнем Востоке и в других частях света, установил контакты, которые полезны для тех из нас, кто хочет искоренить терроризм.

— У Вас есть какие-нибудь идеи о том, кто мог стоять за происшествием на Южном берегу этим вечером?

Глаза Басарана загорелись, когда он начал говорить:

— Рано говорить с уверенностью, но я не удивлюсь, если завтра британское правительство получит сообщение от "Теней", взявшись на себя ответственность.

— Сэр, вы полагаете, что "Тени" — наиболее опасная террористическая сеть в мире? Некоторые говорят, что они обошли наиболее известные террористические организации как "Аль-Каида" и "Хезболла".

— К сожалению, я должен с этим согласиться. "Тени" становятся все могущественнее с каждым днем. Это сила, которую в скором времени мировые правительства мира будут рассматривать в огромном масштабе. Это все, мне нужно спешить. Я хочу непосредственно увидеть место происшествия, чтобы сделать отчет на консилиуме наших послов по прилету в Турцию. Спасибо. Пойдем, Фарид.

Телохранитель отвел Басарана от камеры, и они оба сели на заднее сидение лимузина.

Репортер обратился в камеру:

— Это был Намик Басаран, председатель благотворительной организации, базирующейся в Турции. Если мистер Басаран прав, "Тени" могут вновь нанесли удар. На сегодняшний день эта

таинственная группа террористов взяла на себя ответственность за ряд недавних нападений на Ближнем Востоке, в Азии и Европе, самой последней из которых была трагедия двух недельной давности в Ницце, Франция. Это Сьюзан Харп для BBC-2.

5

Я езжу на джипе "Гранд Чероки" 2002 года выпуска, когда я дома, в Мэриленде. Это надежная модель внедорожника 4X4 с мощностью 265-лошадиных сил V8. Для этого города слишком большой автомобиль, но были времена, когда мне нравилось брать его на бездорожье. Недавно я был на задании Третьего Эшелона, и выслеживал подозреваемого террориста, который укрывался в Лас-Вегасе. Я вел свой "Чероки" по пересеченной местности и это был взрыв. Я наслаждался дорожной поездкой. Во всяком случае, этим все и закончилось, я съездил на джипе по бездорожью несколько раз во время этой миссии. Машина служит мне хорошо.

По пути из Таусона, я слушаю НОР⁹ и узнаю о теракте в Лондоне. Он произошел на Южном Берегу, часть моста Ватерлоо была разрушена. Они не знают, сколько людей погибло, и сколько было ранено. Звучит довольно плохо. Интересно, моя встреча с Ламбертом имеет к этому отношение.

Ламберт и я обычно встречаемся в общественном месте. Я сторонюсь зданий правительственных учреждений и района О.К. на случай, если за мной следят. Увидев меня, входящим в здания АНБ или ЦРУ, несомненно, будет намек на то, что я работаю на федералов. Ламберт и я меняем места встречи, но обычно мы встречаемся в торговых центрах. Он знает, что я их ненавижу и, полагая, он специально выбирает места встречи здесь, чтобы позлить меня. У Ламберта жуткое чувство юмора.

Сегодня я еду в О.К. по I-95, а затем сворачиваю на запад к Сильвер Спринг. Я следую указателям к "Сити Плейс Молл" на Колсвил-Роуд, припарковываю машину и захожу внутрь. Продовольственный дворик легко найти, и там, за одним из столиков, меня ожидает Ламберт. Сегодня он одет в трикотажную с короткими рукавами рубашку для гольфа и брюки цвета хаки. Он никогда не надевает рабочий костюм, когда мы встречаемся в публичном месте. Похоже, что он заказал "Биг-Мак Комбо Мил" и наслаждается им. Я киваю ему и подхожу к толпе у фаст-фуда, чтобы сделать заказ. Поскольку сейчас полдень и я не очень голоден, я заказываю себе кусок пиццы от "Сбарро". Почему в каждом торговом центре Америке есть точно такие же сочетания ресторанов фаст-фудов? Это одна из загадок Вселенной.

Может я и старше Ламберта, но выгляжу моложе. Он напоминает мне актера Дэнни Гловера. Его курчавые волосы полностью поседели, а мешки под глазами свидетельствуют о напряженной ответственности главного разведывательного отдела в правительстве США. Не поймите меня превратно: он энергичный парень. Он амбициозен и умен, и я не уверен, что он спит вообще. И выпивает больше кофе, чем дышит. Ламберт из тех парней, которые всегда

⁹ НОР — Национальное Общественное Радио.

заняты и никогда не расслабляются. У Ламберта есть смешная привычка, когда он нервничает, то почесывает свою макушку коротко стриженной головы.

Полковник Ламберт начал работать в разведке еще с молодости. Я знаю, что во время войны в Персидском Заливе на нем была большая ответственность. Сейчас у него хорошие связи в Вашингтоне, несмотря на то, что у меня создается впечатление, что ему не достаточно доверяют. Его никогда не признавали публично, но я верю, что ему нравится идти таким путем.

Третий Эшелон — это организация, о которой никто не должен знать. АНБ (Агентство Национальной Безопасности) — это национальное учреждение по криптологии. Оно координирует, направляет и выполняет узкоспециализированные мероприятия по защите американских систем информации и осуществляют доклады внешней разведки. Занимаясь как системами связи, так и обработкой данных, АНБ по своей природе ведет высокотехнологичное управление. На протяжении десятилетий в АНБ занимается тем, что я называю "пассивным" сбором подвижной информации, перехватывая перемещающиеся данные. Первый Эшелон был всемирной сетью международных разведывательных учреждений и станций перехвата, которые захватывали сигналы связи и перенаправляли их в АНБ для анализа. Эта сеть была очень важна для США в период Холодной Войны.

Когда Советский Союз распался, и системы связи эволюционировали, высокие технологии стали игрой с одноименным названием. АНБ создало Второй Эшелон, который был полностью посвящен этому новому поколению коммуникационных технологий. К сожалению, огромные объемы информации в сочетании с ускоренными темпами развития технологий и шифрования потряс Второй Эшелон. АНБ пережило первый широкомасштабный крах системы.

Поскольку средства связи стали более сложными и цифровое шифрование более продвинутым, то пассивный сбор информации перестал быть эффективным. Поэтому АНБ запустило сверхсекретную инициативу — Третий Эшелон, вернувшийся, скажем так, к "классическим" методам шпионажа на базе новейших технологий для агрессивного сбора данных. Иными словами, был возвращен повседневный мир шпионов в полевые условия, которые рискуют своими жизнями ради получения фотографии, записи разговора или копирования компьютерных данных с жестких дисков. Агентов Третьего Эшелона называли Splinter Cell'ами, и я был первым. Мы физически проникаем на опасные и секретные вражеские локации для сбора необходимой информации любыми средствами. В двух словах, наша основная задача, сделать нашу работу, оставаясь незаметными для глаз общественности. Нам разрешается работать вне международных договоров, и США не будет признавать наших действий или оказывать поддержку для операций.

Таким образом, Третий Эшелон — это субагентство АНБ, состоящее из элитной команды стратегов, хакеров и полевых агентов. Мы реагируем на кризисы информационной войны —

войны, скрытой от средств массовой информации и от обычного человека. Вы не увидите наши сражения по CNN. По крайней мере, я на это надеюсь. В противном случае, мы не справились.

— Как дела, Сэм? — спросил Ламберт, пережевывая кусок бургера.

— Не жалуюсь, полковник, — ответил я, сидя за одним из пластиковых столов напротив него. Однажды он сказал мне называть его "Ирв", но я не мог заставить себя сделать этого. "Полковник" меня устраивает. Иногда оно мне кажется нелепым при таких встречах. И вот мы здесь, два безобидных мужчины среднего возраста, которые зашли в торговый центр, чтобы поесть в фаст-фуде, а еще мы собираемся обсудить вещи, касающиеся безопасности Соединенных Штатов.

Ламберт сразу переходит к делу.

— Сэм, другой Splinter Cell был убит, — говорит он, глядя мне в глаза.

Я жду, когда он продолжит.

— Рик Бентон. Ориентирован в Ирак, но был убит в Брюсселе.

— Я слышал о нем. Но никогда не встречался, — отвечаю я.

— Нет, конечно же, нет. По естественной причине, мы держим вас отдельно.

— Что случилось? Что нам известно? — спрашиваю я.

Ламберт покачал головой.

— Подробности продолжают поступать. Бельгийская полиция по-прежнему занимается этим делом, поэтому мы получаем информацию по обычным дипломатическим каналам и тебе известно, насколько медленно это бывает. Но мы сотрудничаем с бельгийской разведкой и службой безопасности. Один из их парней был убит вместе с Бентоном.

— Что нам известно?

— Бентон находился в процессе получения некоторой конфиденциальной информации от своего связного в Брюсселе, офицера разведки Дирка Вербакена. Неизвестные наемники убили обоих мужчин в номере Бентона, во время обеденного перерыва. Видимо Бентон и Вербакен встретились лицом к лицу, но кто-то знал об этом. Они оба были застрелены и есть все основания полагать, таким же способом был убит Ден Ли в Макао. Такая же баллистика — калибр и тому подобное.

— Думаешь это все тот же "Магазин"?

— Должно быть. Я не могу думать о другой вражеской организации, которая подозревает о нашем существовании. "Магазин" был замечен более года назад, и они знали, что АНБ охотится за ними. Так или иначе, они полностью осведомлены о Третьем Эшелоне, ну, а чем мы занимаемся не сложно предположить. Как иначе они смогли выследить двоих Splinter Cell'ов за трехмесячный срок?

Я пожал плечами и решил сказать:

— Они залезли в наш список? Вероятно, у них также есть талантливые хакеры.

— Наш брандмауэр не проникаем, — отвечает Ламберт. — Карли слишком хороша в своем деле. Мы бы узнали, если бы нас взломали.

— В безопасности была брешь, которая произошла около девяти месяцев назад.

Ламберт кивает.

— Я думал об этом. Это возможно. Маловероятно, но ты прав. Мы с Карли обсуждали это, существует примерно один шанс из трехсот, что кто-то мог взломать нас. Невероятно, но возможно.

— Итак, для чего Бентон и этот бельгиец встречались? Как там его звали?

Вербакен. В последнем отчете Бентон указал, что расследует возможную связь между "Магазином" и "кем-то в Бельгии". Он сказал, что собирается в Брюссель на встречу с контактом из разведки и отчитается по окончании. В течение многих месяцев он отслеживал главный путь снабжения "Магазином" оружия в Ирак с севера. Клиентами являются различные повстанцы и террористические группировки, преследующие наших союзников, новое правительство Ирака и нас самих с тех пор, как президент объявил об окончании войны в Ираке. Я знаю, Бентон подобрался близко к выяснению правды насчет этих парней.

Ламберт неторопливо отпил содовой.

— Полагаю, что Бентон потерял бдительность. И поплатился жизнью.

— Бельгийцы предоставили нам информацию об их парне? Над чем он работал?

— Ну, у нас есть зацепка. ОПСАТ Бентона был извлечен из номера отеля. Он был разбит к чертям, но после изучения устройства, нашим людям удалось извлечь небольшое количество файлов, которые не были переданы нам. Среди них была фотография страницы из папки, принадлежащей Вербакену. Когда бельгийская разведка увидела фото, они подтвердили, что оно из отсутствующей папки, подробно описывающей деятельность Джеральда Булла.

— Джеральд Булл? — удивился я.

Я не слышал это имя в течение многих лет. Джеральд Булл был Канадским конструктором оружия и дилером, который активно работал в шестидесятых, семидесятых и восьмидесятых годах. Какое-то время он сотрудничал с нашим правительством до разногласия. Отбывал срок в тюрьме за нелегальную продажу оружия. После того, как он вышел из тюрьмы, он активно работал в Европе. В восьмидесятых тесно сотрудничал с Саддамом Хусейном и потратил много времени на проектирование и строительство высокотехнологичного оружия для Ирака. Самым известным его "творением" была так называемая "суперпушка".

Он назвал ее "Вавилон". Предполагалось, что это будет гигантская пушка, которая сможет вести огонь зарядами на невероятно большие дистанции. Кроме того, при помощи ускорителей, снаряд мог быть выпущен в космос без помощи ракет. Булл так и не завершил проект, но сделал

небольшой прототип под названием "мини-Вавилон". Последний был демонтирован и уничтожен во время войны в Заливе. Булл был убит в 1990 году ... в Брюсселе, если быть точным. Широко распространено мнение, что за убийством стоял Моссад.

— Что было в папке? — спрашиваю я.

— Не знаю, — отвечает Ламберт. — Бельгийская разведка подтвердила, что Вербакен недавно добавил материал в папку, так как он полагал, что кто-то ранее связанный с Буллом, продолжает работу физика для террористов на Ближнем Востоке. К сожалению, Вербакен не завершил свое расследование и не предоставил каких-либо подробных отчетов. Он погиб, не оставив подсказок к нахождению своих пометок. Вероятно, они находились в этой папке. И она пропала.

— За исключением одной страницы, изъятой из ОПСАТа.

— Точно.

— Убийцы взяли папку?

— Мы предполагаем, что да. Интересно, они охотились за папкой, или целью были Вербакен и Бентон, а папка с файлами была всего лишь наваром?

— Или то и другое, — предлагаю я.

— Есть и такая вероятность.

Мы затихли на минуту, погружаясь в свои мысли. Я доедаю пищу и спрашиваю:

— Ты слышал новости насчет Лондона?

Ламберт мрачно кивает.

— Об этом я также хотел с тобой поговорить. Как понимаешь, мы все очень обеспокоены.

— Информация из новостей очень неясная. Что случилось?

— Я вел машину, когда это произошло, — говорит Ламберт. — Я немедленно связался с Пентагоном и все, что они смогли собрать спустя несколько минут после происшествия так это то, что какие-то террористы-смертники переоделись в актеров. Это случилось возле Национального Театра. Большой грузовик, начиненный взрывчаткой, взлетел в воздух. Часть моста Ватерлоо обвалилась. Большой беспорядок.

— Кто-нибудь взял на себя ответственность?

— На данный момент нет, — отвечает Ламберт. — Но метод работы напоминает "Теней", тебе так не кажется?

"Тени". Сборище темных личностей, захвативших в последнее время заголовки на первых страницах газет. Относительно новая ячейка террористов, "Тени" действуют по всему миру, но, как полагают, их штаб-квартира находится на Ближнем Востоке (где же еще?). Не припомню, кто придумал название, но не они. Вроде, это была местная газета, кажется из Турции, которая

назвали их "Тенями", и название привязалось к ним. С тех пор в своих посланиях они подписывались, как "Тени". Я думаю, им это льстило.

Третий Эшелон пытался сделать все возможное, чтобы собрать данные на "Теней". Но поскольку, они были новичками, задача усложнялась. Никто не знает, представляют ли они какую-нибудь конкретную страну. Они очень похожи на "Аль-Каиду" и другие кочующие, независимые террористические группировки. У них, наверное, есть где-то богатенький папочка, который снабжает их деньгами. Но мы точно знаем то, что они взяли на себя ответственность за частые взрывы за последний год. Серьезный взрыв был в Ницце, Франция, всего несколько недель назад. Способ такой же: в каком-то общественном месте остановился грузовик и взорвался. Чертовы ублюдки. Это дерьмовые, злые поступки.

— Еще слишком рано, не так ли?— спрашиваю я. — Я имею в виду, что бы они взяли на себя ответственность?

— Верно. Это будет завтра. Но ставлю десять к одному, что это они.

Я киваю.

— Видимо, ты прав.

— Самое интересное во всем этом то, что существует связь.

— Какая?

— Этот лист бумаги из папки Джеральда Булла ... тот, из ксерокса?

— Да?

— В нем также упоминаются "Тени".

— Действительно.

— Если следовать формулировке, то на данный момент они являются крупнейшими покупателями "Магазина" и, возможно, фракцией, стоящей за тем, что выслеживал Бентон в Бельгии.

Я откинулся на спинку стула.

— Если нам удастся связать эти две группировки и идентифицировать основных игроков в каждой организации ...

Ламберт ухмыляется.

— Ты быстро схватываешь.

— Итак, ты хочешь отправить меня в Бельгию?

— Нет. Я хочу отправить тебя в Ирак.

Ирак. Дерьмо.

Ламберт продолжает.

— Я хочу, что бы ты подхватил след Бентона. Выясни, что он расследовал. Он что-то подозревал, но черт подери, он умер прежде, чем донес до нас эту информацию. Тебя доставят в Багдад.

Ламберт тянется в портфель и достает конверт. Он скользнул им через весь стол мне.

— Все, что тебе нужно знать, находится здесь. Будь готов отправиться на военном транспорте этой ночью в 22:00 из Даллеса. У тебя предостаточно времени, чтобы добраться домой и подготовиться, а затем прибыть к 21:00 в аэропорт.

Ага, едва ли достаточно времени.

Я киваю и перехватываю пальцем конверт, не открывая его. Это может подождать, пока я не приеду в Таусон.

— Хорошо, — говорю я.

По календарю встреч у меня не намечается.

6

Я никогда не беру с собой много вещей, когда выезжаю из страны на задание. Одним из важных компонентов моей униформы является изящный, сделанный на заказ рюкзак "Оспрей" с миллионом функций. Я могу поместить два-три комплекта сменной одежды, плюс набор оборудования Третьего Эшелона. Мой медицинский комплект содержит болеутоляющие средства, бинты, антисептические средства и инъекции атропина для борьбы с химической атакой. У меня есть ограниченное количество осветителей, как химических, так и экстренных... для различных целей.

Химический осветитель горит в темноте, когда вы надламываете его внутренний контейнер. Ими удобно отвлекать и привлекать неприятеля. Экстренный осветитель — это стандартная сигнальная шашка, излучающая тепло и отвлекающая датчики, наподобие тех, что установлены на автоматических турелях. Так же у меня есть несколько осколочных гранат. Эти 14-унциевые малышки M67, состоят из 6.5-унциевого взрывчатого вещества, которое окружают 2.5-дюймовые стальные шарики. Когда эта вещичка взрывается, вам не захочется находиться рядом, поверьте мне. Высокоскоростная шрапнель разорвет вас в клочья. Вдобавок к гранатам я ношу, как минимум, одну настенную мину. Это взрывное устройство, реагирующее на движение, и его можно прикрепить на любую поверхность. В полевых условиях приходится импровизировать... я достаточно неплохо деактивирую вражеские мины, и, при необходимости, добавляются в мой инвентарь.

Другие инструменты профессии — это стандартный набор отмычек, гаечные ключи и щупы для обхода стандартных замков. Для более сложных преград, таких как сейфы, я использую, так называемые одноразовые отмычки, специально настраиваемые на различной мощности взрыв, в зависимости от того, что вы хотите открыть. Они содержат микрочастицы, которые производят резкий ударный эффект на любой обычный замок, сокрушая штифты.

Недостаток этих штук — это небольшой шум. У меня так же есть замечательный глушитель камер, который выпускает сверхвысокочастотные импульсы. Удобно применять для нарушения сигналов микросхем в камерах наблюдения. Единственная проблема с глушителем камер, что он работает от конденсатора, который нуждается в подзарядке. Также есть оптический кабель — похожий на те, что доктора суют вам в задницу, когда вы становитесь счастливым пациентом колоноскопии. Он весьма гибок и я могу просовывать его под дверями, в отверстия, чтобы увидеть происходящее по другую сторону. В него даже встроен режим ночного видения.

Мое стандартное оружие "Файв-Севен" — тактический пистолет со спусковым крючком одиночного действия. Имеет двадцати зарядный магазин, и также оснащен глушителем с

пламегасителем. Я уже рассказал вам немного о пистолете, но не упомянул, только о встроенном в него Т.А.К. (Тактический Аудио Комплекс) — это лазерный, управляемый микрофон, который дает мне возможность считывать вибрации с определенных поверхностей, в основном со стекол. Лазерный микрофон оснащен зумом как у внестудийной камеры, которую можно направить на различные объекты. Она отлично подходит для прослушивания разговоров, но я должен быть осторожен при его использовании. Чертова лампочка загорается красным светом, когда он работает.

Моя униформа, о которой я уже рассказывал, аккуратно складывается и помещается в специальный мешок в "Оспрее". Мои очки спасают мне жизнь. В них встроено два режима видения: ночное и тепловое. Ночное видение, конечно же, позволяет видеть в нижней части инфракрасного спектра. Это отличная возможность изучать тьму, но единственный минус в том, что изображение немного зернистое и поэтому мелкие предметы не рассмотреть. Тепловое видение также важно в темноте, так как оно улавливает верхний уровень инфракрасного спектра, который излучается в виде тепла, а не света.

Этот режим позволяет распознавать тепло тел через видимые препятствия: дым или газ. Еще одна замечательная штука заключается в том, что если мне понадобится изучить клавиатуру компьютера или кодовый замок сразу после того, как кто-то к ним прикасался, на клавишах, к которым прикасались, остаются слабые тепловые следы. Шпион не должен обходиться без теплового видения. Специальный флуоресцентный режим позволяет мне видеть отпечатки пальцев, пятна, и следы на пыли, невидимые невооруженным глазом. Это полезно, когда я ищу тайники.

Мое любимое оружие и инструмент — стандартная модульная штурмовая винтовка SC-20K. Именно это я не могу взять с собой в командировку. Обычно ее доставляет АНБ, вместе с "Оспреем", набитым игрушками, и оставляет там, где я могу их подобрать. Иногда это может оказаться рискованным маневром в стране без нашего посольства. SC-20K напоминает укороченную винтовку, но не более того. компоновка "Булл-пап" делает ее легкой и компактной без потери огневой мощи (калибр 5.56X45 мм SS109, 30-ти зарядный магазин, переключение с полуавтоматического на автоматический режимы). Глушитель/пламегаситель в сочетании с многоцелевым подствольным гранатометом делают ее идеальным инструментом в полевых условиях, а для дальних дистанций я использую оптический прицел. Подствольный гранатомет применяется для различных устройств. Из него я могу выстрелить аэродинамическим кольцом, которое выводит из строя противника, не убивая его.

Точный выстрел в голову вырубит парня, а если я попаду в туловище, то он потеряет ориентацию. Я могу выстрелить из подствольника липкой камерой, прилипающей к поверхностям, на которые мне не забраться. Эта миниатюрная камера имеет полное

панорамирование и масштабирование, плюс встроенные режимы ночного и теплового видения. Изображения предаются мне на ОПСАТ. Диверсионная камера — переделка липкой камеры. Малышка также оснащена моторчиком для масштабирования, однако ночное видение заменено устройствами, издающими шум и выпускающими СГ.

Я могу посылать сигналы с ОПСАТА на расстоянии, привлекать шумом врагов, а затем выпускать газ. Аналоги липких камер — это липкие шокеры, покрытые липкой смолой и выпускающие высоковольтный разряд. Они прилипают к врагам и нейтрализуют электрическим ударом. Дымовые гранаты также бывают полезны. Эти стандартные гранаты со слезоточивым газом остановят врагов. Мне нравится обращаться с ними как с шарами для боулинга, прицеливаясь перед броском. У меня есть дополнительные дымовые гранаты без СГ, которые выпускают черный дым, чтобы скрыть мое перемещение.

И последнее, мне нужно активировать мои подкожные импланты. Это приемопередатчики, которые Третий Эшелон вживил мне в шею, возле голосовых связок и внутреннего уха. Когда импланты работают, я могу получать голосовые сообщения от Ламберта через спутник, которые слышу только я. Естественно, лучше всего они работают вне помещения, но в большинстве зданий они неплохо работают. Если я под землей, импланты — говна не стоят. Передатчик НЧГ (Нажми Чтобы Говорить) транслирует данные на голосовой синтезатор, расположенный в Третьем Эшелоне. Единственное, что я должен сделать, это нажать на область возле кадыка и говорить, или шептать, и все, что я говорю, передается на синтезатор. Таким образом, я могу связаться с Третьим Эшелоном из любого места. Классно. Единственный недостаток заключается в том, что неприятели легко могут перехватить разговор, поэтому у нас с Ламбертом есть договоренность: мы связываемся посредством текстовых сообщений через ОПСАТ, и используем импланты только для экстренной связи.

Упаковав вещи, я принимаю меры, чтобы на время моего отсутствия счета были автоматически оплачены. У меня достаточно денег на различных счетах, к которым я могу получить доступ в любой точке мира. Я также звоню в студию Крав-маги и оставляю на автоответчике сообщение для Кати, объясняя, что меня снова вызвали на работу. Вероятно, она полагает, что я какой-нибудь псих. Увы.

Я оставляю "Гранд Чероки" дома. Ламберт организовал мне транспорт, который доставит меня в Даллес. Меня не особо греет мысль оставить любимый джип на долгосрочную стоянку в аэропорту, ведь вполне могут пройти месяцы.

Осталось не так уж много сделать, как зазвонил телефон.

— Пап?

Это милый голосок моей уже не маленькой дочки.

— Привет, Сара, я рад твоему звонку! — отвечаю я.

Я очень рад ее слышать, и поэтому изо всех сил стараюсь контролировать свои эмоции, насчет ее отъезда за границу вопреки моему желанию. Последний разговор закончился не удачно.

— Ты в Израиле?

— Ага. Сейчас полночь, но мы не можем уснуть. Ривка и я не можем отвыкнуть от чикагского времени.

— Как прошел полет?

— Долго, я рада, что Ривка была со мной. Так было веселей. Эй, пап?

— Да?

— Я сожалею о недоразумении. Ну, о моем отъезде.

Нedorазумении? И в мыслях не было недоразумения. Она ослушалась меня, но теперь уже поздно об этом думать.

— Мне тоже жаль, милая.

— Пап, сегодня у нас был самый красивый закат. Он был оранжево-красным, а с крыши Ривки это смотрелось как в кино. Тут так красиво.

— А ее родители с вами?

— Ага. Ее мама и папа просто замечательные.

— Рад слышать. Слушай, милая, сегодня вечером я также должен выехать из страны. По работе.

— Снова? Ты же только что вернулся?

Я вздыхаю.

— Да. Но ты знаешь, как это бывает.

В ее голосе слышалось разочарование.

— Нет, я не знаю, как это бывает. Ты такой скрытный со своей работой. И куда ты направляешься на этот раз?

— Я... Я тоже собираюсь на Ближний Восток. Но не волнуйся, рядом меня не будет.

Я слышу, как Сара с кем-то разговаривает и отчетливый мужской смех.

— Сара, кто это с тобой? — спрашиваю я.

— А? О, это Ривка.

— Мне показалось, что я слышал парня.

— О, это Ноэль, парень Ривки. Он и Элай пришли, поскольку мы не могли уснуть. И веселят нас. Ты помнишь, я говорила тебе об Элае?

— Студент-музыкант, с которым ты познакомилась в колледже? — спрашиваю я.

— Ага, он самый. В этом семестре он вернулся домой в Израиль. Как и Ноэль. Он встречается с Ривкой. Помнишь, как я познакомилась с Элаем?

Кажется, я слышал об этом в прошлом году. На втором курсе Сара встречалась с иностранным студентом из Израиля. Ривка, иностранная студентка, единственная из всей группы, кого я знаю.

— Как фамилия Элая, милая? — спрашиваю я.

— Горовиц. Элай Горовиц. Он говорит, что когда-нибудь хочет встретиться с тобой.

Я слышу мужской смех на заднем фоне и хихиканье Сары.

— Что ж, мне бы тоже хотелось с ним познакомиться, — отвечаю я.

Я стараюсь не звучать как отец.

— Почему Элай не учится в этом году?

— О, истекла студенческая виза, а он ее не продлил, — отвечает Сара. — То же самое и с Ноэлем. С визами была какая-то глупая формальность.

Не знаю почему, но в моей голове забила тревога. Возможно, это осмотрительность к иностранным студентам после случая 11 сентября. Служба иммиграции приняла крутые меры по отношению студенческих виз и выискивает нежелательные лица.

— Сара, насколько он старше тебя? — спрашиваю я.

— Пап, пожалуйста. Он старше на пару лет. Ээм, на три.

Она сердится.

— Его родители живут в Иерусалиме?

— Пап, что это? Допрос?

— Милая, это не допрос, — говорю я, стараясь не звучать сердито.

— Я просто хочу знать, с кем ты гуляешь в чужой стране, вот и все. Израиль временами бывает опасным. Береженного Бог бережет. В конце концов, я твой отец.

— Но я тоже не маленькая, пап.

— Тебе еще нельзя пить, — отвечаю я.

— О, Боже, мне еще осталось подождать семь месяцев, — с сарказмом говорит она.

Я хотел было поправить, что почти год, но не стал. Не хочу, чтобы звонок превратился в одну из битв родителей против подростков. Сара и я прошли через сокрушительные трения, когда она училась в средней школе.

— Я лишь говорю, что тебе нужно лучше узнать о нем и его семье, прежде чем по уши влюбиться, — говорю я.

Знаю, звучит неубедительно.

— Пап, пожалуйста. Мы встречались три месяца в том году, но, я полагаю, ты этого не помнишь. Я уже знаю его довольно хорошо.

— Ладно, ладно, перестая быть отцом. У тебя достаточно денег?

— Конечно, пап. Спасибо.

— И ты помнишь мой номер телефона, если тебе нужно будет связаться со мной?

— Я запомнила его, — отвечает она.

Это специальный бесплатный номер, на который она может звонить из любой точки мира, когда я на задании. На самом деле звонок передается в Третий Эшелон, и приходит в виде текста ко мне в ОПСАТ, где бы я ни был. Никто, кроме Сары и меня, не знает этот номер. Давным-давно я научил ее, как им пользоваться, но только в чрезвычайных ситуациях. Мелочи подождут до моего возвращения в Мэриленд.

— Итак, когда ты вернешься в Чикаго? — спрашиваю я.

— В следующую субботу. Просто, когда я привыкаю к смене часового пояса, нужно возвращаться домой.

— Да, так обычно и бывает.

— Послушай, папа, мне нужно идти. Приятно было с тобой поговорить.

— Сара, милая, будь осторожна, хорошо?

— Буду. Ты тоже, чтобы ты не делал.

Я почувствовал легкий сарказм. Ей не нравится то, что она ничего не знает о моей работе, о чем не забыла мне упомянуть несколько раз.

— Хорошо. Веселись. Я люблю тебя.

— И я тебя.

Она вешает трубку.

Я размышляю о том, было ли беспокойство по поводу ее друга нормальной реакцией отца к возможным интимным отношениям своей двадцатилетней дочери с парнем, который старше ее, или это что-то другое? Вероятно, я зря беспокоюсь. Элай Горовиц живет со своими родителями. Видимо, они богатые, раз позволили себе отправить его на учебу в Америку. Интересно, что же случилось с его студенческой визой на самом деле? Я мог бы сделать запрос об этом.

Сейчас с этим ничего не поделать, решил я. Нужно сосредоточиться на задании, изучить документы, которые мне дал Ламберт. В них указан связной в Ираке и где я смогу найти транспорт, SC-20K, "Оспрей", и остальное необходимое снаряжение. Полагаю, что это будет произведено через армию. Кто-то на вершине пищевой цепочки будет проинформирован.

Как только я заканчиваю приготовления, я смотрю на фото дочери на тумбочке в спальне. Мне так захотелось обнять ее и поцеловать. Вместо этого, я слегка касаюсь указательным пальцем своих губ и дотрагиваюсь фотографии.

На данный момент это все.

Месопотамия. Так когда-то назывался Ирак. Название "Ирак" не всплывало до седьмого века. В Месопотамии находились Вавилон и легендарные Висячие сады, которые считались седьмым чудом древнего мира. Мифическая башня Вавилон, некогда стоявшая на этой земле, и местность вокруг Эль-Курны возможно являются библейским местом Эдемского сада. В середине первого века нашей эры, Ислам распространился в регионе, а Месопотамия стала культурным центром арабского мира. Многие считают, что именно на этой земле зародилась письменность. Сказки "Тысяча и одна ночь" возникли в Ираке. Великолепные мечети и дворцы возвышались над городами, возведенные могущественными правителями, которые настаивали на отображении достояния страны в материальных формах. "Арабские ночи", ковры-самолеты, и райская жизнь султана...

Все это звучит довольно экзотично и красиво, не так ли? Жаль, что сегодня наше представление об Ираке не то, что было раньше. Сейчас мы полагаем, что Ирак — опасная, нестабильная страна, раздираемая войнами, пользующаяся дурной славой и недружелюбная. Я не буду рассуждать, правы мы или нет, что вторглись в Ирак в 2003. Не было сомнений, что Саддам Хусейн был плохим человеком. Его режим был жестоким и беспощадным. Но разве иракский народ стал сейчас лучше? Хрен его знает?

В наши дни трудно поверить, что Ближний Восток, и в частности Ирак, когда-то был "колыбелью цивилизации".

По крайней мере, так утверждают историки. Это моя работа, знать много о Ближнем Востоке и я в значительной степени изучал Ирак, и другие страны этого региона. Но это не значит, что я всецело понимаю них. Ближний Восток действительно иной "мир" и отличается от мира Соединенных Штатов, печально то, что многие американцы и американское правительство отказывается признать, что Ближний Восток никогда не будет таким как Запад. Но не моя работа проповедовать политику. Я слежу за политикой, но стараюсь не слишком ею увлекаться. Я просто делаю свою работу.

Так много трагических событий произошло в двадцатом веке. До Первой мировой войны, Ирак был частью Османской империи, управляемой из Стамбула. Британский мандат руководил регионом после войны, и в 1932 году страна была официально признана Лигой Наций в качестве независимого государства — первого на Ближнем Востоке. Но монархия, установленная британцами, была свергнута в 1958 году националистическим движением свободных офицеров. В 1963 партия Баас пришла к власти, затем была свергнута и в 1968 вновь вернула контроль. Пока мы не свергли партию Басс в 2003, вот так обстоят дела в Ираке.

В течение этих тридцати пяти лет, Ирак воевал с Ираном, Кувейтом, войсками ООН, возглавляемых США и со своим народом на севере, населенном курдами.

Ах, двадцатый век. Такое счастливое время.

Эти мысли кишели у меня в голове, когда самолет армии США приземлился на "Третьей военной базе" за пределами Багдада. Самолет делал посадку всего один раз в Германии. Мой дар засыпать где угодно и в любое время сделал перелет незаметным. Я достаточно долго не спал, сошел с самолета в Германии, размял ноги и перекусил. Оставшуюся часть пути я проспал и проснулся, когда самолет уже приземлился.

В промежутках между сном, я вкратце изучил текущее положение в Ираке. Несмотря на иракское правительство, США по-прежнему сохраняет прочные позиции. Местные жители просто не осознают всей картины, чтобы адекватно поддерживать порядок в стране. Организация Объединенных Наций обязалась помочь стране снова встать на ноги, но догадайтесь, кто несет на плечах основное бремя? Конечно же, Старые добрые Соединенные Штаты. И никто здесь не ценит это. Мы спасаем их от зла Хусейна, а они продолжают наносить нам удар в спину. Пойди, разберись.

Террористические акты продолжают досаждают стране. Никогда не знаешь, когда террорист-смертник направит свою машину в вашу. Каждый сотрудник правительства и политики является мишенью, так как они представляются марионетками коррумпированного Сатаны — Америки. Террористы везде и всюду. Ирак — огромная страна. Здесь огромное количество убежищ. Посмотрите, сколько времени ушло на поиски Хусейна.

Он был пойман в земляной норе. Существует несколько миллионов ям в земле Ирака. За атаки обычно обвиняют неизвестных "повстанцев" и антиамериканских бунтарей. Название "Аль-Каиды" по-прежнему толкуется как один из главных зачинщиков беспорядка, наряду с более мелкими террористическими группировками, которые всплывают каждый день. Однако в последнее время наибольший страх вызывает террористическая организация "Тени". Подобно "Аль-Каиде", они не прочь публично похвалить себя, особенно после ужасных атак. Они больше упоминаются в общественности, нежели когда-то "Аль-Каида". Посылают аудио и видеокассеты, письма, факсы и электронные письма в различные новостные организации... и везде стоит подпись "Тени". Конечно, большинство посланий могут быть проделками, и стремлением к подражанию, но наши люди воспринимают их всерьез. Именно так мы должны поступать.

Хотя военная база находится на окраине Багдада, я заметил вдалеке множество строительных кранов, которые без сомнения восстанавливают когда-то великий город. В 2003 году война нанесла огромный ущерб. Война в Заливе 1991 года так же уничтожила

значительную часть Багдада, в том числе школы, мосты и больницы. Все было восстановлено в течение десяти лет для того, чтобы снова сровнять с землей.

Вероятно, Багдад на протяжении всей истории был столько раз разрушен и перестроен, что удивительно, ведь город все еще существует. Тем не менее, это современный мегаполис. Существуют части Багдада, которые похожи на центральные районы любого крупного города на Западе.

С другой стороны, исламская архитектура изобилует во многих районах пешеходными лабиринтами тесных переулков и дворов. Впечатляющие мечети покрыты замысловатыми узорами цветных камней. В некоторых районах по-прежнему сохранились традиционные дома. Аккуратные балконы, которые на самом деле комнаты — отличительные признаки узких переулков и традиционных кварталов. Уличные проходы красиво украшены. Можно заблудиться, бродя по уличным лабиринтам старых районов, в которых присутствует нрав и шарм. Я был в Багдаде раньше, до войны, и помню, как был сражен красотой места, сокрытого фасадом боли, лишения и отчаяния. Уверен, в наши дни, ничего не изменилось.

Я высадился и предъявил документы АНБ, идентифицирующие меня как детектива полиции Интерпола из Швейцарии. Я использую свое настоящее имя, но моя история под прикрытием идет гораздо глубже во время работы в Ираке, и так проще, если бы я говорил, что я шпион-агент из АНБ. Касательно моей работы в Ираке, то я исследую отчет, в котором Интерпол огласит текущее положение терроризма на Ближнем Востоке.

Как только я получил доступ на базу, сержант ведет меня в оживленный кабинет командного центра. Сержант не говорит ни слова, но осматривает меня с любопытством. Должно быть, в его глазах я выгляжу странным гражданским, особенно с пропуском АНБ. Сержант приводит меня к связному, подполковнику Дену Питлоу, который встречает меня с деловым видом. Когда мы остались одни в его кабинете, он говорит мне, что он единственный офицер в Ираке, осведомленный о моем задании. Оказывается, он знает полковника Ламберта и долгое время работал с Третьим Эшелон.

— Итак, я был связным Рика Бентона, — говорит Питлоу, перед тем как спросил я.

Питлоу примерно моего возраста. Я спрашиваю его, как долго он находится в стране, а он отвечает, что уже потерял счет времени.

— Да ну, я просто шучу, — говорит он. — Я пробыл здесь шестнадцать месяцев. Эта страна стремится озлобить вас.

Он предлагает мне безалкогольный напиток, и я соглашаюсь. Мы сидим под вентилятором, потому что кондиционер в ремонте. Такое ощущение, что мы находимся в Фениксе, штат Аризона, снаружи и в кабинете стоит духота.

— Расскажите мне о Бентоне, — начал я.

— Он показался мне способным, но немного безрассудным, — говорит Питлоу. — Я всего дважды встречался с ним лицом к лицу. И мало был с ним знаком. Однако он знал свое дело. Был экспертом по Ближнему Востоку.

— Что вам известно о его недавнем расследовании?

— Торговле оружием? Не много. Бентон держал материалы при себе. Он все время повторял, что работает над разоблачением каналов снабжения "Магазина" на севере страны. Он сказал, что оружие течет в Мосул. Это означает, что оно поставляется из Ирана через Равандуз в Мосул, или поступает из Турции через городок Амедия. Оба селения находятся на контролируемой ДПК¹⁰ территории.

Мосул, пожалуй, самый большой город на севере Ирака. Он расположен вне области, контролируемой официально утвержденным Региональным правительством Курдистана, регион с постоянными беспорядками, главным образом, между различными курдскими группировками. Равандуз — деревня между иранской границей и Мосулом. Амедия — это городок к северу от Мосула, недалеко от турецкой границы.

Две курдские политические партии оказывают влияние на все, что происходит в северном Ираке. В 1946 году общепризнанный герой по имени Мулла Мустафа Барзани сформировал Демократическую Партию Курдистана, имеющую свои культурные корни с Ираном. Вторая партия, Патриотический союз Курдистана (ПСК), была основана в 1976 в качестве конкурента ДПК.

Существуют и другие, более мелкие курдские партии, но ДПК и ПСК — большие папочки. Теоретически, они разделяют государственные обязанности Иракского Курдистана, но ДПК, кажется, обладает большей властью. В последние годы обе партии неохотно сотрудничали друг с другом по многим вопросам образования и здравоохранения. Но не стоит ожидать, что они пригласят друг друга на обед.

— Что думаете? — я спрашиваю у Питлоу.

— Сомневаюсь насчет турецкого маршрута. В этом нет смысла. С одной стороны, Турция, предположительно, наш союзник, и они так же обеспокоены незаконной торговлей оружия, как и мы. С другой, этот путь может быть намного труднее. Бентон всегда предполагал, что оружие сперва проходит через одну из бывших Советских республик. Возможно, Азербайджан. Чтобы попасть в Ирак, оружие должно пройти через Армению и Турцию. Куда проще из Азербайджана через Иран в Ирак.

— Итак, вы говорите, что сперва мне стоит рассмотреть причастность Равандуза? — спрашиваю я.

¹⁰ ДПК — Демократическая Партия Курдистана.

Питлоу пожимает плечами.

— Всего лишь мнение. Это не значит, что я прав.

Я все обдумываю и говорю:

— Юго-восточная Турция — также Курдский район. Там может происходить сотрудничество между кланами. В этой части Турции большая террористическая активность.

— Это правда. Слушайте, буду с вами честен, Фишер. Вы не на много продвинулись. Что вы собираетесь делать, когда окажитесь там? Стучать в двери? Бентон не оставил вам ничего такого, чтобы направить в нужном направлении, не так ли?

— Нет, сперва буду действовать по обстоятельствам. И полагаю, нужно начать с Мосула. Расследовать те части города, где была обнаружена незаконная торговля оружием. Цель состоит в поиске правильного курса, который укажет мне верное направление.

— Что ж, удачи.

Питлоу встает и поднимает сумку со снаряжением.

— Это пришло из государственного кармана Вашингтона, — говорит он, протянув ее мне.
— Это вам.

Единственное оружие, которое я носил на самолете — боевой нож морской пехоты. Это 18-ти сантиметровое лезвие из углеродистой стали с кровотоком и 13-ти сантиметровая кожаная ручка. Я вытащил его из ножен и перерезал веревку, связывающую мою сумку. SC-20K и "Оспрей" внутри, вместе с коробочками различных боеприпасов.

— Мне это пригодится. — Бормочу я.

Затем Питлоу открывает один из ящиков своего рабочего стола и дает мне связку ключей.

— Снаружи стоит неприметная "Тойота Ленд Крузер". Вам решать, как с ней поступить. Возвращать нам не нужно. Мы проверили ее, ездит отлично. Верьте или нет, но в Ираке импортные машины делают отлично. В Багдаде я знаю владельца автомагазина, который сколотил состояние с тех пор, как началась война.

— Насколько безопасно на дорогах? Какого рода КПП мне стоит ожидать?

— Ожидать КПП можете где угодно, и некоторые надолго задержат вас. Но если вы оденетесь соответствующе, то я думаю, с местными проблем не возникнет. У вас смуглый цвет лица, и вы похожи на араба. Вы говорите по-арабски?

— Ага.

На самом деле я говорю на семи языках. И английский не лучший из них. Я беру ключи.

— Спасибо.

— Вы голодны? Хотите...

Прежде, чем Питлоу успевает закончить приглашение, сильнейший раскат грома потряс здание. Мы переглянулись, понимая, что это было.

— Проклятье, — бормочет Питлоу. — Какой сильный.

Он бросается к двери и выбегает наружу. Я следую за ним и примыкаю к толпе солдат, бегущих из здания.

Воздух окутан мглой и полон дыма. Взывают сирены, когда на месте происшествия появляется аварийная команда. Повсюду выкрикивают приказы, и через несколько минут происходит сплошная неразбериха. В конце концов, дым начинает рассеиваться, и я вижу пламя за укрепленным забором, отделяющим базу от окружающего мира. Часть забора практически отсутствует, и на его месте появилась огромная груда обгоревшего металла.

Я стою в стороне и наблюдаю, как работают профессионалы. Видимо, солдаты привыкли к таким вещам. Пятнадцать минут спустя подполковник Питлоу замечает меня и отводит в сторону.

— Это был фургон для доставки белья, — говорит он. — Естественно водитель-самоубийца. Очевидцы говорят, что он въехал в ворота КПП на полной скорости. Часовой выстрелил в него, пытаясь остановить, но было уже слишком поздно. Проклятый взрыв унес с собой двух наших людей и огромный кусок забора. Такая утрата. Что, черт побери, они намеревались сделать? Это уже третий раз за две недели.

Я выражаю соболезнования и говорю, что, по крайней мере, больше никто не пострадал.

— Понимаете, эти парни достают взрывчатку по тем путям снабжения, что и террористы, — продолжает Питлоу. — В этом нет сомнений. За все это время они не могли столько накопить. Перекройте эти пути, Фишер. Если вам что-нибудь понадобится я буду здесь, не стесняйтесь звонить. У вас есть мой номер?

Я мрачно усмехаюсь. Мыжимаем руки, после чего он спешит обратно к неразберихе из горящего металла.

8

САРА Бернс прекрасно проводила свое время в Иерусалиме. На третью ночь своего пребывания, она и Ривка решили прервать двойные свидания и разошлись отдельно со своими кавалерами. Ривка и Ноэль пошли в кино. Сара и Элай выбрали романтическую прогулку по Старому городу и обед в Новом городе.

Сара имела светское воспитание и не принадлежала к какому-то конкретному вероисповеданию. Она была одной из тех наивных, но благонамеренных людей, которых постоянно изумлял тот факт, почему различные расы и религии тяжело ладят друг с другом. Именно чистота сердца, делала ее такой привлекательной и она это хорошо знала. Сара частенько очаровывала людей, используя эту сторону своей личности, типичная американка девушка. Она была умной и привыкла везде успевать, но это не значит, что у нее было достаточно опыта. Ее мать, а позже отец вырастили ее в покровительственной обстановке, укрывая от уличных проблем.

Таким образом, Сара выросла непреднамеренно доверчивой — черта, которую она никогда не осознавала, могла когда-нибудь навлечь на нее беду.

Сара шла рука об руку с Элаем, молодым человеком, от которого была без ума, она не беспокоилась о террористах, смертниках, арабо-еврейских конфликтах, или мирных процессах. Она думала о том, что вечер, так или иначе, закончится с Элаем в спальне.

Она встретилась с Элаем в библиотеке университета Нортуэстерн, во время обучения на втором курсе. Ривка Коэн была членом общественного клуба израильских студентов в студенческом городке. Парня, назначенного ей для учебы, и которым она заинтересовалась, звали Ноэль Брукс. Ривка попросила Сару присоединиться, потому что Ноэль мог привести своего друга. В тот момент Саре нужна была помощь в подготовке к экзамену, и она подумала, почему бы и нет? Она и Ривка сидели за столом в библиотеке, потом подошел Ноэль со своим компаньоном. Они сели напротив девушек и представились. Его звали Элай Горовиц. Сара считала его самым красивым парнем на земле. У него были темные выющиеся волосы, карие глаза, коротко стриженная бородка и усы, он был высоким и мускулистым. Элай походил на Давида Микеланджело, если бы у статуи были усы и борода. Сара старалась учиться, но поняла, что присутствие молодого человека отвлекает ее.

Элай, как и Ноэль, был аспирантом из Израиля. Он изучал музыку и хотел стать дирижером. Элай не специализировался на конкретном инструменте, но утверждал, что мог играть на нескольких, но "не очень хорошо".

После учебной сессии, девушки попрощались с ребятами, и разошлись. Тем же вечером Элай пригласил Сару на свидание.

Они встречались три месяца. Квартира Элая и Ноэля была вне кампуса и Сара часто у них оставалась. Так как она была второкурсницей, Сара жила в общежитии, но из-за строгих правил, она могла "остаться у друга". Дошло до того, что она стала редко ночевать в общежитии.

Внезапно Элай и Ноэль исчезли. Сара и Ривка тщетно пытались выяснить, что произошло. Поначалу им было очень больно, и полагали, что парни бросили их, не попрощавшись. Через месяц пришло два письма, одно для Ривки и второе для Сары. Парни сообщили, что их депортировала иммиграционная служба. Студенческие визы были просрочены (срок истек месяц назад) и в связи с усиленными правилами безопасности к иностранным студентам, у них не было иного выхода.

Сара поддерживала связь с Элаем по электронной почте, когда он восстановился в Израиле. Он редко отвечал на письма, и это беспокоило Сару, но она понимала, что он занят поиском работы. Когда же Элай отвечал, сообщения были полны любви и обожания, он неоднократно приписывал сексуальные намеки и приглашения навестить его и погостить. Это поддерживало любовь Сары к молодому человеку.

И теперь, десять месяцев спустя, она гуляет с ним по историческому Старому городу Иерусалима. Элай бегло комментировал, когда они прогуливались по узким улочкам.

— Видишь, он разделен на четыре квартала. Сейчас мы находимся в Христианском квартале. По ту сторону улицы Мусульманский квартал, а вон там — Армянский. Еврейский квартал расположен прямо, на востоке.

— Ты говоришь как гид, — говорит Сара, усмехаясь.

— Когда я был подростком, я работал гидом, — говорит Элай. — Я возил жирных американцев по всему городу на машине компании. Иногда я ехал слишком быстро и чертовски пугал их.

Она шлепнула его по руке и сказала:

— Ты ужасен.

Они приблизились к мрачной церкви, сочетающей в себе смешанные стили архитектуры. Несмотря на это церковь впечатляла своей античностью.

— Это храм Гроба Господня, — сказал Элай. — Построенный на месте, где, по мнению католиков, был распят Иисус.

— Правда?

— Ага. Православные и коптские церкви также верят в это.

— Хочешь сказать, что не все верят, что это произошло именно здесь?

— Неа. Есть место в Восточном Иерусалиме, и многие протестанты считают, что это произошло именно там. Хочешь войти внутрь?

— Я так не думаю. Лучше еще прогуляемся.

— Хорошо.

Парочка направилась на юг, а затем на восток к лютеранской Церкви Вознесения. Элай повел ее на вершину башни, чтобы увидеть прекрасный вид Старого города. Пока они любовались изумительным видом, Сара сказала:

— Ты не сказал мне, где живешь. Ноэль живет с тобой?

— Нет, я живу один, — ответил Элай. — У меня квартира в Восточном Иерусалиме.

— О, правда? Покажешь мне?

Она кокетливо сжала его талию.

Он улыбнулся.

— Возможно. Восточный Иерусалим — это палестинская часть города.

— И что?

— Я лишь говорю.

Спустившись с башни, они направились по улице Давида в западном направлении. Когда они дошли до Яффских ворот, Элай сказал:

— Это традиционный проход между Старым и Новым городом.

Он указал на старое сооружение.

— Это Цитадель крестоносцев. Именно здесь проживал царь Ирод.

— Здесь так много истории, — сказала Сара, широко раскрыв глаза.

— Есть хочешь?

— Умираю от голода!

— Пойдем, поедем. Я знаю очень известное местечко в Новом городе.

Они направились вверх по улице Яффо, минуя дорогие сувенирные магазины и закусочные, пока не пришли в ресторан "Виллидж Грин".

— Я слышала об этом месте, — отметила Сара.

— Некоторые полагают, что это лучший ресторан в Иерусалиме, — сказал Элай.

Они вошли, заняли столик и взяли меню.

— Это вегетарианское кошерное заведение, — пояснил Элай. — Никакого мяса для вас, плотоядных.

Сара слегка стукнула его под столом.

— Эй, я люблю гамбургеры. Но нравятся и овощи. Что тут вкусное?

— Мне нравится их пицца.

Она заказала себе лазанью, овощной суп и салат. Элай заказал пиццу с грибами и бутылку кошерного красного вина.

Пока она наблюдала, как он ест, Сара вспомнила вопросы отца. Она очень любила Элая, но и на самом деле мало знала о его биографии.

— Расскажи мне о своих родителях, — сказала она.

Он пожал плечами, пережевывая еду.

— Что рассказать?

— Они здесь живут?

— Эм, нет. Когда-то жили здесь.

— Где они сейчас?

— Мама в Ливане. Мой отец был евреем, а мать мусульманкой. Они не остались вместе.

— Я этого не знала, — сказала Сара. — Почему ты мне не рассказывал об этом?

— Не думал, что это имеет значение.

— Сколько тебе было лет когда... они развелись?

Он посмеялся про себя.

— Они никогда не были женаты. Полагаю, это было чем-то вроде позора. Не многие мусульмане и евреи имеют совместных детей. Моя мама растила меня до семи лет. Затем... ну, я отправился жить к родственникам в Ливан. Вернулся, когда мне было восемнадцать.

— А где твой отец?

— Он умер.

— О, мне очень жаль.

Он снова пожал плечами.

— Это произошло, когда я был маленький. Террористический акт. Он оказался в не том месте в не то время.

— Боже, Элай.

— Твоя мама тоже умерла, не так ли? — спросил он.

— Да. Она умерла от рака, когда мне было пятнадцать.

— А твой отец... он по-прежнему работает "международным продавцом"?

Она посмотрела на него искоса.

— Говоришь, как скептик.

Он засмеялся.

— Просто ты мало знаешь, как он зарабатывает на жизнь. И никогда не узнаешь.

— Полагаю, это правда.

— Ты часто его видишь?

— Нет, не очень. Он живет в Балтиморе, или скорее в пригороде Балтимора.

— Недалеко от Вашингтона О.К., — сказал он.

— Ты о чем?

— Видимо он работает в ЦРУ, — шутливо сказал Элай.

— Вообще-то, он давным-давно работал в ЦРУ. Полагаю, теперь не работает. Он был в ЦРУ, когда встретил мою маму.

— Серьезно?

— Именно.

— Он был кем-то вроде шпиона?

— Я не знаю. Каким-то дипломатическим помощником.

Элай рассмеялся.

— Ага. Шпион.

Она тоже рассмеялась.

— Наверное. Как бы там ни было, я не знаю, что он сейчас делает.

— Понятно.

— Итак, Элай, ты останешься в Израиле или вернешься в Штаты получать степень?

Он сделал глоток вина и сказал:

— Я подумываю о вступлении в Джульярд. Летом у меня прослушивание. Нужно всего лишь получить визу.

— Серьезно? Джульярд?

— Ага.

— Значит, возвращаться в Чикаго ты не собираешься?

— Похоже, что нет, Сара. Но, послушай, почему бы после окончания колледжа тебе не переехать жить ко мне в Нью-Йорк? Тебе еще один год учиться, верно?

Вопрос застал Сару врасплох.

— Ты хочешь, чтобы я переехала жить к тебе?

— Конечно. Почему нет? Я ведь нравлюсь тебе, не так ли?

— Ну, да, но это... это будет выглядеть, как будто мы женаты.

— Нет, глупая, не будет. Мы всего лишь будем жить вместе.

Она смутилась.

— Мы еще вернемся к этому вопросу, Элай.

— У нас есть еще куча свободного времени, — сказал он.

Он протянул руку через стол и положил на ее руку, легонько сжал. Сара была озадачена его проявлением любви. Она не знала, что он заботился о ней настолько, чтобы попросить о таком.

На что будет похоже будущее с Элаем Горовицем? — размышляла она. Специализируясь на английском языке и литературе она, вероятно, могла бы преподавать где-нибудь в Нью-Йорке.

Конечно же, ей придется получить сертификат от штата. Или возможно когда-нибудь, она останется дома и станет писателем. Вот чем она действительно хотела заниматься. Разве это не идиллическая жизнь? Она — самый распродаваемый автор, а Элай — известный оркестровый дирижер?

Она развернула руку так, чтобы пожать его руку в ответ.

Может сработать, подумала она.

Я сажусь в "Тойоту Ленд Крузер" и направляюсь на север от Багдада. Иракские силы безопасности останавливают меня на двух разных блокпостах окраины города. Они очень внимательны. В первый раз они просят, чтобы я предъявил удостоверение личности и паспорт. Спрашивают, есть ли у меня оружие, хотя документы свидетельствуют, что иракским правительством мне разрешено носить оружие. Я подтверждаю и показываю пистолет "Файв-Севен", но SC-20K остается в мешке. После нескольких минут подозрительных и хмурых взглядов меня пропускают. Второй блокпост проходит примерно так же. Они спрашивают, что я планирую делать в Мосуле и как долго там пробуду. Я говорю им то, что должно утолить их любопытство, и они пропускают меня.

Современное шоссе имеет новое асфальтовое покрытие, уложенное сразу после разрушения во время войны и в последующие месяцы беспорядка. В городе были зверские заторы на главных улицах, но здесь не такое сильное движение. Приятно ехать по свободной дороге. Иногда появляются военные транспортные средства, даже армии США. Разрушенные пикапы и грузовики, перевозящие продукты и другие товары, встречаются довольно часто.

Чрезвычайно яркое солнце палит на машину, и я благодарен, что не забыл прихватить солнцезащитные очки. Местность ровная и бесплодная. Как я уже упоминал, мне это слегка напоминает южную Аризону. Это грубая, суровая страна и я бы не хотел застрять посреди пустыни без средства передвижения. Слава Богу, кто-то изобрел кондиционер.

— Сэм, ты здесь?

Ламберт звучит как глас совести. Он тоненький и тихий, глубоко внутри правого уха.

Я убираю руку с руля и надавливаю место на шее, активируя передатчик.

— Ага, я здесь, полковник.

— Как прошло с Питлоу?

— Хорошо. Хотя, у него своих забот хватает. Это очень суровое место.

— Знаю. Послушай, насколько я понимаю, ты направляешься в Мосул?

— Уже в пути. Менее чем через час буду в Самарре.

— Забудь про Мосул. Тебе нужно в Эрбиль, — говорит Ламберт. — Вот почему я связался с тобой через импланты, а не посредством сообщения. Нам только что пришло известие: курдская полиция захватила новую партию оружия. Дело плохо. Множество АК-47 и приличная горка "Стингеров". Они арестовали водителя грузовика со всеми потрохами. Он молчит. Партия находится в головном офисе полиции в центре города. Так как это свежая наводка, я советую тебе все проверить, прежде чем они перевезут оружие. Если удастся

установить, откуда пришло оружие, то сможешь отследить источник. Помни, это территория Курдистана. У тебя нет прав там находиться, так что войти и выйти придется без ведома полиции.

— Верно, — говорю я, — Каков наилучший маршрут с моей позиции?

— Наша разведка советует продолжать ехать в Мосул, а затем направиться на восток в Эрбиль. Главное шоссе из Багдада в Эрбиль проходит параллельно твоему, а промежуточные дороги не безопасны.

— Понял. Что-нибудь еще?

— Пока все. Удачи, Сэм.

— Понял. Конец связи.

Я взял руль и продолжил путь. Наконец-то я миновал Самарру и направляюсь в Тикрит, место рождения Саддама Хусейна. Когда, в конце концов, я прохожу тамошние КПП, повторяя ту же процедуру, что и за пределами Багдада, но ничего особого в Тикрите я не увидел. Радостно говорить, что нет дорог со знаками, провозглашающими: "Здесь родился Саддам Хусейн".

Мосул — второй по величине город в Ираке. Он расположен на границе, которая считается иракским Курдистаном. Из того, что я понял, Мосул происходит от слова муслин — превосходная хлопчатобумажная ткань. По всей видимости, здесь ее сделали впервые. За пределами Мосула расположен древний город Ниневия. Я слышал, что там находится много археологических руин, которые стоит посмотреть, если вы турист, но боюсь, у меня есть работа в другом месте.

Еще один КПП, еще одна песня и танец с удостоверением личности, и теперь я еду на восток в Эрбиль. Официально это курдская страна, что касается Эрбиля, то он считается столицей иракского Курдистана. Главные офисы главных курдских политических партий, ДПК и ПСК, расположены в Эрбиле. Считающийся одним из старейших городов мира, Эрбиль относится ко времени римлян и Александра Великого до неандертальцев, останки которых были найдены здесь. Современная часть расположена на вершине насыпи, образованной строениями в течение столетий.

Пейзаж в иракском Курдистане резко контрастирует с остальной частью страны. Здесь есть высокие горы и красочные, плодородные долины. Чем дальше вы направляетесь на север, тем более впечатляющими становятся горные хребты и их, как правило, называют "Ближневосточными Альпами". На протяжении всей истории горы выступали в качестве естественного барьера для общества, которое стремилось сохранить свою культуру. Этнически, курды не имеют никакого отношения к арабам. Во время войны в Ираке они были союзниками США, по крайней мере, теоретическими. Интересно, могу я ли доверять им.

Солнце уже садится, когда я подъезжаю к окраинам Эрбиля. Огни впереди означают, что нужно замедлиться — еще один КПП. Четыре человека окружают Тойоту, когда я останавливаюсь. Они одеты в форму иракской полиции, но у меня возникает такое чувство, будто что-то не так. Двое несут винтовки, а у третьего пистолет.

Как только я опускаю окно, человек с пистолетом наставляет оружие мне в лицо.

— Прокатимся, друг, — говорит он по-арабски.

Эти парни не курды.

— У меня есть документы, если они вам нужны, — говорю я на их языке.

— Заткнись! — снова приказал он.

Он ждет, когда его три спутника усядутся на задние сиденья автомобиля. Парень с пистолетом обходит машину и садится на пассажирское сиденье. Он умело держит пистолет у моей головы.

Парень без оружия, сидящий на заднем сидении, говорит:

— Правь туда, — указывая на темную грунтовую дорогу, уводящую от шоссе.

Пока что я ничего не могу поделать, поэтому подчиняюсь им. Я добавляю газу "Тойоте" и следую их указаниям. Дорога уходит в чащу. Кругом стоит кромешная тьма.

— Куда мы направляемся? — спрашиваю я на арабском.

— Увидишь, — говорит "водитель с заднего сиденья". — Просто заткнись и веди.

Тремя минутами позже мы находились примерно в полутора километрах от главного шоссе. Человек позади, говорит мне остановить машину, оставить фары включенными и выходить.

У меня нет выбора, кроме как подчиниться. Я открываю дверь и выхожу, следуя за четырьмя людьми. Уже стемнело, но фары освещают область достаточно хорошо. Безоружный человек, явно их лидер, грубо разворачивает меня и толкает на машину.

— Подними руки над головой! — приказывает он.

Я делаю сказанное, но мне уже порядком поднадоело. Не допущу, чтобы эти парни меня избили. Засранец начинает обыскивать меня. Я благодарен, что оставил "Файв-Севен" в бардачке, но мне нужно придумать как их вытащить из машины.

— Я из Интерпола, — говорю я. — У меня договор с вашим правительством.

— Заткнись!

Парень с пистолетом улыбается мне. Я вижу, что у него отсутствуют три зуба и с момента прибытия в Ирак это самый уродливый сукин сын, которого я только видел.

— Мой друг, откуда у тебя такая прелестная машина? — спросил он.

Он продолжает меня обыскивать, надеясь, найти деньги или еще что-нибудь.

— Где твой бумажник?

— Я не ношу его, — говорю я правдиво.

Он хватается меня за плечо и тащит от машины. Вся четверка уставилась на меня. Двое с винтовками держат оружие наперевес, пока еще не целясь. Ружья похожи на "Хакимы". Хотя у Беззубого револьвер "Смит и Вессон" калибра 38 Спешиал. Скорее всего, куплен на черном рынке.

— Думаю, мы одолжим твою машину, — говорит главный.

Остальные трое смеются.

— Она нам нужна для перевоза нескольких коробок.

Смех усиливается.

— Мы ожидали друзей, которые доставили нас на грузовиках, чтобы помочь нам перевести некоторые вещички, но я думаю, твоя здоровенная машина подойдет. Мы позаимствуем ее?

Снова смех.

— Откуда ты, друг мой? — спрашивает Беззубый.

Он крутит револьвер на своем пальце, словно он снимается в вестерне Джона Уэйна.

— Мы видели мало западников, говорящих по-арабски.

— Я соблюдаю нейтралитет, — говорю я. — Я офицер из Интерпола. Советую разрешить мне пройти.

— Ох, ты надеешься, что мы отпустим тебя? — издевается лидер, делая шаг ко мне. — Слушай, я полагаю, что ты опустишься на колени и будешь молиться, потому что тебе конец.

Ну, давай же, думаю я. Еще один шаг в мою сторону.

— Вы хотите, чтобы я встал на колени? — спрашиваю я.

— Именно это я и сказал!

Я смотрю на землю и указываю место.

— Прямо тут?

Сработало. Он делает еще один шаг и начинает говорить:

— Да, прямо зд...

Прежде чем он закончил, я быстро и сильно бью его в промежность. Однако я не останавливаюсь на этом. Двигаюсь словно молния, используя передовую технику Крав-мага, чтобы быстро схватить его и прижать его к себе, когда Беззубый начинает стрелять из пистолета. Лидер получает пулю в спину, после чего я толкаю его тело на Беззубого с такой силой, что они оба валятся на землю.

Прежде чем вооруженные ребята успевают отреагировать, я хватаю ствол винтовки первого стрелка левой рукой, перемещаю правую руку ниже приклада и делаю отталкивающий рывок, вырывая ее из рук удивленного человека. До того, как второй стрелок смог направить на меня свое оружие и выстрелить, я взмахиваю прикладом винтовки и бью его в лицо. Он кричит, бросает оружие и падает на колени, схватившись за голову. Первый стрелок, теперь уже

безоружный, рычит, готовый броситься на меня. Я бью его прикладом в нос, а затем правой ногой бью в грудь. Ошеломленный, спотыкается, но не падает. Затем я подбрасываю винтовку в воздух, ловлю винтовку за приклад и навожу ствол в нужном направлении. Нажимаю на спусковой крючок, и парень получает пулю в упор. Он падает на свои следы.

Я навожу "Хаким" на Беззубого, но он вскакивает с земли. Вижу, как он бежит в темную чашу. Я думаю поднять винтовку и убрать его, но решаю не делать этого, пусть зализывает свои раны. Не представляю, куда он направится ночью в этой суровой местности. Лидер и один стрелок мертвы. Остался один парень, чье лицо было разбито вдребезги. Он по-прежнему стонет на коленях. Похоже, я сломал ему челюсть.

— Ты, — говорю я, — кончай ныть и говори.

Этот человек смотрит на меня с широко раскрытыми глазами. Он не может поверить, что я одолел четырех мужчин. На правой стороне его лица виднеются уже появившиеся отеки, предавая его лицу неравномерный вид.

— Кто ты? — спрашиваю я. — Ты не из полиции.

Человек болтает что-то по-арабски, и я поднимаю приклад, показывая, что могу ударить его снова.

Он называет мне свое имя и имена трех других мужчин. Все имена арабские имена, казалось, должны быть равнозначны на Ближнем Востоке.

— Где вы взяли полицейскую униформу?

Он рассказывает мне, что полиция наняла их в качестве народного ополчения. Эта история звучит не правдиво.

— Откуда ты? — спрашиваю я.

Тот же лепет. На этот раз я играю грубо. Я ударяю его в плечо. Он вскрикивает и падает на спину. Я встаю над ним и снова спрашиваю, откуда он.

— Иран, — говорит он мне.

Он и трое его товарищей из Ирана.

— Что вы делаете в Ираке?

Человек падает на спину и скребет грязь. Я чувствую, что он собирается что-то сделать, и как только я моргаю, он кидает мне в лицо песок. Парень вскакивает на ноги, но я готов к этому. Он хватается за винтовку, и я делаю рывок вверх и вперед. Даже с закрытыми глазами я ударяю его "Хакимом" по его подбородку. Как только я открываю глаза, я бью мужчину прикладом в грудь. Он падает на землю без сознания. Возможно, я сломал ему грудь, и даже вероятно, что его сердце остановилось.

Дерьмо. Тут три трупа. Придется бросить их. Не люблю оставлять после себя тела, но ничего не поделаешь. Я не намерен тратить время и прятать трупы, поскольку мы далеко

отъехали от шоссе. Если их найдут, то просто спишут на тот факт, что Ирак — не очень дружелюбное место.

Я отбрасываю "Хаким" в сторону и сажусь в машину. Я возвращаюсь обратно на шоссе, в город, размышляя, что же произошло с Беззубым.

10

Я въезжаю в Эрбиль после полуночи. Улицы опустели, и в городе нависает смертельная тишина. Здесь на дороге не так много фонарей, поэтому это очень темное и вызывающее дурное предчувствие место. Карли из Третьего Эшелона прислала мне карту города на ОПСАТ, так что я без проблем нахожу полицейский участок.

Я припарковываю "Тойоту" в квартале от штаб-квартиры, снимаю верхнюю одежду, раскрывая униформу, надеваю гарнитуру, хватаю "Файв-Севен", одеваю "Оспрей", и теперь я готов выдвигаться. Я выхожу из машины и аккуратно иду по улицам, держась в тени. Вокруг никого, однако, в моей работе невозможно быть чересчур осторожным.

Штаб-квартира полиции Эрбиля небольшая. Это одноэтажное здание с парковкой на заднем дворе. Странно, что тут нет патрульных машин. Окна закрыты плотной сеткой, и невозможно увидеть, что происходит внутри. Тем не менее, я вижу в окнах свет. Либо кто-то оставил в офисе свет включенным, либо кто-то внутри. Обойдя здание, пытаюсь тихо открыть стальную дверь. Ну конечно, закрыто. Это элементарный цилиндрический замок, поэтому я достаю отмычки. Мне потребовалось семнадцать секунд, чтобы открыть дверь. Неплохо.

Через приоткрытую дверь виден темный коридор. Я надеваю очки и включаю режим ночного видения. Осмотрев потолки и убедившись, что камер наблюдения нет, я проскальзываю внутрь и закрываю за собой дверь. Прижавшись к стене, я подкрадываюсь к двери в середине коридора и прислушиваюсь. Тишина. Я осторожно открываю дверь и заглядываю в помещение. Это обычная контора — стол, шкафы, пара стульев. Я продвигаюсь дальше и перехожу к развилке. Слева дверь, на которой написано "Охраняемая зона", по надписи узнаю курдский. Мне мало знаком этот язык. С арабским я еще могу сладить, но с курдским — забудьте. Некоторые слова мне знакомы, но они ни о чем не говорят. Могут возникнуть трудности, если мне придется говорить с курдом, хотя многие курды говорят также и на арабском.

Свет, который я заметил ранее, идет справа. Я медленно продвигаюсь вдоль стены и выглядываю из-за угла в ярко освещенное помещение. Это администрация.

Вижу стену с окном, выходящим в приемную. С этой стороны стены в кресле сидит человек, закинув ноги на стол, и громко храпит. Выключив ночное виденье, я поднимаю очки, чтобы лучше все рассмотреть.

Человек одет в полицейскую форму, но похоже она ему на два размера мала. Что-то не так.

Я вхожу в комнату, оставаясь позади спящего человека. Он крепкий, и у него усы в стиле Саддама Хусейна. Левой рукой я осторожно закрываю ему рот и зажимаю его нос.

Полицейский просыпается в невероятном испуге. Как только он наклоняется вперед, я крепко сжимаю его в "усыпляющем захвате", который перекрывает сонные артерии, и он теряет сознание. Его тело наклоняется вперед, сползает со стула. Если повезет, то я вырубил его минут на десять.

Я обыскиваю стол и не нахожу ничего интересного кроме связки ключей в ящике. Я беру их и возвращаюсь в коридор.

Больше чем уверен, один из ключей от двери с надписью "Охраняемая зона", ведущей в очередной коридор. Я прислушиваюсь и еще раз проверяю, нет ли камер слежения. Они держат только одного парня на дежурстве? Очень настораживает. Видимо, ночью в Эрбиле совершается не так много преступлений.

Возвращаюсь к запертой двери и снова пробую открыть ее с помощью связки ключей. Она открывается только с третьей попытки. Я осознаю, у меня перехватывает дыхание, когда включаю свет.

Похоже на чулан, так как он заполнен ящиками. Один из них, открытый, стоит на полу, в метре от меня, и он буквально переполнен "Хакимами". Осмотрев оружие, я вижу, что оно совершенно чисто и готово к использованию. Я перехожу к другому ящику, ранее с которого была снята и сдвинута крышка. Открываю ящик и вижу автоматы АК-47. Другой ящик содержит советские 9 мм пистолеты Макарова ПМ, выпущенные в 1950-х. Они также в отличном состоянии. Другой ящик заполнен винтовками Драгунова СВД, работающими на отводе пороховых газов.

Есть еще шестнадцать ящиков, большинство из них опечатано. Это должно быть захваченный запас оружия, о котором мне говорил Ламберт. Что полиция Эрбиля планирует делать с этим? Разве они не собираются передать это властям?

Нужно выяснить, откуда пришла эта чертовщина. Первый деревянный ящик не помечен, но на втором с боку стоит чернильная печать. На арабском и фарси написано "Контейнерная Компания Тебриза". Тебриз? Это в Иране! Подойдя к другому ящику, вижу такую же маркировку. В итоге на девяти из шестнадцати ящиках есть печать Тебриза. Либо оружие пришло из Ирана, либо поставщик использует ящики, которые были изготовлены там. Во всяком случае, это зацепка.

У дальней стены комнаты лежит огромная куча из четырех одинаковых футляров. Они похожи на футляры от электрогитар, только эти намного шире. Я щелкаю застежками и открываю верхний.

"Стингеры". Четыре футляра "Стингеров", по два в каждом.

Нихрена себе! Сделано в Америке. Откуда они их, черт возьми, достали? В стороне от футляров лежат два наплечных пусковых устройства для "Стингера". Эти малышки ужасно

хороши против летательных аппаратов на небольшой высоте, таких как вертолеты, и один человек может выстрелить из него как из "Базуки".

Я вношу примечания в ОПСАТ, делаю несколько фотографий и ухожу из комнаты. Двигаюсь дальше по коридору к большой стальной двери с решеткой на окне. Возможно, тюрьма? Снова повернув ключ, я открываю дверь. Я морщусь от скрипа ржавчины. Надеюсь, за ней никого нет. Заглядываю внутрь и вижу шесть решетчатых камер. Слева небольшой стол. На нем ничего нет кроме молотка. Подойдя ближе, я вижу какое-то вещество — запекшаяся кровь и, возможно, небольшие куски плоти и волос. Я поворачиваюсь, чтобы уйти, но кое-что в первой камере бросается мне в глаза. Первой мыслью было одеяло, но через мгновение я вижу, что на койке, возможно, кто-то лежит. Я включаю свет и подхожу ближе. Там действительно под одеялом лежит тело. Он мертв?

Я перехожу к следующей камере, и в ней тоже лежит парень, накрытый одеялом. В следующих трех — то же самое. Шестая камера пустая. Я подбираю ключи и открываю первую камеру. Я стягиваю одеяло и вижу, что действительно парень лежит с пулевым отверстием в голове. Могу сказать, он был убит выстрелом в затылок, пуля вышла через лицо. Конечно же, его теперь нельзя узнать. Я тяну одеяло дальше и вижу, что человек только в одном нижнем белье.

Человек во второй камере получил такую же обработку, что и в первой, хотя выглядит так, будто его пытали, прежде чем убить. Верхняя часть тела в ожогах, видимо от сигарет. У третьего человека вся рука была искромсана так, будто по ней стучали молотком.

Молоток. Четвертый, как и первый, также был застрелен.

Я выхожу из тюремной зоны и закрываю за собой дверь. Я запираю ее снова только потому, что тот, кто это сделал, обязательно вернется. Мой друг, который лежит в вестибюле, в скором времени придет в себя, и наверняка знает, что здесь происходит. Возможно, он один из убийц.

Я отправляюсь в переднюю часть здания и вижу, что охранник все еще без сознания. Дыхание ровное, поэтому я уверен, что он придет в себя с головной болью на память. Я пробираюсь к первому коридору и направляюсь к задней двери, но решаю проверить офис, который я увидел при входе. Я открываю дверь, вхожу внутрь, и не включая свет, опускаю очки ночного видения.

У меня хорошие основания полагать, что это офис начальника полиции. Есть пара намеков на стене и фото, на котором начальник полиции пожимает руку, я полагаю, одному из курдских политиков. Я внимательно присматриваюсь к фотографии и могу поклясться, что один из мертвых ребят в тюремных камерах — начальник полиции. Я не уверен, потому что лица жертв были кровавым месивом. Несмотря на это, бьюсь об заклад, что парень на фотографии это человек во второй камере, тот самый, которого пытали перед казнью.

На столе несколько папок, заполненных снимками преступников. Я открываю верхнюю папку, и удивляюсь, увидев никого иного, как Беззубого. На самом деле, четыре верхние фотографии в куче, те четверо мужчин, которые пытались украсть мою машину и оставить меня умирать возле Эрбиля. На обратных сторонах фотографий были заметки, написанные на курдском диалекте, но я смог разобрать слова террорист, разыскиваемый и Иран.

На задней стороне фотографии Беззубого я распознал еще одно слово — "Тени" с большим вопросительным знаком возле него.

Теперь мне все стало ясно. Четверо бандитов, которых я встретил за пределами города, были здесь ранее. Они убили четырех настоящих полицейских, поместили их тела в камеры, предварительно раздев их и нацепив на себя униформы. Бандитам был нужен мой "Ленд Крузер". Перевести ящики с оружием? Один из них говорил, что они ожидают грузовик, чтобы "перевести коробки". Эти парни — заказчики "Магазина"? "Магазин" продает оружие "Теням"? Должен сказать, я не удивлен. Если "Тени" популярная террористическая группировка, то есть смысл, что "Магазин" — самый большой поставщик нелегального оружия в мире, предпочел бы их в качестве заказчиков.

Я слышу, как снаружи захлопнулась дверь машины. Дерьмо. Ключи загремели в задней двери, я прижимаюсь к стене офиса и надеюсь, что кто бы то ни был, он не зайдет сюда.

Два голоса. Один смеется и бегло говорит на арабском. Я улавливаю слова "полиция", "позаботиться" и "перевезти коробки". Парни быстро проходят офис и направляются в вестибюль. Я слышу возгласы удивления и беспокойства, когда они находят моего друга на полу.

Стоны, пощечина, снова стоны. Охранник обходит все вокруг. Один человек приказывает другому, чтобы тот проверил оружие, и я слышу, как он просит ключи. Снова разговор, звук передвигаемых вещей на столе и сердитый крик. Конечно же, ключи пропали. Они в моем кармане.

Голос разгневанного парня звучит знакомо. Думаю, в моих интересах увидеть его. Я ковыряюсь в "Оспрее" и вытаскиваю так называемый "Угловой перископ". Он очень похож на инструмент стоматолога — это тонкий кусок металла с небольшим круглым зеркалом на конце. Металл хорошо гнется, поэтому я могу адаптировать его к любому виду пространства. Лучше всего смотреть из-за угла, если вы не хотите чтобы вас заметили.

Я тихо выползаю из офиса и подкрадываюсь к холлу, прижавшись к стене. Когда я достигаю угла офиса, я высовываю зеркало и смотрю.

Охранник сидит в кресле, потирая затылок. Разгневанный парень сидит на столе перед ним, спиной ко мне. Другой человек стоит за стулом и выглядит озадаченным. Он мне не знаком.

Оба новых человека одеты в полицейскую форму. Я хочу, чтобы рассерженный парень развернулся, чтобы я мог увидеть его лицо.

— Что ты скажешь Ахмеду? — спросил второй человек.

Теперь я могу хорошо следить за разговором.

— Я позабочусь об этом позже, — сказал разгневанный парень. — Важнее того, что Ахмед скажет Таригиану! — он схватил охранника за подбородок.

— Ты уверен, что не видел, кто это сделал с тобой?

Охранник трясет головой.

— Аллах, помоги мне. Таригиан будет очень недоволен. Лучше придумай, как сломать эту дверь, поскольку наши вещи пропали...

Таригиан? Кто, черт побери, этот Таригиан? Разгневанный парень слегка поворачивается, и я вижу его лицо. Это мой старый приятель Беззубый, тот, которому я дал удрать. Я знал, что слышал его голос где-то раньше.

Я мог бы взять их, если бы хотел, но у меня нет на это указаний. Я отхожу по коридору к задней двери. Там за дверью мусорный бак, поэтому я тихо кладу связку ключей внутрь. Нет нужды все им облегчать. Я уверен, что у соответствующих органов будут средства для взлома двери, если им это понадобится.

Я выскальзываю наружу и бегу в тень на противоположном конце парковки. Пригнувшись, я быстро двигаюсь на улицу, удостоверившись, что меня никто не преследует. Я бегу в темноте к "Тойоте", сажусь внутрь и снова пригибаюсь, на случай, если вдруг бандиты выйдут осмотреться.

При помощи ОПСАТа я посылаю сообщение полковнику Питлоу в Багдад. Я объясняю, что полиция Эрбиля была убита террористами "Теней", которые пытаются вывезти нелегальное оружие из участка. Быстро скопировав отчет Ламберту, я отправляю его в Вашингтон и жду.

Примерно через тридцать пять минут я слышу сирены. Они отреагировали удивительно быстро. Я боялся, что террористы уйдут с товаром к тому времени, когда придут иракцы или армия США. Я вижу три подтянувшиеся полицейские машины возле участка, а за ними джипы армии США с четырьмя солдатами внутри. Хотелось бы оказать им помощь, но мне нужно остаться незамеченным. Так что я сижу, сложа руки, намереваясь насладиться фейерверком.

Но к моему ужасу террористы появляются с задней части здания, стреляя в полицейских из АК-47. Три иракских полицейских падают на землю, а другие прыгают в укрытие. Я вижу Беззубого, главаря террористов. Он бросает что-то между машин, и через несколько секунд происходит мощнейший взрыв. Граната уничтожает джип армии США, скорее всего убив или серьезно ранив четырех американских солдат. Я всерьез задумываюсь вступить в бой, но

прежде чем я успеваю двинуться, фургон объезжает заднюю часть здания. Террористы прыгают внутрь, и тот с визгом уезжает.

Я проклиная себя за то, что не сделал ничего раньше, но что я мог? Я не должен взаимодействовать с местными правоохранительными органами без соответствующего разрешения. Мог ли я что-нибудь изменить? Честно говоря, я не знаю. Думаю, в следующий раз я буду прислушиваться к инстинктам и плюну на указания.

В стороне завыли приближающиеся сирены, и через несколько секунд я вижу много полицейских машин и скорую помощь, которые прибывают на место происшествия.

В плохом настроении я завожу "Тойоту" и уезжаю.

11

Андрей Здрок был в плохом настроении.

Водитель высадил его перед Швейцарско-русским международным торговым банком, и какое-то время получал инструкции, когда вернуться за своим работодателем. "Мерседес" умчался, а Здрок зашагал к массивным стеклянным дверям. Перед тем как войти в двери, он взглянул на "Ролекс" и увидел, что до начала заседания осталось пятнадцать минут. Он решил, что бублик и кофе могут поднять настроение.

Он сделал крюк и пересек проспект, направившись к булочной. Даже Андрей Здрок соглашался с кулинарными критиками: "Забат" была лучшей пекарней в Цюрихе.

То, что она оказалась в финансовом районе, было плюсом для ее владельцев. Ежедневно они продавали сотни бубликов, кексов, булочек и пирожных для банкиров и бухгалтеров, работавших в этом районе. По случайному совпадению, такой же магазин бубликов был через дорогу от другого филиала швейцарско-русского банка, расположенного в Баку, Азербайджан. Здрок часто посещал и это заведение, но оно не было таким же хорошим.

Здрок вошел в "Забат", купил луковый бублик со сливочным сыром, черный кофе и заплатил за все пять франков, и оставил сдачу продавцу. Он часто так делал и в пекарне слыл репутацией "щедрого человека в костюме «Бриони»".

Здрок вернулся в банк, вошел в вестибюль и кивнул охраннику, стоявшему у дверей. Возле окна кассы уже стоял клиент, еще двое были в личных сейфовых комнатах. Из многих частных финансовых учреждений в Цюрихе, предоставляющих изрядное количество банковских счетов, Швейцарско-русский, как сокращенно называл его Здрок, сотрудничал с богатыми международными клиентами. В городе, где деньги были жизненно важны, швейцарско-русский банк был хорош в своем деле и стал крупным игроком в мире финансов. Вся прелесть заключалась в том, что банк был небольшим и мало известным. Власти не уделяли банку внимания. Здрок позаботился, чтобы весь его законный бизнес был чистым и открытым, так что у него никогда не случалось проблем. Он не волновало, что же на самом деле происходит за занавесом в Швейцарско-русском международном торговом банке.

Здрок открыл ворота с табличкой "Только для сотрудников", оглянулся в вестибюль, убедился, что все в порядке, и вошел в конференц-зал, где ждали трое его партнеров. Не удивительно, что они также купили бублики или кексы с кофе до начала встречи.

Антону Антипову было пятьдесят два года. Бывший полковник КГБ, он начал партнерство с Андреем Здроком вскоре после распада Советского Союза. Он был высок, импозантен и имел репутацию садиста. Здрок никогда не был свидетелем чего-то подтверждающего этот слух, но

был наслышан о многих историях. В восьмидесятых годах Антипов руководил одним из ГУЛАГов за пределами Москвы, у него были связи во всем криминальном мире и на черных рынках в России и Восточной Европе. Как правой руке Здрока, Антону Антипову стоило лишь сослаться на свое имя в некоторых кругах, чтобы вызвать уважение или страх.

Оскар Герцог был пятьдесят три года, и он был родом из бывшей ГДР. На момент воссоединения своей страны Герцог являлся одним из самых ужасных прокуроров в Восточном Берлине. Он сажал на пожизненный срок и приговаривал к смерти сотни предполагаемых политических преступников. За его спиной партнеры называли его "Топором", пока он в один прекрасный день не услышал свое прозвище. Вместо того чтобы рассердиться, он полюбил прозвище и призвал остальных так его и называть. Он считал, что оно внушало страх его врагам.

Генералу Степану Прокофьеву было пятьдесят пять лет, и он утверждал, что состоял в родстве с известным русским композитором с одноименной фамилией. Как высокопоставленный офицер российской армии, Прокофьев большую часть своего времени проводил в Москве. Он приезжал в Цюрих, лишь, когда Здрок вызывал его на довольно редкие совещания. Прокофьев был одним из главных военных советников, отвечающих за разработку оружия, во времена Советской власти. В 1990 году он получил звание генерала и стал связующим звеном между военными и физиками, которые проектировали и создавали современное вооружение России. Прокофьев являлся сторонником жестокого коммунистического курса, несмотря на то, что не стеснялся зарабатывать в организации Здрока сорок миллионов долларов в год.

Андрею Здрок, бесспорному лидеру квартета, было пятьдесят семь лет, в свои пенсионные года он отлично выглядел, и одевался, будто самый богатый человек в мире, и имел IQ 174. Здрок был родом из Грузии, рос в семье, которая управляла банками для Советского Союза. Он принял бизнес, когда ему было двадцать лет, и быстро научился зарабатывать деньги для своего личного пользования, находясь на службе принципам Коммунистической партии. К тому времени, когда СССР распался, Андрей Здрок был одним из десяти самых богатых людей России. Он иммигрировал в Швейцарию, основал Швейцарско-русский, привез трех партнеров, и приступил к ежегодному удваиванию своего состояния.

У Здрока был ненасытный денежный аппетит, и ему всегда удавалось найти способ получить их, и было совершенно не важно, сколько жизней может быть потеряно в результате этого бизнеса.

Эти четыре человека были мозгом "Магазина".

В Цюрихе деловые встречи всегда начинались вовремя. Здрок подметил, что у него еще есть две минуты. Сидя за столом, он взял бублик из пакета и положил его перед собой. Другие мужчины молча посмотрели на него. Они уже позавтракали.

Здрок откусил кусок бублика, наслаждаясь привкусом, атаковавшим его вкусовые рецепторы, и сделал глоток горячего кофе.

Ровно в десять он сказал:

— Доброе утро.

Остальные также пробормотали приветствие.

— Господа, — сказал Здрок, — наше первое требование бизнеса — это поставка, которая была утеряна в Ираке. Какого черта, что произошло?

Он посмотрел на Антипова и поднял брови. Тот откашлялся и сказал:

— Иракская полиция остановила транспорт и конфисковала товар. "Стингеры" и все остальное. Им чрезвычайно повезло, а нам нет.

— Где это произошло?

— Город Эрбиль. Это случилось по дороге в Мосул, где наш клиент должен был получить товар и продолжить распространять.

— Что-то слышно от клиента? — спросил Здрок.

Герцог ответил:

— Да, и он очень расстроен. И просит о возмещении.

Здрок закатил глаза.

— Он вышел из ума? Он знал условия. Груз под нашей защитой до определенного момента, но когда он оказывается на территории заказчика и в его руках, то клиент сам несет ответственность.

— Я ему так и сказал, — произнес Герцог. — И он абсолютно не рад.

Здрок взглянул на генерала Прокофьева и спросил:

— Что вы планируете делать?

Прокофьев пожал плечами.

— Предложение о замене груза было сделано. Мы получим оружие в течение нескольких дней. Потому как он и его организация — весьма ценные клиенты, я сказал, что он может заплатить при получении груза. Ему придется платить дважды, но, по крайней мере, клиент получит товар.

— Он принял предложение?

— Да.

Здрок посмотрел на Герцога.

— Убедитесь, что оплата будет произведена, как только груз окажется в его руках.

Герцог кивнул и сделал запись в блокноте.

— Заказчик также сказал, что пытался забрать груз. Его люди знают, где полиция его хранит полиция.

Здрок сказал:

— Ну, это их дело. Если им известно, где груз и хотят его забрать, они, безусловно, могут сделать это. Следующий пункт. Операция "Зачистка".

Антипов откашлялся еще раз и сказал:

— Как вам известно, информация о человеке, известном как Рик Бентон, оказалась надежной. Данные, которые мы получили, могут оказаться полезными в разоблачении большинства американских агентов. У нас есть несколько имен. Теперь все, что мы должны сделать, это соотнести каждое имя с правильным человеком. На это не должно потребоваться слишком много времени. Как мы говорили, оперативники уже работают над этим.

Здрок кивнул в знак одобрения.

— Хорошая новость. Американцы подобралась слишком близко к нашей организации. Мы должны продолжить отсеивать и устранять их агентов. Тот, что ударил по нам в Макао, нанес огромный урон нашим операциям на Дальнем Востоке. Могут потребоваться месяцы, а то и годы, на восстановление бизнеса в этом регионе. Я особенно жажду этого человека.

— Влад и Юрий в деле, — сказал Антипов.

— Мы возьмем его и как всех остальных, но имейте в виду, что это нелегко. Этих агентов называют Splinter Cell'ами, так как они работают в одиночку и под прикрытием. Их собственное правительство делает вид, будто их не существует. До сих пор мы взяли только двоих. Мы почти подтвердили личность агента в Израиле, и приблизились к еще одному в Америке.

Здрок щелкнул пальцами и кивнул.

— Влад и Юрий. Они осторожны, не так ли? Не оставляют никаких следов?

— Нет. Профессионалы. Они были моими самыми надежными палачами в КГБ, — ответил Антипов.

— Что же они узнали в Бельгии?

— Они не только ликвидировали Бентона, но и устранили офицера разведки, с которым работал Бентон. Эти люди знали слишком много о том, что мы поставляем нашему главному клиенту. Надо надеяться, материалы, которые мы взяли из гостиничного номера Бентона — оригиналы. Я принял меры предосторожности, чтобы их уничтожить. Это должно задержать наших врагов. Кроме того, значительная часть информации насчет Третьего Эшелона пришла с персонального компьютера Бентона, который мы также уничтожили.

Здрок слегка махнул рукой.

— Отлично. Я возлагаю эту ответственность на вас. Действуйте по вашему усмотрению. Но уже в конце этой недели мне нужны результаты. Если они узнают, кто мы такие и где находимся, то это будет совсем не хорошо. Чем быстрее мы избавимся от этих американских псов, тем лучше нам будет.

Сказав это, Здрок еще раз укусил кусок бублика, и встреча закончилась.

12

Заниматься сексом здесь было также приятно, как и в Иллинойсе. Обнявшись, они лежали на узкой кровати в маленькой однокомнатной квартире Элая, и Сара была убеждена более чем когда-либо, что он был "единственным".

Она знала, ей лучше встать и позвонить Ривке. Самое позднее, когда она должна была вернуться — десять часов, а сейчас уже почти полдень. Они спали, просыпаясь только для того, чтобы заняться любовью. Сколько раз они сделали это, придя на квартиру, накануне вечером? Четыре раза? Пять? Сара мысленно улыбнулась и вздохнула.

— С тобой все в порядке? — спросил Элай.

— Полагаю, что да, — ответила она, прижавшись к нему ближе.

— Я слышал твой вздох.

— Это был вздох удовлетворения.

— О, вот оно как, — он поцеловал ее. — Я рад, что ты довольна.

— Как насчет тебя? Ты доволен?

— Тебе лучше поверить в это.

Она зевнула и сильнее обняла его худощавое тело.

— Я могла бы остаться здесь навсегда.

— Я тоже, — ответил он. — Но я голоден. А ты?

— Кому нужна еда, когда ты можешь заниматься сексом? — сказала она и положила свою руку на его промежность.

— Эй, эй, ты что, зависимая?

Он посмеялся, но не стал убирать ее руку.

— С тобой да.

Элай сел.

— Хорошо, тогда тебе придется бросить вредную привычку. Я очень голоден. И я не шучу.

Сара любила его израильский акцент. В нем было что-то притягательное.

— Может, сделать тебе завтрак? — спросила она.

— Нет, нет, это я сделаю тебе завтрак. Или обед. Боже мой, посмотри на время.

— О, Боже, должно быть Ривка разозлится на меня. Не могу представить, что подумают ее родители.

Элай махнул рукой и сказал:

— Не волнуйся. Ривка провела ночь с Ноэлем. Бьюсь об заклад, они тоже проспали.

— Тем не менее, это возмутительный поступок, тебе так не кажется?

— Ты большая девочка. Совершеннолетняя, верно?

— Мне двадцать. В Америке мне все еще нельзя употреблять спиртное.

— Да, но юридически ты взрослая. А это главное.

Он встал из кровати и пошел в ванную. Она с удовольствием наблюдала за его спиной.

— Кто-нибудь говорил тебе, что у тебя симпатичная задница? — сказала она, как только он закрыл дверь в ванную.

Он не ответил. Сара вздохнула, высунула ноги из-под одеяла и села на кровать. Голая, она пошла на кухню и заглянула в ящик. Типичная квартира холостяка, подумала она. Ничего кроме нездоровой пищи и сладких хлопьев.

— Элай, у тебя есть кофе? — позвала она, но он уже принимал душ и ничего не слышал.

Она открыла другой шкаф и нашла растворимый кофе.

— Фу, — сказала она.

Пожав плечами, она взяла его, нашла кофейник для кипячения воды, и открыла кран. Вода была коричневатая. Сара скорчила лицо, повернула кран и поставила кофе обратно в шкаф. Она посмотрела вокруг и поняла, что квартира Элая сильно смахивала на свалку. Прошлой ночью, в темноте, она этого не заметила. Она помнила, что район, в котором он живет — бедный, почти гетто. В комнате стоял запах плесени. Она не заметила запаха раньше, так как была пьяна от вина. Теперь, когда она рассмотрела квартиру, эти чувства немного отталкивали ее.

— Эй, Элай, могу я тоже принять душ? — крикнула она.

— Конечно, иди сюда!

Она улыбнулась и открыла дверь ванной. Небольшая кабина была заполнена паром. Ну, хотя бы есть горячая вода, подумала она.

Первым делом она решила воспользоваться туалетом. Без каких-либо намерений Сара спустила воду и услышала визг Элая в душе.

— Извини! — сказала она, когда открыла дверцу душа и присоединилась к нему.

Они по очереди намыливали друг друга мочалкой, останавливаясь для поцелуев. Он снова возбудился, и она схватила его скользкой рукой.

— О, нет, больше не надо, — сказал Элай. — У меня скоро все отвалится!

Она засмеялась и сказала:

— Я не думаю, что твой пенис согласен с тобой.

— Да он никогда со мной не согласен, — сказал Элай, закрывая глаза.

— Это типично для парней, не так ли? — прошептала она, продолжая поиграть.

Выйдя из кабинки, обтерлись одним полотенцем.

— У тебя нет другого полотенца? — спросила она.

— Извини. Я бедный и обездоленный.

Сказанное побудило ее задать еще один вопрос:

— У тебя есть работа?

— Работа? Конечно, у меня есть работа.

Он посмотрел в зеркало, взял бритву и начал бриться без пены.

— И что за работа?

— Я работаю в службе доставки. На этой неделе я отпросился, чтобы увидеться с тобой.

— Какого рода доставки?

— Ну как обычно, доставка пакетов и всего прочего.

Она представила, машину, которую он водит и вздрогнула. Эта была реликвия начала девяностых. Впервые очутившись на пассажирском сидении, ей показалось, что она была в мультяшной машине, которая едет, затем удар, удар, пффф, хлопок и с визгом ускоряется по дороге.

— Ты больше не занимаешься музыкой?

— Нет, трудно чем-либо заниматься.

Подумай об этом, сказала она про себя, ты никогда не слышала, как он играет. На самом деле, нет никаких признаков, что он интересовался музыкой. Нет ни нотных листов, ни дисков с классической музыкой, ни бюстов Бетховена, вообще ничего нет.

Он взглянул на нее через зеркало.

— Что?

— Ничего, — сказала она. — Когда тебе будет известно насчет Джульярда?

Он пожал плечами.

— Такие вещи требуют времени.

Он порезал себя бритвой.

— Смотри, что я из-за тебя сделал.

— В чем же я виновата?

— Задаешь сложные вопросы.

— Нужно пользоваться кремом для бритья.

— Я всегда бреюсь без него. Прекращай, я из-за тебя нервничаю!

Он вытолкнул ее из ванной комнаты и закрыл дверь.

Сара снова вздохнула, подошла к своей разбросанной одежде, лежавшей на стуле, и оделась.

Элай сделал себе кофе. Сел за стол, и попросил прощения, когда Сара звонила Ривке на мобильный телефон. Ее подруга была немного расстроена из-за того, что та не позвонила раньше. Родители Ривки также были не довольны. Сара извинилась и сказала, что будет через час.

— Почему бы тебе не остаться здесь до конца отъезда? — предложил Элай.

— Эм, я не думаю, что это хорошая идея, — ответила Сара.

— Почему нет? Уже не любишь меня?

Он подмигнул ей.

Она стукнула его и сказала:

— Конечно люблю! Но, ты знаешь, что я живу с родителями Ривки. Как это будет выглядеть?

Он пожал плечами.

— Как будто мы вместе.

Она покачала головой.

— Я считаю, это было бы не правильно. Извини.

Она взяла его за руку.

— Все нормально. В любом случае, твой отец не одобрил бы этого.

Ей показалось странным, что он так сказал.

— Я не думаю, что мой отец узнает об этом. Он не следит за мной. Тем более, мы живем в разных городах, помнишь?

— Ну да, точно. Твой отец шпион ЦРУ.

— Он не шпион ЦРУ.

— Я забыл, как его зовут?

— Сэм Фишер.

— Почему не "Сэм Бернс"?

— После развода мама взяла девичью фамилию.

— Точно. Сэм Фишер. Сэм Фишер — правительственный агент.

Она ударила его снова.

— Хватит. Он не агент.

Элай продолжал шутить. Он стал напевать мелодию из "Джеймса Бонда", и сложил пальцы в виде "пистолета". Сара засмеялась.

— Успокойся, — произнесла она.

— Хорошо. Но все же я думаю, что он правительственный агент, и уж точно не продавец.

— Почему ты это говоришь? Почему тебя это так беспокоит?

— Не знаю. Мне просто интересно знать, кто мой будущий тесть.

Сара моргнула.

— Твой "кто"?

— Ты слышала меня.

— Элай.

Он взял ее за руку и сказал:

— Я знаю, что еще рано об этом говорить. Но послушай, если ты переедешь жить ко мне в Нью-Йорк, это может произойти. Ты мне не безразлична, Сара. Правда.

Она опустила взгляд.

— Я знаю. Ты мне тоже.

— Расскажи мне о своей маме. Как ее звали?

— Риган.

— Она тоже работала на правительство?

— Да, я тебе говорила уже об этом. Она работала в АНБ.

— Акконсультатив Национальной Безопасности?

— Агентство.

— Агентство Национальной Безопасности, неважно.

— Она находилась в Грузии. Ну, ты, должно быть, знаешь, бывшую Советскую Республику.

— Аа-га.

— Вот тогда она и познакомилась с моим отцом. В то время он работал на ЦРУ.

— "Шпион — всегда шпион", я постоянно это твержу.

Она злобно взглянула на него.

— Извини. Продолжай.

— Так или иначе, у них была жаркая любовь, и в итоге они поженились. В Германии. Где я и родилась, на военной базе.

— Армейский ребенок.

Она кивнула.

— Думаю, ты прав.

— Но они не остались вместе?

— Нет. Их брак продлился три года. Правда, я многого не помню о моем отце, когда он жил с нами в то время. Мне было три года, когда он ушел. Моя мама всегда говорила, что развод был по обоюдному согласию, но на самом деле это была ее идея, чтобы он ушел, однако я не могу выкинуть из головы, будто он бросил меня. Думаю, каждый ребенок, от которого уходит отец, считает так же.

— Что же случилось?

— Мама отвезла меня обратно в Штаты. Она продолжала работать в Вашингтоне и растить меня в одиночку. До подросткового возраста я не знала об отце. Я время от времени видела его, он был незнакомцем, который нас навещал, заявляя, что он мой отец. Приносил мне подарки и тому подобное, но все это казалось весьма бесстрастным. Потом настал период, когда я его не видела вообще. Несколько лет. Это было время, когда мне было девять лет... и до пятнадцати, по-моему.

— Где он был?

— Я не знаю. Мама никогда не говорила. Может она сказала ему держаться подальше, но я действительно не знаю. Во всяком случае, это было после того, когда маме поставили диагноз "рак яичников". Тогда он появился снова. Он пришел к ней в больницу и даже пытался помириться, но, видимо, этому не суждено было случиться. После того, как она умерла, он стал моим опекуном.

— Потом ты жила с ним?

— Ага. И это было странно. Я училась в школе, и вдруг я начала жить с чужаком, который считался моим отцом. Сперва все было сложно, но затем, мне кажется, все повернулось в лучшую сторону. Мы стали друзьями, особенно, когда я окончила школу и поступила в колледж.

Она пожала плечами и улыбнулась.

— Теперь я думаю, что он классный парень.

— Несмотря на это он такой таинственный.

Элай шепотом сделал акцент на последнем слове.

— Ну, хватит.

— Эй, я сбегая и возьму пару сэндвичей. Что скажешь?

— Хорошо.

— Оставайся здесь, я буду через несколько минут. Ты ведь хочешь мяса?

Она посмеялась.

— На твое усмотрение. Мне все равно.

— Сейчас принесу.

Он встал из-за стола и вышел из квартиры, оставляя Сару, качающую головой и погруженную в мысли о том, как ей удалось завести отношения с таким интересным человеком.

Элай спустился на этаж ниже к гастрономическому магазинчику, достал телефон и сделал быстрый вызов.

— Насчет Сэма Фишера все выяснено, — сказал он. — В девяностых он работал в ЦРУ и женился на Риган Бернс. Она умерла от рака, у них один ребенок, дочь. Он живет в Балтиморе, Штат Мэриленд, он якобы работает "продавцом".

Голос, слушавший Элая на другой стороне провода, сказал:

— Правильно. Определенно. Как вы и предполагали. Это именно он.

13

Я должен проникнуть в Иран незаконно. Ирак не был проблемой из-за присутствия американской армии. Однако Иран — это другая история. Конечно, обычный турист или официальный представитель правительства для въезда в страну мог бы просто подать заявление на получение визы. Хотя в Америке распространено мнение, что Иран — это враждебное и опасное место, на самом деле это очень теплая и дружелюбная страна. Я неоднократно бывал в Иране, по большей части в Тегеране, и всегда находил, что тамошние люди любезны и радушны. Все было спокойно со времен расцвета исламской революции. Было время, когда комитет, религиозная полиция напоминала гестапо. Но это в прошлом, и сегодня на улицах ее практически нет. Тем не менее, вы должны быть осмотрительны. Вам нужно соблюдать законы, особенно религиозные, держаться подальше от митингов и демонстраций, а также избегать разговоров о политике.

Но поскольку я нахожусь на задании Третьего Эшелона, я не могу просто сделать визу и въехать в страну обычным способом. Даже мое прикрытие Интерполом не распространяется на Иран, и мне, конечно же, не стоит говорить иммиграционным властям, что я из АНБ. Таким образом, мне нужно стать даже более "невидимым", чем в Ираке.

Хуже всего то, что мне приходится бросить в Ираке "Тойоту Ленд Крузер" и переходить границу пешком. Когда я буду в Иране, мне необходимо найти в Тебризе транспорт. Идти пешком — это не вариант.

Я еду на восток, до рассвета проезжаю через Равандуз, пока не оказываюсь в полутора километрах от приграничного КПП. Сворачиваю на первую же грунтовую дорогу и останавливаюсь. Убедившись, что все вещи при мне, я оставляю ключи в машине. Какому-нибудь сукину сыну повезет, и ему достанется на халяву внедорожник! Выхожу из машины и направляюсь по пересеченной местности, избегая шоссе, пока не замечаю вдалеке КПП. Забираюсь на холмик с видом на шоссе. Я насчитываю трех вооруженных охранников, останавливающих машины,двигающиеся в обе стороны.

На другой стороне границы — иранский пропускной пункт. Солнце еще не поднялось, и у меня еще около часа до рассвета, который обнулит мои шансы перебраться на другую сторону.

Я снимаю униформу, втискиваю верхнюю одежду в "Оспрей" и спускаюсь вниз по склону. Я прячусь за кустами, деревьями или камнями, каждый раз останавливаюсь и убеждаюсь, что меня не заметили. Это маловероятно. Моя униформа черная, и на холме темно. Внимание охраны сосредоточено на автомобилях, въезжающих и выезжающих из страны.

Через пятнадцать минут я лежу на земле на склоне канавы, и слегка приподняв голову, чтобы следить за КПП. Они не ожидают, что кто-то пересечет границу пешком.

Если не высовываться и двигаться восточнее, то у меня должно получиться. Я выжидаю, когда автомобиль приблизится к КПП, и один из охранников начнет диалог с водителем.

На четвереньках, я перемещаюсь по канаве. Я нахожусь напротив контрольно-пропускного пункта, когда один из охранников выходит покурить. Он идет со стороны здания, возле которой нахожусь я, и смотрит на ночное небо. Нельзя позлить себя обнаружить, и я лежу неподвижно.

Дерьмо, он подходит к канаве.

Делая затяжку, он задумывается, вероятно, о том, что будет есть на завтрак после смены. Я достаточно близко, и он увидит меня, если шевельнусь.

Затем его зовет напарник. Охранник кивает, делает последнюю затяжку, и швыряет окурок ко мне канаву. Тот падает в шаг от моего лица, продолжая тлеть. К счастью, охранник не утруждается посмотреть, куда упала сигарета.

Пока никого нет, я тушу окурок.

На четвереньках я двигаюсь дальше на восток. Теперь мне нужно наблюдать за двумя КПП. Ранним утром движение на дороге небольшое. Мне повезло, что пара машин проехала мимо моей позиции и скрыла мое продвижение. Однако теперь все затихло. На дороге полнейшая тишина. Иракские пограничники заходят в здание КПП, и снаружи остается один лишь иранец. Он стоит там, глядя на запад, как будто ожидает кортеж, и готовится к проверке. Что он делает?

Парень кричит в сторону иракского КПП. Он ждет несколько секунд, затем кричит снова. Произносит чье-то имя. В этот же момент "куряга", которого я видел ранее, выходит из КПП. Он кричит иранцу в ответ. Я не понимаю, что говорит иранец, так как это незнакомый мне персидский язык. Мне проще читать на нем, чем говорить, его написание похоже на арабский. Иракец кивает, и они идут друг к другу. Дерьмо, что происходит? Они встречаются на полпути, между двумя КПП, и я понимаю, что мне не о чем беспокоиться. Иракец достает пачку сигарет и предлагает иранцу. Похоже, что они обмениваются шутками и смеются, а спустя пять минут расходятся на свои позиции.

Все чисто. Я буквально переполз в Иран.

Я продолжаю двигаться в темноте, сторонясь шоссе. Небо становится темно-оранжевым и красным. Солнце встанет с минуты на минуту. Мне нужно найти место, чтобы переждать день, и мне кажется, я нашел подходящее местечко в полутора километрах, где шоссе пересекает мост.

Я добираюсь до моста через десять минут спустя, и солнце начинает выглядывать из-за холмов. Мост проходит через ущелье шестидесятиметровой глубины. Эта страна очень холмистая, предгорья образуют вулканические горные хребты Сабалан и Талеш.

Мосты — наиболее посещаемые мною отели. Эта разновидность жилья не всегда является четырех или пятизвездочной, но они предлагают мне то, что мне нужно больше всего — конфиденциальность.

Я пробираюсь вниз к краю шоссе, осторожно спускаюсь по крутому склону рядом с мостом. Я хватаюсь за стальные опоры, подтягиваюсь и залезаю внутрь. Подниматься на нижнюю часть шоссе не трудно, здесь уступ проходит по всей длине моста.

Пространство на уступе около полутора метра в ширину и метр в высоту. Идеальное место, чтобы лежать, если не перевернусь во сне и не упаду. Но раньше этого никогда не случалось.

Перед сном я посылаю по ОПСАТу текстовое сообщение Ламберту, сообщив, что я в Иране и на пути в Тебриз. Затем я перекусываю сытным сухим пайком. Это еда не для гурманов, но она снижает чувство голода и способствует сну.

Здесь я сплю большую часть дня — под мостом, дорога в Иран прямо надо мной.

ОПСАТ будит меня в девять часов вечера, солнце уже зашло. Постоянный грохот транспортных средств, проходящих через мост, не будил меня, наоборот, напоминал мне звучанием белый шум. Я спал как убитый.

Я осторожно выскальзываю из укрытия под мостом, удерживаюсь за опору и спускаюсь на землю. Отхожу от дороги в кусты, где меня не заметят. Сидя за деревом, проверяю ОПСАТ. Ламберт оставил сообщение: "СВЯЖИЬ С РЕЗОЙ ХАМАДАНОМ НА ТЕБРИЗСКОМ БАЗАРЕ, "КОВРОВАЯ КОМПАНИЯ ТЕБРИЗА". ОН ЧИСЛИТСЯ В ЛИЧНОМ СОСТАВЕ ЦРУ, И ОЖИДАЕТ ТЕБЯ".

Хорошо. Загвоздка в том, чтобы как-то доехать до Тебриза. Автостоп — не вариант, и я начинаю долгий путь к ближайшему городу Махабаду в пятидесяти километрах отсюда. Я прикинул, что доберусь часов за семь-восемь. Трудность вызывает неровной местности, и устают ноги. Мысленно я благодарю Катю Лоунстерн за все упражнения для ног, которые она заставляла нас делать на занятиях Крав-маги. Передвигаться сложно и я вынужден несколько раз останавливаться, чтобы передохнуть, я осознаю, что это отнимет гораздо больше времени, чем я предполагал. Черт возьми, в моей карьере мне не раз приходилось несладко и здесь еще относительно легко.

По пути я прохожу мимо нескольких заброшенных на вид деревень. Поскольку Иран — современная страна, сельскохозяйственные элементы по-прежнему содержат пережитки прошлого. Вы увидите пастухов, носящих тот же тип одежды, что и сотни лет назад. Не все водят машины. Если я поранюсь или заболею, помощи ждать не стоит. Здесь не будет аварийных клиник по дороге. Эта мысль мелькает у меня в голове, когда я слышу слева в лесу вой волков.

Под утро я наконец-то прибыл в Махабад. Небольшой городок, однако, больше деревни, это сельскохозяйственное сообщество, которое только пробуждается от спячки.

Я слышу музыкальные мотивы исламских утренних молитв, плывущие по воздуху, должен признать, это очень успокаивает. Помимо преобладающего персидского населения Ирана, в регионе, куда я направляюсь, полно курдов и азербайджанцев. Персы — прямые потомки ариев, первых жителей Земли, населявших ее около четырех тысяч лет назад, и они составляют более половины от общей численности населения страны. Почти каждый человек в Иране — мусульманин-шиит, исламская ветвь которого диктует культурное, религиозное и политическое направление страны. Мусульмане-сунниты составляют почти десять процентов населения. Интересен тот факт, что в остальном мире почти все мусульмане — разнообразные сунниты, но в Иране и большей части Ирака большинство — шииты.

Я брожу по городу, переодевшись в повседневную одежду, под которой скрыта моя униформа. В горном регионе в ней не так жарко, поэтому я чувствую себя довольно комфортно. Большинство персов — светлокожие и могут сойти за западного человека, если им будет нужно. Я легко смешиваюсь с толпой, несмотря на более темный цвет лица. Я, наверное, выгляжу так, будто только что вышел из тегеранского автобуса. Никто не смотрит на меня дважды. Все будет в порядке, если мне не придется говорить.

Большинство мужчин одеты в джабаллу, и длинный халат, многие носят чалму. В крупных городах можно увидеть, мужчин, одетых в западную одежду: костюмы, брюки и рубашки. Однако женщины почти всегда укутаны в хиджабу, скромное платье. Как правило, так называют чадру — шатровую мантию, которая свободно накрывает голову, руки и ноги. Нельзя носить облегающую одежду. Вся кожа, за исключением лица, должна быть прикрыта, включая руки, ноги, волосы и декольте. В городах женщины могут носить длинные юбки, и даже брюки под длинным темным пальто, известным как рупуш. На голову надевают обычный платок. Однако здесь все более традиционное и старомодное.

Думаю, мне нужна окраина города. Это своего рода стоянка для коммерческих грузовиков,двигающихся на север. Я иду к задней части стоянки, где меня не заметят, сажусь и жду свой транспорт. Он прибывает спустя полчаса.

Это десятиколесный грузовик, который идеально мне подходит, на борте надпись на фарси: "Транспортная компания Тебриза". Я выжидаю нужный момент, когда водитель входит внутрь станции, чтобы воспользоваться уборной, я подбегаю к задней части грузовика, сажусь на корточки, и проползаю под горячей платформой.

Я поворачиваю мой ремень так, чтобы пряжка была на спине, и вытаскиваю крюк. Затем я поднимаю тело вверх, над осями, лицом вниз, и фиксирую себя так, чтобы я мог удержаться, и кладу ноги на части шасси, крюк удерживает меня на месте. Это не самый удобный способ езды

на полторы сотни километров, но я проделывал это много раз, и на самом деле это не так уж и плохо, если оставаться бдительным, чтобы не уснуть и не упасть.

Пять минут спустя водитель возвращается в кабину. Заводится двигатель, и мы едем. В ближайшие три часа я буду довольствоваться размытым пятном дороги в метре от моего лица.

ТЕБРИЗ — самый большой город на севере Ирана, населенный в основном азербайджанцами. Город, кажется, стал неприглядным из-за раскинувшихся высотных жилых зданий, но центр старого города в большей степени соответствует традиционному Ирану. Выскользнув из-под грузовика, я двигаюсь на базар к югу от реки Мехран. Это старейший и крупнейший базар во всем Иране, с типичным лабиринтом медин¹¹, как в большинстве стран Ближнего Востока. Я приехал в полдень, в самый разгар торговли. Чайные домики заполнены курящими кальяны мужчинами или просто оживленно разговаривающими за чашкой персидского чая. Лоточники лезут из кожи вон, заставляя каждого прохожего зайти в конкретный магазин и что-нибудь купить. Ясное дело, здесь гораздо спокойнее и приятнее, чем в Ираке.

Я брожу вокруг как турист, пока не нахожу "Ковровую Компанию Тебриза", необычно большой магазин, специализирующийся не только на персидских коврах, но также на шелках и специях. Женщина встречает меня и кивает с энтузиазмом, когда я спрашиваю Реза Хамадана. Она проходит через шторы в заднюю комнату, а я изучаю кропотливую работу, которая изображена на коврах. Я всегда поражался мастерству людей, которые делают такие вещи. Здесь ковры продаются не для того, чтобы они лежали на полу, в этой части мира это является символом богатства и неотъемлемой частью религии или культурного праздника. Из того, что я вижу здесь, я делаю вывод: Реза Хамадан — мастер коврового производства.

Он выходит из магазина, одетый в свободную белую рубашку с широкими рукавами, складчатые темные брюки и сандалии. На вид ему лет пятьдесят, гладко выбрит и носит завивающиеся вверх небольшие усы как у Чаплина. Его глубокие голубые глаза искрятся и проявляют теплоту.

— Меня зовут Реза Хамадан, — говорит он, протягивая руку.

Я пожимаю ее.

— Сэм Фишер.

— Я ждал вас, мистер Фишер. Добро пожаловать в Тебриз, — говорит он.

Его английский очень хорош.

— Спасибо.

— Пройдемте в более удобное для беседы место. Моя жена присмотрит за магазином.

¹¹ Медина — старый квартал города в арабских странах.

Он позвал женщину, которую я видел ранее. Она проходит в магазин, улыбается и кивает мне, позволяя нам пройти в комнату, которая находится за занавесками. Хамадан проводит меня в свой офис. Стены и потолок покрыты великолепными коврами, стол из красного дерева, сделанный на английский манер, стоит в углу, а в центре комнаты располагаются большие подушки.

— Пожалуйста, садитесь. Хотите ли чаю? — спрашивает он.

— Не откажусь.

— Пожалуйста, — произносит он снова, указывая на подушки.

Я сажусь и скрещиваю ноги, а затем облокачиваюсь на бок. Ощущение очень приятное, в ногах правды нет. Хамадан покидает комнату и возвращается через несколько минут с подносом.

— Обычно жена обслуживает нас, но сейчас у нее клиент.

Именно этого я и ожидал — чай, неофициальный национальный напиток. Это крепкий чай, который подается горячим, и обязательно черный, в небольшой стеклянной чашке. Я не большой поклонник таких вещей, но в данный момент у него райский вкус. По дороге из Махабада, пыль попала мне в горло, но чай творит чудеса, очищая дыхательные пути.

— Как прошло путешествие, мистер Фишер? — спрашивает Хамадан.

— Приятно, насколько возможно, — отвечаю я тактично.

— Рад это слышать. Теперь, когда вы здесь, я уполномочен предоставить вам автомобиль. Это машина зятя, он уехал по делам на долгое время. Не стесняйтесь, пользуйтесь ею столько, сколько нужно. Вы можете использовать ее везде, кроме Ирака.

— Это очень любезно, благодарю вас.

— Я полагаю, у вас есть вопросы ко мне?

— Есть, но прежде чем мы перейдем к делу, я хотел бы спросить у вас кое-что личное.

— Пожалуйста.

— Как вы стали кротом ЦРУ?

Хамадан улыбается, обнажая ряд белых зубов.

— В 70-х я провел свои ранние двадцатые годы в США, до падения шаха. Я поступил в небольшой колледж в Западном Техасе, где так же учились другие иранцы. В то время в школе была программа по обмену с Ираном. Я изучал политологию и английский язык. В это же время, люди из вашего правительства пришли поговорить с нами. Это было совершенно очевидно — они хотели набрать молодых людей, чтобы шпионить США в Иране. Платили хорошо. Я был молод и не видел другого выхода, поэтому согласился. Я до сих пор получаю дополнительные доходы от ЦРУ. Не жалуюсь.

— Очаровательно, — говорю я. — Мир тесен, не так ли?

— Ежедневно он становится еще тесней. И так, перейдем к делу, — он ставит свою чашку и смотрит мне в глаза. — Мистер Фишер, в этой стране и близлежащих районах у меня много связей в преступном мире и в правоохранительных органах. Еще до того, как ваше правительство связалось со мной и сказала ждать вас здесь, мне приходилось слышать ваше имя, упоминавшееся в... других местах.

— Да?

— Мистер Фишер, за вашу голову назначена цена. Вы заметный человек.

14

— Что ж, ничего нового, — говорю я.

Хамадан смотрит на меня, взвешивая мои слова.

— Я вижу, вы очень смелый человек, мистер Фишер, либо очень глупый.

— Зовите меня Сэм, пожалуйста.

— Хорошо, но тогда вы должны звать меня Реза.

— Хорошо, Реза. Что именно вы имеете в виду?

— Вы не отнеслись серьезно.

— Напротив. Я ко всем смертельным угрозам отношусь серьезно.

— Тогда простите меня. Может быть, я принял вашу уверенность за равнодушие.

— Реза, я занимаюсь этой работой уже очень долго. Нужно постараться, чтобы заставить меня беспокоиться. Теперь почему бы вам не рассказать, что вам известно?

Он кивает и улыбается.

— Вы мне уже нравитесь, Сэм. У вас есть... как это слово? Апломб.

Он делает глоток чая и продолжает:

— Я предполагаю, вы знали мистера Бентона?

— Не лично. Рик Бентон работал в той же организации, что и я.

— Я имел дело с мистером Бентоном. Был одним из его информаторов. Он нравился мне. Трудно поверить, что он убит. Он также был уверен в себе.

— Продолжайте.

— Вы должны знать, что мистер Бентон пытался выследить "Магазин". Он хотел знать, где они базируются, кто за ними стоит, как работают. За последние два года это стало его навязчивой идеей. Я помогал ему всем, чем мог. Узнавал для него информацию, давал конкретные направления. Однако я считаю, что он слишком рано раскрыл свои карты. "Магазин" узнал о нем. Мистер Бентон рассказывал мне о таком же человеке, как и вы, который был убит на Дальнем Востоке. Мистер Ли?

— Да. Ден Ли. В Макао.

— Точно. После случившегося, мистер Бентон сказал мне, что он предполагает, будто у "Магазина" есть список имен. Имена возможных агентов, которые работают в Агентстве Национальной Безопасности. Он боялся, что "Магазин" начал кампанию по ликвидации тех, кто находился в списке.

Я обдумываю сказанное.

— Я не подвергаю сомнениям подозрения Рика, но я думаю, вы оба придаете "Магазину" слишком много значения. Если у "Магазина" есть список имен, то я не могу себе представить, как они могли его получить.

— Именно это мистер Бентон и сказал. Очень странно.

— Говорю Вам, Реза, я не беспокоюсь об этом, — говорю я.

Я не шучу. У меня есть, о чем поволноваться. Я трачу много сил, присматривая за самим собой на задании. Это рутина.

— Что Вы можете мне сказать о расследование Рика?

— Мистер Бентон работал по отслеживанию поставки оружия в Ирак. Он считал, что оружие поступает из Азербайджана, но он не был полностью уверен. Я склонен с ним согласиться. Если это и так, то существует два маршрута, по которым они могли провезти оружие — один через Иран, а второй — через Армению и Турцию. Я вам так скажу. Я не думаю, что оружие идет через Иран, возможно, "Магазин" желает, чтобы мы так думали. Есть маршрут, проходящий через Иран, но он возникает не в моей стране. Я точно знаю, наше правительство упорно работает, чтобы сдерживать поставки нелегального оружия из Ирана. Они не хотят, чтобы все думали, будто они снабжают террористов, несмотря на то, как нас изображает мировая арена. Наше правительство особо обеспокоено радикальными террористическими группировками, у которых могут быть иранские связи.

— Например, "Тени"?

Хамадан снова улыбается.

— Вы очень проницательны, Сэм.

— Они быстро стали приоритетными для нас, — объясняю я.

— Да, что ж, этого следовало ожидать. СМИ и наше правительство подозревали, что "Тени" базируются в Иране. Надеюсь, это не так. Я не верю в это.

— Реза, любая информация будет полезна.

— Мне мало что известно. Только то, что за последнее время группировка приписывает себе заслуги в большинстве атак. Мы хоть уверены, что "Тени" существуют? Может быть, это "Аль-Каида" или другие известные группировки, возможно, они просто пытаются нас запугать?

— Нет, я так не думаю. Их методы немного отличаются. Однако результаты такие же. Я даже думаю, что встретил кого-то из "Теней" на днях в Эрбиле.

— Правда?

— Да. Это кое-что напомнило мне. Что вы знаете о "Контейнерной компании Тебриза"?

Хамадан сморщил лоб.

— А что?

— В Эрбиле конфискована партия оружия. Товары лежали в ящиках, изготовленными в "Контейнерной компании Тебриза".

Хамадан пожимает плечами.

— Здесь это крупная компания, которая делает коробки, ящики, контейнеры... Их склад находится за городом.

— Я собираюсь навестить их.

— Это не помешает, но я не могу представить себе, чтобы эта компания была замешана в чем-то незаконном. Они продают свою продукцию всем клиентам. "Магазин" мог покупать контейнеры через посредника или напрямую.

— Может быть. Есть еще один вопрос. Вы когда-нибудь слышали о человеке по имени Таригиан?

— Таригиан?

Хамадан выглядит удивленным.

— Насир Таригиан?

— Я не знаю его имени.

— Если Вы говорите о Насире Таригиане, то вы говорите о герое Иранской войны. Он был героем в ходе Ирано-иракской войны.

— Расскажи мне о нем.

— Он был очень богат, имел несколько предприятий и вел очень активную политическую деятельность. Он попал в небольшие неприятности в 1980-х, выступая против Исламской революции. Когда началась война, у него случилась трагедия: его дом был разрушен, он потерял часть родственников, которые были убиты иракскими бомбами. После этого инцидента он поклялся отомстить Ираку. Он основал антииракскую полицию, по большому счету, террористическую группировку. Делали частые набеги через границу. Они были беспощадны: убивали беззащитных мирных жителей и уничтожали все имущество. Здесь, в Иране, Таригиан стал чем-то вроде культового героя, но правительство не одобряло его действий. Они собирались вмешаться и остановить его, но прежде чем они успели сделать это, Таригиан и его маленький отряд попали в засаду иракской армии. Таригиан был убит, а милиция уничтожена.

— Таригиан мертв?

— Это общее мнение. С тех пор о нем никто не слышал. Я даже добавлю, что после боя не нашли его тела.

— Хм. Я слышал, как один из членов "Теней" упомянул это имя в Эрбиле.

— Я сделаю запрос, — говорит Хамадан. — Однако я слышал имя, связанное с руководством "Тени", человек по имени Ахмед Мухаммед. Знаете такое?

— Да, слышал его имя в Эрбиле, оно также фигурировало в докладах, — отвечаю я. — Уверен, что он состоит в террористическом списке ФБР.

— Мухаммед — иранец, известный террорист, которого разыскивает наше правительство за ряд преступлений. Мои источники сообщают, что он — один из основных игроков "Теней". Он, скорее всего, не главный в организации, но, наверное, руководит планами операций и их осуществлением.

— Что ж, тогда я обязательно буду с ним осторожен.

Хамадан встает и идет к своему столу. Он открывает ящик, берет папку и приносит ее мне.

— Это принадлежало мистеру Бентону. Иногда он останавливался в комнате, которая находится у нас над магазином. На самом деле, он недавно был здесь, перед тем, как отправиться в Бельгию. Он оставил этот материал здесь, и я нашел его в комнате. Может быть, материал будет полезен. Сэм, если вы хотите, вы тоже можете остаться в комнате.

— Спасибо, — я открываю файл и нахожу несколько статей и фотографий.

Я извлекаю первую фотографию и рассматриваю ее. На картинке два человека. Один из них выглядит смутно знакомым. По-видимому, он с Ближнего Востока, и судя по типу кожи, ему около пятидесяти лет. Другого парня я не знаю.

— Ах, да, еще кое-что, — говорит Хамадан. — Мистер Бентон вступил в контакт с этим человеком.

Он указывает на парня, показавшегося мне знакомым.

— Его зовут Намик Басаран. Он турок. Мистер Бентон считал, что мистер Басаран имеет секретную информацию о "Тенях".

— Намик Басаран. Кажется, я слышал о нем.

— Вы, должно быть, видели его по телевизору. Он предприниматель, имеющий огромный конгломерат в городе Ван, в Турции. Он называется "Акдабар Интерпрайзес". Знаете?

— Нет.

— Они в основном занимаются строительством, добычей нефти и производством стали. Кроме этого, Басаран управляет благотворительной организацией под названием "Тирма", задача которой заключается в предоставлении помощи жертвам терактов по всему миру. Он основал "Тирму" на свои деньги. Намик Басаран — любитель саморекламы, поэтому его постоянно транслируют по новостям, где он выступает против терроризма после нападений. Как известно, он помогает турецкой полиции в поисках террористов, и, похоже, у него есть связи во всех соседних странах.

Эта благотворительная организация звучит знакомо. Может, я слышал об этом парне.

— Вы с ним встречались? — спрашиваю я.

— Нет, никогда, но у нас было общее дело. Я ему продал ковры для украшения офисов. Я надеюсь встретиться с ним когда-нибудь. Он весьма щедрый человек, но должен сказать, я верю, что он заинтересован, чтобы его показывали по телевидению как ни в чем-либо ином. Но, по крайней мере, он кладет деньги туда, где его рот.

— Другой человек на фотографии, кто он?

Похоже, он из Восточной Европы, он ни араб, ни перс. Ему за пятьдесят, возможно, шестьдесят.

— Я не знаю. Как и мистер Бентон.

— Где Рик взял эту фотографию?

— Я не знаю.

Я кладу фотографию в папку и киваю.

— Хорошо. Похоже, у меня появились домашние задания. Если Вы не возражаете, я воспользуюсь вашим предложением отдохнуть в комнате, а потом сегодня вечером проверю склад.

— Очень хорошо. Я покажу вам комнату.

Я следую за Хамаданом, выхожу из офиса и поднимаюсь по лестнице. Это маленькая, но очень домашняя комната, с футоном и десятками подушек. Здесь также есть ванная комната. По моим меркам это роскошная комната. Я благодарю Хамадана и говорю ему, что увидимся за ужином. Я устраиваюсь на отдых. Перед сном я проверяю ОПСАТ, не прислали ли мне сообщения. Есть одно от Ламберта: "Свяжись со мной".

Я нажимаю имплантированный передатчик в горле.

— Полковник? Ты здесь?

Через некоторое время в ухе звучит голос Ламберта.

— Сэм? Где ты?

— В Тебризе. У Резы Хамадана.

— Хорошо, ты добрался. Слушай, у меня неприятные новости. Еще один из наших секретных агентов был убит вчера. Маркус Блейн.

Опять же, мы не были знакомы, но я знаю, кем он был. Человеком Третьего Эшелона в Израиле.

— Как это случилось? — спрашиваю я.

— Мы пока не знаем. Детали очень обрывочны, но предварительный доклад показывает, что это может быть тот же убийца или убийцы, на которых нарвался Рик Бентон и Ден Ли.

Вот теперь я принимаю всерьез то, что говорил Хамадан насчет списка имен у "Магазина".

Андрей Здрок сидел в офисе своего Швейцарско-русского международного торгового банка, глядя из окна на улицу финансового района Цюриха. Он проживал здесь вот уже несколько лет, и любил город. Цюрих был очень дорогим местом для проживания, но у Здрока было достаточно средств, и он пользовался всем, что предлагал город. Его замок на берегу Цюрихского озера был его гордостью и радостью, он покидал свой дом, только лишь для визита в банк. В свободное время, Здрок позволял себе дорогие увлечения. Он владел шестью автомобилями, которые рассматривались как коллекционные предметы, в том числе и "Роллс-Ройс" 1933 года, принадлежавший когда-то Паулю фон Хиндербергу. Однако самым дорогим владением была яхта "Свэн 46", которую он недавно купил. Он любил ходить под парусом вдоль озера, а иногда и ночевал в ней. Здрок считал ее кусочком рая на Земле.

"Магазин" развивался хорошо. Предприятие началось с малого, действуя в тот момент на территории Грузии. Он и Антипов сделали первую продажу оружия, а затем завербовали Прокофьева и Герцога. "Магазин" рос, как и его влияние, поставляя оружие любое оружие всем, кто мог заплатить. У Здрока не было никаких политических стремлений или лояльности. Его единственной мотивацией был всемогущий доллар.

Бизнес по-настоящему расцвел во время Боснийского конфликта. По соображениям безопасности Здрок перевел базу операций в Баку, Азербайджан, и открыл первый Швейцарско-русский банк в Цюрихе.

Второе отделение было построено в Баку через два года. Используя прикрытие обеих банков, Здроку удалось создать осторожный механизм, обрабатывавший сбыт, закупку, поставку и отмывание денег. Поиск подходящих сотрудников для тяжелой работы занял много времени — он должен был быть уверен в том, что его люди останутся верны. Он хорошо платил тем, кто прошел долгий путь и застраховал свою преданность. Во всяком случае, обычные солдаты организации мало знали об операциях. К счастью, на сегодняшний день ни один человек со стоящими сведениями о "Магазине" не был пойман законом.

Наслаждаясь жизнью в Цюрихе, Андрей Здрок чувствовал в этом обоснованность.

Самой большой проблемой, с которой они столкнулись, было восстановление каналов связи на Дальнем Востоке. Бизнес сильно пострадал, но поправимо. У "Магазина" была собственная разведка, и Здрок был уверен, что за ущерб несет ответственность американское АНБ.

Операция "Зачистка", его инициатива, с помощью которой он выслеживал и ликвидировал западных шпионов, была запущена после событий в Макао. Теперь операция стала приоритетной.

Здрок размышлял о ситуации на Дальнем Востоке и о том, как ее можно исправить своевременно и эффективно. Стало возможным привлечь другого партнера, лидера китайской "Триады" под названием "Везучие Драконы", с которым "Магазин" вел много дел. Звали его Джон Минг, и он, возможно, был самым влиятельным бандитом Китая. В течение десятилетий он проживал в Гонконге в доме "Триады". Даже когда произошла передача Гонконга, и другие кланы "Триады" переехали из бывшей британской колонии, Минг и "Везучие Драконы" остались. У него сложились особые отношения с китайским правительством. Он умел дергать за веревочки и держать законодателей в кармане. Да, Минг может стать положительным ответом на проблемы "Магазина", но Здрок не знал, как отреагируют остальные партнеры на принятие человека в команду.

На Дальнем Востоке также был знакомый американец, который мог помочь. Партнеры Здрока наверняка не захотят работать с ним, но Здрок считал, что сотрудничество может принести выгоду. В конце концов, этот человек был известен, и ему доверяли американские спецслужбы. Здрок решил отложить эти мысли и разобраться с ними позже. Время было.

Зазвонил телефон. Он поднял трубку и сказал:

— Здрок.

Прослушал сообщение и сказал:

— Спасибо.

Он положил телефон, повернулся к монитору и вошел в систему.

Технический директор заверил его, что конфиденциальные файлы "Магазина" используют сложное шифрование, которое невозможно взломать. Даже если аудиторы пришли бы в банк и потребовали конфискацию жестких дисков, они все равно никогда не получили бы доступ к информации.

Поэтому Здрок хранил все записи планов операций "Магазина" в своем офисном компьютере.

Он поднял файл с пометкой "Зачистка", краткий отчет кампании по ликвидации желающих навредить "Магазину". Они были врагами, агенты иностранных держав, пытающиеся оборвать бизнеса Здрока по зарабатыванию денег.

Разве он не имеет право выбора, какой профессией заниматься? Кто они вообще такие, чтобы указывать, продавать ему свой товар или нет? Поставщики и продавцы оружия не убивают людей. Как будут использовать оружие его клиенты, ему было все равно.

Список имен, помеченный красным и черным шрифтом, появился на экране. Здрок выделил первое имя, которое все еще было черное, Маркус Блейн, и изменил цвет на красный. Подобно двум другим именам: Ден Ли и Рик Бентон, имя Блейна теперь считалось "Устраненным".

Осталось еще два черных имени. Здрок нажал на первое имя, которое предположительно принадлежало Сэму Фишеру. Здрок быстро прочитал собранную информацию по Фишеру: работал в 1980-х на ЦРУ и был женат на агенте Риган из АНБ, сейчас работает где-то в районе Вашингтона/Балтимора, и что он самый первый Splinter Cell Третьего Эшелона. Самое главное, что у него, возможно, есть дочь подросткового возраста, или которой уже около двадцати. Никто не знал, как выглядит Фишер, но у них было достаточно информации, чтобы отыскать возможную цель. Человек "Магазина" в Израиле поработал хорошо.

Здрок поднял трубку и набрал номер. В трубке послышался голос, и Здрок сказал:

— Все хорошо, я убедился. Пора действовать в отношении Фишера. Узнайте, где он. Применять силу, только в крайнем случае. Психологическое давление, должно сработать. В конце концов, она же еще молода.

16

Отлично выспавшись на настоящем футоновом матрасе, я просыпаюсь отдохнувшим и просматриваю файлы Рика Бентона. На самом деле здесь мало информации. Должно быть, основные записи он хранил на личном компьютере, который так и не был найден, или у себя дома, который был тщательно прочесан персоналом АНБ. Тем не менее, несколько пунктов требуют разгадки.

Первый пункт представляет собой страницу каракулей. Бентон записал несколько слов и нарисовал между именами стрелки, очевидно пытаюсь связать или отобразить их связи. Вот эти слова: Магазин, Тени, Таригиан, А. Мухаммед, Здрок и Мертенс.

Конечно же, первые два мне известны, третье — имя, которое меня интересует. "А. Мухаммед" я узнал от Хамадана. Остальные два остаются для меня загадкой. Похоже, что "Магазин" — главное название на импровизированной карте. Стрелка указывает от "Магазина" к "Теням". Другая стрелка идет от "Теней" к А. Мухаммеду, но пунктирная стрелка указывает на Таригиана. Рядом с именем также находится большой, подчеркнутый вопросительный знак. Такой же знак стоит у имени Мертенс, и двусторонняя стрелка соединяет его с "Тенями". Осталось только слово Здрок, обведенное кругом.

Понятия не имею, что оно означает, и я набираю текстовое сообщение в ОПСАТ, встроенной камерой фотографирую карту, и передаю файлы Ламберту. Возможно, он и его команда найдут в этом смысл. Почему Бентон сразу не передал весь материал в Вашингтон? Ламберт прав: Бентон был безрассуден. Возможно, он стал слишком самоуверен, что иногда случает в этой работе.

Я также делаю копию снимка Намика Басарана и отправляю в Вашингтон с указанием опознать другого человека на фото.

Чтобы не обнаружил Бентон насчет "Магазина" и "Теней", этого было достаточно, и его убили. Я как будто ступаю по кровавой луже мрака. Надеюсь, мне удастся раскрыть загадку прежде, чем люди, схватившие его, перейдут мне дорогу.

ПОСЛЕ наступления ночи я веду двухдверный "Пажан" Резы, это похожая на джип машина, сделанная в Иране, к окраине Тебриза на склад контейнерной компании. Он расположен к западу от городской черты в нежилой, промышленной зоне. "Пажан" довольно старый, ему, вероятно, лет двенадцать. Многие иномарки в стране запрещены иранским правительством. Вы найдете японские бренды, но, естественно, не американские. Иранские автомобили известны тем, что наносят вред окружающей среде, но у них существенная монополия на рынке.

Склад "Контейнерной компании Тебриза" — это огромное здание, которому уже тридцать или сорок лет. Оно слабо освещено, вероятно, потому, что там нечего красть.

Я останавливаю "Пажан" в четырехстах метрах от главной дороги. Надеваю униформу, очки, и направляюсь к зданию, пересекаю пустую стоянку, и на мгновение останавливаюсь, прижавшись спиной к стене у служебного входа. Над дверью горит яркая лампочка. Я заряжаю SC-20K аэродинамическим кольцом и целюсь на свет. Попал — фасад склада погрузился во тьму. Я надеюсь, что звук разбитой лампы не привлек внимание охранников.

Я становлюсь перед дверью и заглядываю через квадратное окно в центре. Внутри кое-где горит свет, отсюда сложно что-то разглядеть.

При помощи отмычек я открываю дверь и проскальзываю внутрь.

Это пустая регистратура. Дверь с кодовым замком ведет к остальной части склада. Я опускаю очки и включаю тепловое видение. Мне повезло: кто-то недавно входил в дверь. Чаще всего на клавишах панели отображаются следы остаточного тепла, которые с течением времени пропадают. Уловка в том, чтобы нажать их в правильном порядке. По логике — самая тусклая клавиша нажата первой, а наиболее яркая — последней. Отличить различия в свечении трех клавиш между интервалами нажатия — самое сложное.

На этой клавиатуре только четыре клавиши показывают тепло. Это значит, что в шифре только четыре цифры или пять, если одна из цифр используется дважды.

Здесь мне нужна небольшая помощь, я навожу свой ОПСАТ на кодовый замок и фотографирую его. Затем при помощи элементов управления ОПСАТА я меняю контраст фотографии. Это позволяет мне увидеть разницу в свечении клавиш. Клавиша 2 самая яркая, так что либо она была нажата дважды, либо была нажата последней из четырех цифр. Следующая по яркости — 4, затем идут 8 и 3.

Я пробую 3, 8, 4 и 2. Ничего не происходит.

Пробую 2, 3, 8, 4 и 2. Снова ничего.

Наживаю 3, 2, 8, 4 и 2. Опять ничего.

Я начинаю бить по клавишам, набирая 3, 8, 2, 4 и 2.

Зеленый свет. Дверь открывается. Мне повезло, что система, в отличие от многих, не поднимает тревогу после трех неверных попыток.

Я на складе. Впереди было единственное освещение. У двери стоит стол, используемый мастерами или сотрудниками. На столе лежит открытая книга. Я знаю, я здесь не один, судя по тепловым следам на клавиатуре.

Остальная часть помещения заполнена контейнерами. Коробки, ящики, бочки, канистры, стопки плоского картона, из которых потом соберут коробки, и даже пластиковые кухонные контейнеры "Тапервэр". Удивительно.

Я прохожу внутрь и двигаюсь дальше по коридору из ящиков. На всех ящиках метка "Контейнерная Компания Тебриза", та же самая, которую я видел в Эрбиле. Я тихо стучу по одному из ящиков и слышу гулкое эхо — ящик пустой. На всякий случай я залезаю в "Оспрей" и достаю металлодетектор. Такую же шгуку используют в аэропорту, когда вы проходите через металлоискатель, и если прозвучит своеобразный сигнал, то они начинают водить им в районе подмышек и между ног.

Я прохожу по коридору из ящиков, проводя детектором по ним. Те ящики, которые я проверил, тоже оказываются пустыми, пока я не перехожу к другой партии ящиков. На этот раз детектор начинает жужжать возле некоторых ящиков, немного громковато и мне от этого не по себе. Боевым ножом я открываю крышку и заглядываю внутрь. Части мотора — ничего особенного.

— Салам?

Я замер. Видимо это тот, кто оставил тепловые отпечатки на кодовой панели. Голос исходит с другой стороны склада. Дерьмо. Он, наверное, слышал жужжание детектора.

— Салам?

Голос все ближе. Он направляется сюда. Я быстро отхожу тем же путем, что и пришел, действуя осторожно и надеясь, что он не понял, откуда был звук. Я продолжаю отступать, пока не добираюсь до темного прохода. Быстро преодолеваю стеллаж, забираюсь наверх ящика и втягиваю себя на верхнюю полку. Чтобы ставить и перемещать объекты с такой высоты, им нужен подъемник. Я лежу лицом вниз и жду.

Я вижу одного пожилого сторожа, медленно идущего в мой проход. Он не уверен в том, что слышал или слышал ли вообще. Тем не менее, бедняга выглядит напуганным. Суда по этому, можно сказать, что для меня на складе нет ничего интересного. Если бы здесь было незаконное оружие, "Магазин" не доверил бы охранять его шестидесятилетнему дедушке.

В конце концов, он сдается и возвращается за стол в передней части склада. Я отчетливо его вижу с моего положения. Он садится, открывает книгу и начинает читать. Время от времени он окидывает взглядом проходы, после чего возвращается к чтению.

Проклятье. Сколько мне придется оставаться здесь?

Мне правда не хочется делать этого, но у меня нет выбора. Я не хочу провести всю ночь на проклятом складе. Медленно снимаю SC-20K с плеча и достаю еще одно аэродинамическое кольцо. Я заряжаю кольцо и прицеливаюсь старику в голову. С такого расстояния оно не причинит вреда. На какое-то время кольцо вырубит его, и когда старик придет в себя, у него будет жутко болеть голова.

Я прицеливаюсь ему в затылок и нажимаю спусковой крючок. Идеальный выстрел. Сторож падает вперед и выглядит, как будто тот уснул за чтением. Я спускаюсь со своей высокой

позиции и направляюсь к задней части склада. Все выглядит достаточно невинно, и я собираюсь закончить ночную вылазку и уйти, как вдруг замечаю офис. Он в дальнем углу — заваленная ящиками комната с окнами и дверью.

Не заперто.

При помощи режима ночного видения мне не нужно включать свет в офисе, я быстро перелистываю бумаги на столе. Большинство из них ничего не значат. Однако я натываюсь на пустую форму "судходной декларации", написанную на английском и персидском языках. Где находишь одно, там должно быть и еще. Я перехожу к шкафам и открываю их один за другим. В конце концов, я нахожу целый ящик, заполненных судходных деклараций. Я просматриваю даты и нахожу папку с поставками в прошлом месяце.

Опять же, я не понимаю большую часть, но мне удастся разобрать названия некоторых городов и стран. Видимо, "Контейнерная Компания Тебриза" распространяет свою продукцию по всему Ближнему Востоку. Я вижу, что у них есть клиенты в Ираке, Турции, Ливане, Сирии, Иордании, Египте, Афганистане, Саудовской Аравии, Кувейте и даже в Израиле. А также в России, Азербайджане, Армении, Грузии, Чешской Республики и Польше.

Так что те контейнеры, которые я видел в Эрбеле, могли прийти откуда угодно. Должно быть, это все указывает на ложный путь.

Затем я замечаю что-то интересное. Я нахожу судходную декларацию для "Акдабар Интерпрайзес" в Ване, Турция. Это компания, о которой рассказывал мне Реза. Владелец компании, Басаран, предоставляет гуманитарную помощь. Есть так же декларация для его благотворительной организации "Тирмы". Совпадение?

Я кладу все обратно, и покидаю офис. Сторож все еще считает овец. Я аккуратно подхожу к нему и проверяю его дыхание, оно стабильное. С ним все будет в порядке. Я покидаю склад, иду к "Пажану" и еду в город.

На рассвете я направляюсь в сторону Турции. Думаю, пришло время познакомиться с этим Намиком Басараном и узнать, что он из себя представляет. Я посылаю рапорт Ламберту, прощаюсь с Резой и беру на заметку, что поездка в Иран была познавательна, однако завела в тупик.

Сара была пьяна два раза, и ни один из них не был приятным. Первый раз это произошло в средней школе. Она со своими подругами была на вечеринке, а у парней оказалась большая бочка с пивом. Это было незабываемое событие, почти все были пьяны. Некоторые родители узнали о вечеринке, и на следующий учебный день произошел жуткий скандал. Отец Сары был разочарован, но слишком строго не наказал. Но позаботился, чтобы в следующий раз, на вечеринке находились взрослые.

Второй раз произошел примерно месяц спустя, покинула отчий дом для учебы в колледже в Эванстоне. В тот момент она была с парнем, с которым она начала только встречаться, и однажды ночью он достал бутылку виски "Джэк Дэниелс". Он смешал его с колой, и Сара выпила три стакана. От этой смеси ей стало очень дурно, что весьма огорчило парня.

Кто сказал, что "третий раз очарователен"? Эта мысль мелькала у Сары в голове, когда она пила бокал красного вина. Ривка заявила, что планирует напиться и быть "под мухой", а парни заявили, что выпьют еще больше. Сара также решила напиться. Но ей не хотелось ощущать последствия.

Они сидели в баре Нового города. Ноэль несколько раз посещал бар, и был уверен, что у девушек не попросят показать документы. И не попросили. Элай и Ноэль купили две бутылки вина, и четверка расположилась в кабинке в задней части бара, чтобы посетители, занятые своими напитками, не слишком обращали внимание на смеющихся, счастливых молодых людей.

Сперва Сара думала, что бар выглядит уныло и наводит тоску. Элай заверил ее, что они оживят это место. Конечно же, после первой бутылки парни и девушки замечательно проводили время в небольшой комнатке. Элай и Ноэль могли быть очень смешны, особенно когда рассказывали непристойные анекдоты и этим развлекали Сару и Ривку. В перерывах между смехом парни осыпали их поцелуями.

— Эй, у меня идея, — сказал Элай.

Он посмотрел на Ноэля.

— Что думаешь, Ноэль? Ирландские автомобильные бомбы?

У Ноэля расширились глаза и он усмехнулся.

— Да!

— Да? Что это? — спросила Сара.

— Ирландские автомобильные бомбы! Тебе понравится, — сказал Ноэль.

— Ирландские автомобильные бомбы? — спросила Ривка, хихикая. — О чем ты говоришь?

— Глупая, это напиток, — сказал Элай. — Я сейчас вернусь.

Он встал и направился из комнаты в бар.

— Вы не знали, что это раньше был ирландский паб? — спросил Ноэль у девушек.

— Это ирландский паб? В Иерусалиме? — спросила Сара.

— Не похоже на ирландский паб, — сказала Ривка.

Через несколько минут Элай вернулся с подносом, неся четыре полулитровых кружки пива и четыре рюмки со странной кремово-коричневой жидкостью.

Элай сел и указал на кружки.

— Здесь четверть литра "Гиннеса"¹².

Затем он показал на рюмки.

— А это ирландский виски, смешанный с ирландским ликером "Бейлис".

Затем он взял рюмки и бросил их в наполненные кружки. Ирландский виски и ликер смешались с "Гинессом". После чего, он раздал каждому "Автомобильную бомбу" и поставил одну перед собой, а затем на одном дыхании выпил все содержимое. Закончив пить, он поставил пивной стакан с рюмкой со стуком на стол и громко отрыгнул.

— Ух ты, — сказала Сара.

— Пейте, пока ликер не свернулся! — сказал Ноэль.

Он взял кружку и выпил смесь еще быстрее Элая.

— Ну же, дамы, — сказал Элай. — Ваша очередь.

Ривка взяла бокал и спросила:

— Я должна выпить все залпом?

— Залпом, — сказал Ноэль. — Именно так.

— Маленькими глотками пить нельзя, — добавил Элай.

— Хорошо, поехали, — она наклонила бокал и начала пить.

Рюмка скатилась по стакану и ударила ее по носу. Она чуть не засмеялась, но продолжила пить. Парни скандировали:

— Давай, давай, давай...!

Осушив бокал, Ривка стукнула им по столу, как делали это парни.

— Ух ты, это было здорово! — сказала она.

— Твоя очередь, Сара! — сказал Элай.

— Я не знаю, — сказала Сара, с опаской посмотрев на выпивку. — Я никогда не пила столько залпом. Вдруг я захлебнусь.

¹² "Гиннес" — фирменное название крепкого темного пива производства одноименной ирландской компании.

— Нет, не захлебнешься. Просто делай частые глотки. Не останавливайся, чтобы дышать. Делай это быстро.

Она взяла напиток и понюхала.

— Не нюхай, пей! — приказал Ноэль, игриво дергая ее руку.

— Это здорово, Сара, — сказала Ривка, улыбаясь. — Реально.

Сара пожала плечами и поднесла бокал к губам. Она начала пить. И пить.

— Давай, давай, давай, давай, давай!

Когда она закончила пить, она хлопнула бокалом по столу.

— Да! — закричали все.

Сара гордилась собой. Она вытерла рот и сказала:

— Ням-ням!

Элай смотрел на нее сияющим взглядом, потом он наклонился, чтобы поцеловать ее. Это был нежный французский поцелуй.

— Ух ты, Сара! — воскликнула Ривка.

Она засмеялась. Ноэль рассмеялся. Элай и Сара оторвались друг от друга и тоже засмеялись.

А затем Сара поняла, что пять минут назад комната не кружилась. Она почувствовала легкое головокружение и дурман.

— Я пьяная, — сказала она, но из сказанного ничего нельзя было разобрать.

Она снова засмеялась. Ривка тоже засмеялась и потянулась к своей подруге. Две девушки опирались друг на друга и смеялись так, что из глаз текли слезы. Элай сидел, скрестив руки на груди, наблюдая за ними и не сводя глаз с часов.

Это займет минут десять, подумал он.

Он наполнил другие бокалы девушек вином, но оставил свой бокал и бокал Ноэля пустым.

— Расскажи нам о твоём дяде Мартине, Ноэль, — предложил Элай.

Ноэль поднял свои брови и сказал:

— О, ладно. Это хорошая история.

Девушки улыбнулись и посмотрели на него, готовясь к веселью.

— У меня есть дядя, его зовут дядя Мартин, и он живет в подвале многоквартирного дома. Его хобби, вы не поверите, собирать мышьиные фекалии. Я вас не разыгрываю. Вы знаете, что он делает с какашками?

— Что, Ноэль? — спросил Элай.

Девушки начинали отключаться. Их рты отвисли, а глаза поникли, но они цеплялись за каждое слово, которое говорил Ноэль.

— Ему нравилось использовать их в искусстве. Он смешивал фекалии с водой и кистью писал картины. И знаете, что он писал?

— Что же, Ноэль? — спросил Элай.

— Мышей!

Он продолжал бессмысленный рассказ несколько минут. Сара старалась сосредоточиться, но слова то появлялись, то исчезали. Как будто это был сон наяву.

Слова звучали невнятно. В конце концов, она больше их не понимала. Ей нужно было закрыть глаза, всего на минутку.

Ноэль перестал говорить.

Ривка отключилась. Ее голова покоилась на плече Сары. Веки Сары дрогнули и опустились. Она начала сползать, но Элай подхватил и удержал ее.

— Ух ты, это было быстро, — сказал Ноэль.

— Всегда так, — согласился Элай.

— Я рад, что ты не перепутал бокалы.

— Пошли. Заберем их отсюда.

Он вытащил Сару из кабинки и прижал к себе.

— Что происходит? — невнятно произнесла она.

— Сара, я отвезу тебя домой. Ты пьяна, — ответил Элай.

— Пьяна?

Ноэль помог Ривке подняться. Она хныкнула.

— Ривка, пошли со мной. Нужно собираться домой, — сказал он.

Ривка начала хныкать.

— Живот болит, — пробормотала она.

— Пошли, — сказал Ноэль.

Элай оставил деньги стойке, когда они помогали девушкам выйти. Он подмигнул бармену:

— Кажется, эти "Автомобильные бомбы" были крепковаты.

Когда ночной воздух ударил Саре в лицо, она поняла, что находится снаружи.

— Что происходит? — снова спросила она, однако ее голос звучал отдаленно.

— Везу тебя к себе.

Ей показалось, что это был голос Элая. Милый человек помогал ей идти. Ей не стоило столько пить. Сара знала, что пьянка с ней не гармонирует. А теперь она ужасно себя чувствует. Ей просто хотелось забраться в постель.

Последнее, что она помнила, прежде чем отключиться, как захлопнулась автомобильная дверь.

ЭЛАЙ вел свой потрепанный "Шевроле Кавалер" 1995 года за пределами города и направлялся на север, в сторону аэропорта "Атарот". Сара сопела в сидении рядом. Прежде, чем

покинуть улицу, на которой был расположен бар, он видел, как Ноэль сажает Ривку в машину и увозит прочь.

Элай был рад, что ему не нужно делать то, что пришлось сделать Ноэлю.

Рогипнол действовал удивительно хорошо. Прежде чем принести "Ирландские автомобильные бомбы", он бросил по две белые таблетки в каждую рюмку, и подождал, пока они растворятся. Сара и Ривка никогда этого не узнают. В самом деле, автомобильные бомбы.

Ближе к полуночи, Элай свернул с главной дороги и поехал запущенной дорогой к промышленной зоне города. Элай слышал пролетающие и идущие на посадку самолеты в небольшой аэропорт. Когда он впервые приехал на склад, чтобы подготовиться к прибытию Сары, ему не понравилось расположение. Элай предпочел бы подальше от Иерусалима и не так близко к аэропорту. Но приказ есть приказ. Очевидно, здание уже принадлежало людям Юрия и Влада. Элай подумал, что это не имеет значения. Пока что ему платили по заслугам.

Склад находился в конце поворота пороги, полной покинутых складов и непригодных офисных зданий. Влад сказал, что это "удаленное место".

Это было не далеко от истины. Помимо близости к аэропорту, склад, похоже что, располагался посреди ничего. Здание было темным и пустынным, если бы не два спортивных автомобиля. "Феррари" и "Ягуар" слишком бросались Элаю в глаза, но кто он был такой, чтобы сказать это парням? Возьмите несколько старых уродливых таких машин как его?

Он остановил "Шевроле" рядом с "Ягуаром" и заглушил двигатель. Окинул взглядом спящего пассажира и сказал:

— Прости, Сара.

Элай вылез из машины и пошел к парадному входу в здание. Он постучал и выждал, пока небольшое окошко скользнет в сторону. Выглянули темные глаза.

— Поможешь или как? — спросил Элай.

Дверь открылась и распахнулась, двое русских вышли наружу.

— Она в порядке? — спросил Юрий.

— Ага. Хотя и без сознания, — сказал Элай.

— Тогда заносим ее внутрь, — сказал Владом.

Они подошли к машине и открыли пассажирскую дверь. Увидев Сару, Влад отметил:

— Красотка! Задание становится намного интереснее, чем я предполагал.

— Заткнись, озабоченный придурок, — сказал Юрий. — Помоги мне.

Двое мужчин вытащили ее из машины и понесли в здание.

— Не уроните ее, — сказал Элай. — Аккуратней.

— Не волнуйся, малыш, — сказал Юрий. — Она слишком ценна.

Элай последовал за ними внутрь, закрыв за собой дверь. Середина склада была очищена, но остальное пространство было завалено сломанными кухонными и ванными принадлежностями. Чердак, поддерживаемый двумя бетонными колоннами, на половину выступал над первым этажом, являясь половиной второго этажа. Который также был завален хламом. Мужчины внесли Сару в покрытый пылью склад через западную дверь и понесли в воняющий плесенью коридор с тремя кабинетами. Они вошли в третий кабинет, в котором ничего не было за исключением койки, маленького стола и стула. На койке лежали одеяла и подушка.

Рядом была ванная с туалетом и душевой кабинкой.

И, конечно же, там не было окон.

Юрий и Влад уложили бессознательную девушку на койку, накрыли одеялом и вышли из комнаты. Влад запер дверь и показал жестом Элаю следовать за ним в другую комнату.

— А ты хорош, — сказал он. — У меня твои деньги.

Средняя комната была одновременно офисом и спальней, в ней была кровать и стол с телефоном. Юрий стоял в дверях и смотрел, как Влад открыл ящик и вынул из него большой белый конверт. И бросил Элаю, тот открыл его и заглянул внутрь.

— Здесь все, — сказал Влад. — Но ты можешь пересчитать для полной уверенности.

Элай сперва хотел, но не стал, посчитав, что это проявление слабости. Он не желал выставять себя в таком свете перед этими парнями.

— Все в порядке, я вам верю, — сказал он. — Как же... как прошло другое дело?

— Какое дело?

— Тот парень Блейн?

— А, Блейн, — сказал Юрий. — Все прошло... очень хорошо.

Элай кивнул.

— Ну, я думаю, ваши люди будут счастливы, что я узнал от нее, — он махнул головой в сторону соседней комнаты. — Будьте аккуратны. Ее отец тот, кого вы ищите.

Влад снова заговорил:

— Как я уже сказал, ты хорошо поработал. Мы подготовили тебе уютное местечко на чердаке. Извини, но больше свободных мест тут нет. Юрий спит в соседней комнате, я в этой, а наша гостья заняла третью.

— Я знаю, — сказал Элай. — Все в порядке.

— Что насчет подружки девчонки? — спросил Юрий.

Элай пожал плечами:

— Не знаю. Я не говорил с Ноэлем. Он положил ее в машину и увез. Думаю, все отлично. Кстати, вам не кажется, что стоит переставить свои тачки?

— Мы собираемся это сделать, — ответил Юрий. — Откатим их за здание и накроем брезентом. Сделай то же самое.

Трое мужчин вышли со склада, перевезли свои машины и встретились снова в небольшом офисе.

— Хорошо, — сказал Юрий. — Парни, давайте немного поспим.

Он протянул руку к Элаю. Тот пожал ее, а затем руку Влада. Он кивнул и вышел из комнаты, вернувшись по коридору на склад. Элай поднялся по деревянной лестнице, ведущей на чердак, и нашел спальный мешок в дальнем углу.

После того, как Элай разделся и залез в спальный мешок, у него проскочила мысль: попадет ли он в ад?

ЮГО-ВОСТОЧНАЯ Турция прекрасна, но ехать по ней — настоящее скотство. Местность сильно пересеченная. Боюсь, что "Пажан" Резы не выдержит непрерывно ехать вверх-вниз по горным дорогам. Автомобиль значительно замедляется при подъеме на склон. Хотя в северо-восточном Иране также гористая местность, но ее не сравнить с этой частью Турции. Кавказские горы обширны и дороги в плохом состоянии. Мне повезло, что сейчас не зима, тогда было бы по-настоящему трудно. Период между декабрем и апрелем может быть очень холодным и снежным, а ведь мне сложно пребывать здесь в конце марта. На высоких утесах все еще покрыты снегом и льдом, и, чтобы согреться, я настроил температуру на униформе.

Еще одно отличие региона от остальной части страны: Восточная Турция больше "азиатская", нежели европейская". Некогда это была верхняя Месопотамия, люди и земля еще сохранили остатки давно потерянной культуры, тем самым придавая региону более экзотические ощущения, чем остальной части Турции. К тому же, здесь люди более консервативны, более подозрительны и менее сердечны к незнакомцам, чем на европейской половине страны. Здесь также доминируют курды, составляя, возможно, пятую часть от общей численности населения.

Последнее десятилетие регион страдал от терроризма, спровоцированного Рабочей партией Курдистана, которая считается одной из наиболее опасных террористических группировок в наши дни¹³. Недавно они сменили свое название на Конгресс свободы и демократии Курдистана, а затем снова на Рабочую партию Курдистана, в попытках уменьшить восприятие того, что они поддерживают терроризм. Но по-прежнему не понятно, правда это или нет. Во всяком случае, юго-восток изобилует турецкой полицией и антитеррористическими силами, и я готов к тому, что меня остановят на КПП без предупреждения.

Реза обеспечил меня необходимыми документами и визой. Я снова швейцарский детектив из Интерпола. Пройти границу не составило труда, хотя мне задавали много вопросов. Я довольно хорошо ввожу в заблуждение и прохожу через допросы различных полицейских. Они пропускают меня, выдав четкое предупреждение: избегать дорог ночью, не разговаривать с курдами, которые попросят перевезти их вещи, и докладывать о любой подозрительной активности.

Я направляюсь в Ван, небольшой городок на восточном побережье одноименного озера, самого большого в Турции, не считая Мраморное море Стамбула.

¹³ 3 апреля 2008 года Европейский суд отменил решение о включении "курдской повстанческой группы РПК и ее политического крыла Конгра-гел в список террористических организаций Европейского союза".

Поблизости находится гора Арарат, волнующее зрелище, но рядом также расположен и запрещенный турецкий военный объект. Меня ни в коем случае не должны там поймать.

При помощи навигационных возможностей Третьего Эшелона я обнаруживаю "Акдабар Интерпрайзес", он расположен рядом с огромным озером на окраине города. Это нахожу это странным местом для конгломерата, занимающегося строительством и производством стали. Почему Ван? Вероятно, основная клиентура состоит из курдов. Кто знает? Теперь я понимаю, что конгломерат получил название от острова Акдабар, одного из наиболее важных островов озера. Одним из немногих туристических достопримечательностей городка Ван является Церковь Святого Креста, датируемая десятым веком и расположенная на острове Акдабар.

Я припарковываю "Пажан" на холме с видом на обширный комплекс и вижу общую панораму места. При помощи бинокля Третьего Эшелона, мне видна высокая проволочная изгородь, окружающая комплекс. В самом центре открытый внутренний двор с двумя флагштоками. Турецкий флаг на одном, а логотип парусов "Акдабар" на другом. Огромный сталеперерабатывающий завод с двумя высокими трубами, является основным ориентиром; вероятно, именно там проходят работы по производству стали. У края воды стоят несколько больших нефтяных цистерн, наряду с более мелкими зданиями, вероятно, рабочие помещения и офисы. Несколько охранников патрулируют территорию — вдоль периметра и вокруг зданий.

Нефтяные цистерны, несомненно, цель для террористов, имеют особо усиленную охрану. Другие охранники ездят на трехколесных гольфмобилях, что быстрее, чем ходить.

Наиболее впечатляющая вещь: завод оснащен личным небольшим аэродромом и ангаром. Я вижу грузовой самолет, готовящийся к взлету, с эмблемой "Акдабар" на боку. Должно быть, Басаран и в самом деле очень богат.

Реза смог предоставить рекомендательное письмо для встречи с Басараном. Несмотря на то, что мужчины никогда не встречались, их деловых связей должно хватить для моего пропуска. Я рассчитываю, что письмо и удостоверение Интерпола приведут меня к парадному входу.

Я желаю лично встретиться с Басараном, чтобы получить представление о парне. Если он был знаком с Бентоном, возможно, он обладает необходимой информацией.

Я надеваю гражданскую одежду, завязываю галстук, оставляю "Оспрей" в машине, и еду к парковке для посетителей. Я предъявляю документы и письмо охраннику у парадных ворот и прошу встречи с Басараном.

— Вам назначено? — спрашивает он на английском с сильным акцентом.

— Нет, боюсь, что нет, — отвечаю я. — Прошу прощения, но у меня не было времени назначать встречу. Я только что приехал в страну. Если мистер Басаран занят, возможно, я смогу прийти позже ...?

— Подождите здесь.

Охранник удалился в проходную и сделал звонок. Я вижу, что он читает письмо от Резы, кивает головой, и смотрит на меня. Наконец-то он возвращается и говорит:

— Если вы не против немного подождать, то мистер Басаран встретится с вами после совещания.

Он дает мне карту комплекса, указав на группу небольших зданий у озера, сказал мне ехать туда и припарковаться. Он также дает мне пропуск посетителя и предостерег не ездить где-либо по собственности.

Над озером открывается захватывающий вид. Сегодня ясный день и вода простирается до самого горизонта, подобно озеру Мичиган на окраине Чикаго. Здешние здания — это современные строения, и вероятно, вмещают административные офисы с различными комплексами для сотрудников: раздевалки, спортзал, кафе, торговые автоматы, и головной офис благотворительной организации "Тирма". Карли из Третьего Эшелона указала, что слово "тирма" на фарси означает "шелк". Вопрос в том, почему на фарси? Почему не на турецком?

Зал ожидания в главном административном здании современный и комфортный. В нем достаточно мебели, которую можно ожидать в приемной и я замечаю, что камера наблюдения в углу записывает всех кто входит и выходит. Симпатичная турецкая администраторша сидит за стеклом и неустанно смотрит на меня. Здесь правила намного мягче, чем в мусульманской стране и женщины могут не прятать лицо.

Я ожидаю минут двадцать и другая милая турецкая, возможно курдская, женщина приходит за мной и проводит к двери с кодовым замком правее администраторской. Часть моей тренировки в Третьем Эшелоне — наблюдать за нажатием клавиш, и попытаться запомнить их. Каким бы быстрым ни был человек, и мне удалось достичь рейтинга в восемьдесят восемь процентов. Я стою рядом с женщиной и притворяюсь, что кашляю в тот момент, когда она набирает последовательность, делая видимость, что не смотрю. Ее пальцы быстро бегают по панели, но я улавливаю: 8, 6, 0, 2, 5.

Дверь открывается, и девушка ведет меня коридором, украшенным произведениями искусства Среднего Востока.

Пока мы идем, я быстро вбиваю кодовую последовательность в ОПСАТ, чтобы не забыть. Мы сворачиваем за угол, и я замечаю еще одну камеру наблюдения на потолке, затем мы входим в просторный и очень прозападный офис. Картина Пикассо висит на стене. В углу комнаты находится стол с масштабной моделью причудливого современного здания.

Намик Басаран встречает меня в дверях с широкой улыбкой и протягивает руку, как только я вхожу в комнату. Громадный парень, одетый в костюм и тюрбан, стоит в стороне и пристально на меня смотрит.

— Мистер Фишер, добро пожаловать в Турцию, — говорит он на отличном английском.

Я пожимаю руку и благодарю. Также я замечаю, что в другой руке он сжимает резиновый мячик.

Он посмеивается и говорит:

— Это из-за тендинита¹⁴. Кроме того это нервная привычка!

Он подходит к столу и бросает мяч в ящик. Он поворачивается к здоровяку и говорит:

— Спасибо Фарид, можешь идти.

Здоровяк кивает, еще раз смотрит на меня и выходит из комнаты.

— Мой телохранитель, — объясняет Басаран. — Водитель. И помощник. Человек в моем положении не может быть слишком осторожным. Я подобрал беднягу Фариду с улицы и взял в организацию. Он иранец, жертва режима Саддама Хусейна. Фарид не говорит, ему отрезали язык, когда он был в тюрьме Абу-Граиб во время Ирано-иракской войны. Вы хотите что-нибудь выпить? Чай? Кофе? Что-нибудь покрепче?

Я пожимаю плечами и говорю, что выпью то, что он сам нальет.

— Ну, лично я в это время суток предпочитаю маленькую чашечку турецкого чая. Подойдет?

Я расстроен, но улыбаюсь и отвечаю:

— Это было бы прекрасно.

Турецкий чай из районов Черного моря, как правило, подается с большим количеством сахара. Я делаю это против своей воли, но когда нужно я могу терпеть. Басаран подходит к бару, разливает чай в крошечные тюльпанообразные чашки и приносит их. Мы сидим на черных кожаных креслах за маленьким столом под картиной Пикассо. Слева от нас окно на всю стену, открывающее вид на озеро.

Трудно сказать, сколько Басарану лет, но скорее всего около пятидесяти. Он среднего роста, и как было видно на фотографии, у него проблемы с кожей на лице и руках. Я не уверен, что это. Все не так плохо, похоже на пересадку кожи, вряд ли это воздействие какой-то болезни.

— Неплохое у вас тут местечко, мистер Басаран, — говорю я.

— Спасибо. Очень приятно добиться успеха в молодости, а затем наслаждаться жизнью.

— Особенно я впечатлен взлетно-посадочной полосой. Для чего она вам?

Он пожимает плечами.

— Мы перевозим материалы по всему миру. В настоящее время я участвую в постройке сложного, торгового центра на Северном Кипре. Модель этого центра стоит на том столе. Красивый, не так ли? Мы поставляем материалы ежедневно на остров. Как вы, наверное, поняли, я твердый сторонник права Турции претендовать на Кипр. Я помогаю этому

¹⁴ Тендинит - воспаление и дистрофия ткани сухожилия.

строительством на севере, предоставляю людям более современные удобства и достопримечательности. Этот центр станет крупнейшим в своем роде на Ближнем Востоке.

Он покачал головой и сделал глоток чая.

— Постоянная борьба с греческими киприотами очень трагическая. Почему они не могут просто принять нас, и покончить со всем этим? Но это уже совсем другой разговор. Теперь. Скажите мне, что вас привело в Ван, мистер Фишер. Я прочитал ваше рекомендательное письмо от господина Хамадана и вижу, что вы работаете в Интерполе. Чем могу я вам помочь?

Я рассказываю ему о своих злоключениях и составляю подробный доклад о террористах в регионе. Интерпол опубликует этот доклад и разошлет его в правоохранительные органы по всему миру, но самое главное, что это поможет в борьбе с терроризмом здесь, на Ближнем Востоке.

— Мистер Хамадан советовал мне поговорить с вами, поскольку я слышал, вы эксперт по терроризму в Восточной Турции, — говорю я.

Небольшая лесть, как правило, играет большую роль.

— Вы оказываете мне слишком много чести, — говорит Басаран, но улыбается и наслаждается комплиментом. — Я бы не назвал себя экспертом. Это смешно. Но мне кое-что известно. На протяжении многих лет я отслеживал различные группировки в этой области, даже встречался с некоторыми лидерами. Но это не значит, что я в хороших отношениях с ними. Как любого турецкого предпринимателя и довольно-таки успешного, вероятно, они меня ненавидят так же, как любого в Турции, кто выступает за прозападный образ жизни. Я мог бы часами говорить о терроризме, мистер Фишер, поэтому если у вас нет конкретных вопросов, то нам, возможно, потребуется перенести встречу на другое время. Сегодня я очень занят.

Как бы невзначай я упоминаю другое имя.

— Понятно. Рик Бентон сказал, вы были бы очень полезны.

Я замечаю блеск в его глазах.

— Вы знаете Мистера Бентона? — спрашивает он.

— Только его работу, — отвечаю я. — Я никогда не встречался с ныне покойным мистером Бентоном.

У Басарана отвисла челюсть.

— Ныне покойным мистером Бентоном? Он...?

— Да, — отвечаю я. — Был убит в Брюсселе на прошлой неделе.

— Это печально. Мне жаль слышать об этом. Известно, кто это сделал?

— Нет, это загадка.

Басаран делает глоток чая.

— Однажды я встречался с ним. Он, как и вы, спрашивал меня о некоторых террористических группировках, действующих в этом регионе. Заверяю вас, всякий раз на собраниях я вынужден выступать против терроризма. Это важно для меня и для моей семьи.

Я бы хотел побольше узнать о его семье, но решаю, что сейчас не подходящее время.

— Вам же известно о моей благотворительной организации, "Тирма"? — спрашивает он.

— Да, именно по этой причине я и хотел с вами встретиться.

— "Тирма" — личный проект. Я обязался отдавать большую часть своего дохода в помощь для борьбы с терроризмом, и "Тирма" позволяет мне внести изменения, пусть и небольшие.

— Полагаю, это не приносит прибыль?

— Несомненно. Добавлю, что весь персонал — добровольцы. Если захотите бросить Интерпол и работать на нас бесплатно, мы более чем рады видеть вас!

Он неистово смеется.

Я тоже смеюсь, но быстро возвращаю разговор обратно к теме.

— Хорошо, поскольку у вас мало времени, у меня есть несколько конкретных вопросов.

— Выкладывайте.

— Что вам известно о "Магазине" и "Тенях"?

Басаран кивнул, как будто ожидая вопроса.

— Мистер Бентон также спрашивал меня об этом. Обе группировки возглавляют все списки. Что касается "Теней", то наш друг Таригиан определенно поднял мастерство на новый уровень.

— Таригиан? — Придуриваюсь я.

— Насир Таригиан, — говорит Басаран. — Он спонсирует "Тени". Разве вы не знали?

— Я полагал, Насир Таригиан умер в 80-х.

— Он хотел, чтобы так считал каждый. Но он жив и здоров, финансирует и твердой рукой управляет "Тенями". Боюсь, никто не знает где он. О его личной жизни знают еще меньше. Весьма загадочная личность, как и его организация. Поговаривают, Таригиан живет подобно кочевнику, как и Усама Бен-Ладен. Он со своей группой веселых террористов переезжают с места на место, поэтому их не могут поймать. Полагаю, они живут в пещерах где-то в горах.

— Есть предположения, в какой стране они дольше остаются?

— Полагаю это Армения, Грузия или Азербайджан. Там для них безопаснее всего. Если бы они были в Турции, их, вероятно, уже бы поймали. Если бы они были в Иране, их, вероятно, уже бы поймали. Если бы они были в Ираке, их определенно поймали бы. Однако наверняка я не знаю. Возможно, они время от времени переезжают из страны в страну.

— Вы знаете Ахмеда Мухаммеда? — спрашиваю я.

— Да, конечно. Он самый заметный лидер "Теней". Возможно, лидер не правильное слово. Он получает указания и деньги от Таригиана, и наблюдает за тем, чтобы дело было сделано. Это самый разыскиваемый террорист, и я уверен, что он постоянно в бегах. Змея, а не человек.

— Есть идеи, где он?

— Нет. Везде и всюду. Как Таригиан.

В дверь постучали.

— Простите меня, — говорит Басаран. — Входите!

Тощий человек с растрепанными светлыми волосами входит в комнату. Это белый человек, которому за сорок, может, пятьдесят.

— Могу я с вами поговорить? — спрашивает Басаран.

Я не могу определить акцент, однако, он европейский.

Басаран поднимается и говорит:

— Профессор, сколько раз на день вы будете прерывать меня?

Он подмигивает мне и говорит:

— Профессор — ярый сторонник подробностей. Прошу извинить меня. Я сейчас вернусь.

Как только они удаляются, я быстро поднимаюсь, тянусь в карман пиджака и достаю три липких жучка. Они очень похожи на липкие камеры за тем исключением, что они передают только звук. Я подхожу к столу Басарана и быстро прилепляю один из жучков на ножку под столом, где его не заметят. Спешу к масштабной модели и помещаю еще один жучок под стенд. Последний третий жучок я прикрепляю под маленьким столиком, где мы сейчас сидим.

Я возвращаюсь на свое место, беру чашку с чаем и делаю небольшой глоток, когда Басаран возвращается.

— Мне очень жаль, примите мои извинения за вмешательство, — говорит он. — Боюсь, мне придется прервать наш разговор. Кое-что произошло, и это требует моего присутствия. Тем не менее, если вы свободны сегодня вечером, я был бы более чем счастлив встретиться с вами, и продолжить нашу дискуссию.

Я встаю и говорю:

— Ну, я был бы рад. Просто скажите, где и в какое время.

Он дает мне адрес ресторана в районе гавани, и мы договариваемся встретиться в восемь часов вечера. Мыжимаем друг другу руки, и меня сопровождают из здания.

Я отъезжаю от комплекса Акдабар и паркуюсь на холме, где был ранее, с помощью моего ОПСАТА я настраиваюсь на размещенные жучки в офисе Басарана. Прием очень хороший, но чем дальше я от источника, тем хуже качество. Я узнаю голос Басарана. Он говорит на английском с другим человеком. Это не похоже на голос профессора, которого я мельком видел в офисе.

Басаран: "И какой их ответ?"

Другой парень: "Поставщики отказываются возвращать деньги за первую партию. Товар был конфискован в Ираке и был под нашим контролем. Поставщики говорят, что они за это не отвечают".

Басаран: "Черт их побери. То, что случилось с транспортировкой, было не нашей виной, и они это знают. Ублюдки".

Другой парень: "Это не все, деньги на замену товара должны быть переведены в течение двух дней".

Басаран: "Это разбой, вот что это такое. Чертов Здрок! Хорошо, делайте то, что должны. Перечислите оплату. И скажите профессору Мертенсу, что я буду в лаборатории через двадцать минут".

Мертенс? Я помню, что это имя было нацарапано на карте Рика Бентона. Не тот ли это "профессор", которого я видел в кабинете Басарана?

Я слышу, как двери открываются и закрываются. На мгновение воцаряется тишина, затем я опять слышу бормотание Басарана: "Чертов Здрок". После этого дверь открывается и закрывается еще раз, и в кабинете все становится тихо.

Таригиан. Мертенс. Здрок. Все начинает сходиться.

Подполковник Питлоу знал, что конфискованное оружие будет хорошей приманкой для "Теней".

После того, как он получил доклад от Сэма Фишера из Эрбиля, армия США взяла на себя инициативу и перевезла оружие из полицейского участка в неизвестное место. "Тени" дали знать, что они хотят вернуть эту поставку, и план состоял в том, чтобы выманить террористов. На иракскую полицию также оказывалось давление: найти виновных за убийство их сослуживцев, а также компенсировать не очень удачный рейд, который произошел возле штаб-квартиры полиции Эрбиля. Фиаско иракской полиции было более неловким, чем армии США. Фактически, Пентагон обвинил иракское правительство в отсутствии адекватной подготовки сотрудников полиции и гибели четырех американских солдат, формально присутствовавшие на производимом аресте в качестве наблюдателей. Таким образом, план поимки сбежавших террористов уникальным образом разрабатывался в сотрудничестве военных и гражданских полицейских.

Наиболее положительное событие, случившееся в Ираке, во время собрания собственного правительства летом 2004 состояло в том, что информаторы усиленно хотели сотрудничать с иракской полицией, офицерами разведки и военными. Эти люди, по большей части гражданские, но иногда и те, кто служил в различных иракских ополчениях, были заинтересованы не только в получении денежной компенсации за свои усилия, но и в развитии благоприятных взаимоотношений с властями. Иногда достоверным информаторам предоставляли специальный статус в трудоустройстве или материальными средствами, такими как собственность. В такой стране как Ирак, которая все еще искала путь к довоенному уровню экономики, множество людей хваталось за шанс вырваться вперед.

Таким образом, информаторам было уплачено пустить слух по Эрбилю, будто конфискованное оружие "Теней" хранится в пещере под надзором курдского военного взвода. Кроме того, курды были зелены и недисциплинированы.

В действительности, оружие даже близко не было в пещере. Армия США разместила два взвода в стороне от места с приказом передислокации, если "Тени" не попытаются вернуть оружие в течение двух недель. Питлоу решил, что это стоит времени и затрат, чтобы развернуть войска здесь.

Это был надежный информатор по имени Али Вазан, который принес важные сведения. В свое время и был лейтенантом и священником шиитов, которые вели партизанскую войну

против США весной 2004. Сейчас, работая на новое иракское правительство и полицию, Базан вступил в контакт с предполагаемыми террористами, которые сильно желали найти и отобрать оружие. Базан обманом вошел к ним в доверие и помогал достичь цели. Они по глупости поделились с ним планами напасть на курдский взвод этим утром.

Конечно же, ранним утром в тот же день, когда Сэм Фишер поехал в Турцию из Ирана, группа из двадцати боевиков осадили пещеру. Они были вооружены автоматами АК-47 и пистолетами различных марок и моделей. Взвод США был вооружен стандартными M16A2, M4A1, подствольными гранатометами M203, осколочными гранатами M67 и светошумовыми M84. Но это был не конкурс.

Террористы первыми нанесли удар, шестью людьми штурмывая пещеру с автоматами наперевес. Когда они открыли огонь по находившимся внутри, "Тени" быстро поняли, что ведут бой не с курдами. Огневая мощь американцев подавила нападавших, и шестеро мужчин были убиты. Это заставило выдвинуться другую часть террористов, которые были удивлены внезапным появлением армии США с правого и левого флангов. Американцы скрывались в землянах, входы которых были замаскированы грязью, камнями и растениями.

Перестрелка продолжалась двадцать две минуты. Тринадцать террористов были убиты, остальные попали в плен. США потеряли двух человек. Семеро заключенных были доставлены на временную базу за пределами Эрбиля и построены в шеренгу за казармами Питлоу.

Сэм Фишер сделал копии соответствующих фотографий, найденных в Эрбиле и переданных Питлоу. У подполковника, совместно с представителями иракской полиции, была возможность взглянуть на мертвых боевиков первыми, но они не опознали никого, с кем Сэм столкнулся в ту ночь. Потом Питлоу встретился с каждым заключенным. Они походили на паршивое стадо, люди, жившие в глуши и избегали закона в течение нескольких месяцев.

Никто из них не показался ему знакомым. После краткого допроса каждого вместе с иракским полицейским, выступившем в роли переводчика, у Питлоу появилось неприятное ощущение, что они не смогли поймать того, кого искали. Но как только он начал говорить с четвертым человеком, у него в памяти что-то промелькнуло.

— Открой рот, — приказал Питлоу заключенному.

Когда тот так и сделал, Питлоу увидел, что у него отсутствуют несколько зубов. Это был тот, кого Фишер называл Беззубым. Человек, ответственный за гибель четырех американских солдат.

Питлоу дал приказ полицейскому перевести его речь.

— Они, конечно, все арестованы, но этому должно быть предъявлено обвинение в убийстве офицеров полиции Эрбиля и наших солдат. Во второй половине дня мы начнем важный допрос. Между тем, скажи этому парню, что он в полном дерьме.

* * *

Сара проспала почти шестнадцать часов. Проснувшись, она была, по понятным причинам, растеряна и дезориентирована. Она не имела ни малейшего представления, где находится. Сара села слишком резко, и это спровоцировало у нее волну тошноты. Жар мгновенно пронзил тело, и ее бросило в пот. Сара знала, что ее скоро стошнит, и у нее началась паника. Краем глаза она увидела дверь в ванную и открыла ее. Она добралась до туалета как раз вовремя.

Когда тошнота прекратилась, Сара сидела на грязном полу еще какое-то время, прежде чем встать.

Где она, черт возьми? Что это за место? И что более важно, где Элай? И Ривка?

Она медленно вставала, используя туалет как опору. Испачканное и треснувшее зеркало над раковиной отражало бледную, испуганную девушку двадцати лет. Она выглядела ужасно.

Мочалка и полотенце лежали на краю раковины. Она включила холодную воду. По крайней мере, она не ржавая, как в квартире у Элая, поэтому она плеснула воду на свое лицо и дала воде течь вниз по ее шее. Приятное ощущение. Сара поняла, что ей ужасно хочется пить, но она не желала пить воду из-под крана.

Она осторожно вернулась в другую комнату и ничего там не увидела кроме койки, на которой она спала, и свою сумочку на полу. Она подошла к двери и повернула ручку, однако дверь оказалась заперта.

— Эй, — позвала она. — Элай?

С другой стороны двери стояла устрашающая тишина.

— Ривка? Кто-нибудь?

Она чувствовала, как ее вновь охватила паника, когда она начала сильно стучать по двери.

Когда она услышала шаги по ту сторону двери, Сара отошла и готовая пустить Элая.

Однако человек, открывший дверь и заглянувший внутрь, не был похож на Элая. У него был холодный, жестокий взгляд, и он похотливо улыбнулся ей.

— Доброе утро, принцесса, — сказал он. — Долго же ты спала. Как себя чувствуешь?

— Кто вы? — потребовала она. — Где я?

Она вдруг так испугалась и растерялась, что снова почувствовала головокружение. Она пошатнулась, и ее колени подогнулись. Человек бросился в комнату, подхватил ее и помог лечь на кровать.

— Ух ты, мисс, присядьте. Вот, вот.

Лежа на подушке, она спросила более спокойно:

— Кто вы?

— Меня зовут Влад. Я думаю, тебе нужно еще поспать.

— Где я?

— Просто спи, — сказал он и повернулся, чтобы выйти.

— Подождите!

Но он вышел, и она услышала, как ее заперли.

Что, черт возьми, происходит? Кто он такой? Где ее друзья?

Она услышала звук самолета над головой. Она возле аэропорта? Сара вспомнила, что мечтала о самолетах, или она так думала. Она припомнила неприятное чувство осознания, бывшее то ли реальностью, то ли сном. Она подумала, что ее могли куда-то перенести те люди, которые слишком сильно ее ухватили за лодыжки и запястья. Даже сейчас, она чувствовала на них синяки. Ей также вспомнились лихорадочные перевороты с боку на бок, вероятно уже на койке, и случайный рев самолетов.

Конечно же, скоро появится Элай и объяснит происходящее. В данный момент она была слишком потрясена и запутана, чтобы об этом беспокоиться. Вероятно, ей стоит поспать. Если это было похмелье, то она больше никогда не захочет пить.

Она убеждала себя, что она не была образцовой двадцатилетней девушкой во время поездки в Израиль. У нее несколько раз был секс, она выпивала, оставалась на ночь в доме своего парня ... что бы подумал ее отец?

Ее отец!

Она могла бы позвонить ему! Был специальный номер, на который она могла бы отправить ему сообщение. Она не знала, где он, но была уверена, что он получит сообщение. Сара потянулась к своей сумочке на полу, чтобы найти телефон.

Конечно же, его тут не было. Не нашла она и свою адресную книгу. Проклятье, подумала она. Что же теперь делать?

В замке снова зазвенели ключи. На этот раз дверь открыл Элай.

— Элай! Боже, что... где мы?

Он закрыл за собой дверь, поставил бутылку с водой на пол и встал перед ней. Выражение его лица встревожило ее.

— Что-то не так? Элай? Что это за место?

— Сара, до тех пор, пока ты будешь сотрудничать, они не причинят тебе вреда, — сказал он. Она не была уверена, что верно его поняла.

— Что? Где я? Где Ривка?

— Заткнись, — прошипел он. — Слушай меня. Ты заложница. Ты одна. Ты не сможешь сбежать, так что и не пытайся. Не зови на помощь, потому что никто тебя не услышит. Мы за много километров от людей.

Она не могла поверить в услышанное.

— Что? Элай?

— Мне очень жаль, Сара. Я рассказал тебе все, как оно и есть.

— Ты ... кто был тот парень, который заходил сюда? Он сказал, что его зовут Влад.

— Ты не слушаешь меня, Сара, — сказал Элай. — Ты чертова заложница!

Она ахнула. Он сказал все это всерьез. Это была не шутка. На его лице было что-то, чего она раньше не видела. Это был не тот Элай, которого она знала. Не тот смешной и нежный Элай, с которым она когда-то занималась любовью. Это был человек, который пугал ее.

— Что происходит, Элай? Почему ты это делаешь? — спросила она.

— Мы хотим знать, где твой отец.

Из-за чудовищности сказанного, она чуть не упала в обморок. Она глубоко вздохнула и сказала:

— Так вот в чем дело. В моем отце.

Сара покачала головой и отвернулась от него.

— Скажи нам, где он, и с тобой будет все в порядке. Если же ты не скажешь, то ... я не могу отвечать за то, что с тобой сделают Влад и Юрий.

— Влад и Юрий? А как насчет того, что уже сделал мне ты?! Иди на хрен, Элай!

Элай остался невозмутим. Раздался стук в дверь, и Элай сказал:

— Входи.

Это был Ноэль.

— Ноэль! — сказала Сара. — Какого черта происходит? Где Ривка?

Ноэль посмотрел на Элая, тот покачал головой.

— Ноэль? Где Ривка? — снова спросила Сара.

Ноэль пожал плечами. Снова посмотрев на Элая, он вышел из комнаты.

Боже! подумала она. С ее подругой случилось что-то ужасное. Сара знала это. Она чувствовала это нутром.

Элай повернулся вслед за Ноэлем, и сказал ей:

— Твой отец — американский правительственный Splinter Cell, и ты поможешь нам найти его. У нас твой мобильный телефон и твоя записная книжка. Мы просмотрим все списки в книге, и если мы не найдем там ничего такого, чтобы с ним связаться, мы прибегнем к твоей помощи. Если ты знаешь, как связаться с ним, тебе лучше сказать нам. Я не хочу, чтобы ... тебе делали больно.

Она смотрела на молодого человека, о котором думала, что когда-нибудь тот будет ее женихом.

— Подумай об этом, — сказал он. — Я скоро вернусь. Тут есть немного воды. И я принесу тебе немного еды. Но это тебе не отель, Сара, поэтому не жди обслуживания в номер, когда ты этого захочешь.

Он открыл дверь и вышел. Хлопок двери и щелчок гулко раздались по маленькой комнате. Ее личной клетке.

* * *

ГЕНЕРАЛ Прокофьев не смог прийти на совещание. Он был в Москве по делам и должен вернуться с важной деталью оборудования исключительно для "Магазина". Как высокопоставленный офицер российской армии, Прокофьев имел доступ и разрешение к невероятному количеству материалов. Если произошла пропажа или утечка, ему не нужно было отчитываться перед начальством. Таким способом "Магазин" получал большую часть продукции.

Андрей Здрок потратил двадцать минут о продажах прошлого месяца, излагая прибыль "Магазина". Он также уточнил потери и их значение для компании.

— Если мы не восстановим наше положение на Дальнем Востоке в следующие два месяца, "Магазин" потеряет шесть и три миллиона долларов, — сказал он. — Господа, я не хочу отказываться от своего замка на Цюрихском озере. Если нужно завербовать другого партнера, значит, мы так и сделаем. По многочисленным причинам интересует Джон Минг. Что вы думаете о намерении взять китайского партнера?

Герцог пожал плечами.

— Если это с целью сохранить компанию, тогда ладно. Но сперва давайте попытаемся своими силами восстановить убытки на Дальнем Востоке.

— Никогда. Ненавижу китайцев, — сказал Антипов.

Здрок почти засмеялся от фанатизма своего коллеги.

— По крайней мере, ты честен, Антон.

Затем он перешел к другой важной теме и объявил:

— Счастлив доложить, что мы установили личность следующего Splinter Cell'a в списке. Его имя — Сэм Фишер. Он проживает в Балтиморе, США, и он не приписан к какой-то конкретной территории.

АНБ посылает его выполнять специальные миссии — сложные задания.

Мы полагаем, что это он виновен в смерти Ким Вей Ло в Макао и за причиненный ущерб нашим интересам. Его опознание дало нам возможность избавиться от него. Некий близкий ему

человек находится у нас, и мы надеемся, что она приведет нас к мистеру Фишеру ... или наоборот, что более вероятно.

Антипов и Герцог кивнули.

— Мистер Фишер — необычный враг. Он, вероятно, самый подготовленный и грозный противник, с которым мы когда-либо сталкивались. Остальные Splinter Cell'ы — дети по сравнению с Фишером.

— Что нам делать? — спросил Антипов.

— Ничего, — ответил Здрок. — Я выделил на задание наших силовиков.

Снова кивки. С этим у Антипова и Герцога проблем не было.

Здрок повернулся к Антипову.

— Антон, я хочу, чтобы ты разрешил ситуацию с "Тенями". Она превратилась в неразбериху.

— Как ты хочешь, чтобы я справился с этим, Андрей? — спросил бывший офицер КГБ. — Сделать все возможное, чтобы навести порядок, или сделать все от меня зависящее, чтобы настаивать на осуществлении нашей политики?

Здрок сказал:

— Я скажу так. Если их руководство не сходитя с нами во взглядах, то и пошли они. Мы не нуждаемся в них. Мне все равно, кто они, черт побери. У меня ощущения, что они вступили на дорогу, которая принесет им серьезные последствия. И этот их новый проект не имеет для меня никакого смысла. Но опять же, я не мусульманин-фундаменталист.

Антипов спросил:

— Тогда я должен...?

— Вырежи их, — сказал Здрок. — Если они создадут нам еще больше неприятностей с деньгами, или возмещением, или кредитом, или каким-нибудь еще дерьмом, тогда просто вырежи их всех.

Антипов кивнул, но было ясно, что он не был уверен, согласен ли с боссом.

Здрок проигнорировал его. Он знал, что Антипов сделает свою работу и выполнит ее беспощадно. Здрок вздохнул, а затем у него появилась другая идея.

— Вторая мысль, мы бы могли бы обратиться к мистеру Мухаммеду за решением, — сказал он.

— Ахмеду Мухаммеду, — спросил Антипов.

— Да. Он делает всю работу для "Теней", не так ли? Почему бы нам не сообщить Мухаммеду, что стоит сменить руководство "Теней", которое внезапно стало сомнительным и тогда "Магазин" продолжит их поддержку.

— Я думаю, это отличная идея, — сказал Антипов.

Герцог кивнул.

— Отлично. Я уезжаю в Баку, — сказал Здрок. — Я буду на связи. Если понадобится, вы знаете, как меня найти.

С этими словами он встал из-за стола и вышел из помещения. Антипов и Герцог посмотрели друг на друга, пожали плечами и встали из-за стола.

У "Магазина" были четыре уникальных руководителя. У каждого из них есть своя работа и обязанности. Каждый из этих людей командовал легионом подчиненных. У всех четырех партнеров была огромная власть и богатство.

Но из них никто не задавался вопросом, кто был главным.

Я иду на обед с Намиком Басараном и прибываю к ресторану в назначенное время. Это небольшое заведение с видом на озеро Ван, расположенное на туристической площади и пристани. Здесь находятся несколько фирм для чартера яхт, туристическое агентство, сувенирные магазины, два отеля и несколько ресторанов. Неподалеку находится "Акдабар Интерпрайзес".

Басаран и его телохранитель ожидают меня внутри ресторана. Здоровяк снова уставился на меня, пока его работодатель не кивнул ему. Басаран одет в тот же костюм. Я надел другой галстук, однако, в том же спортивном пиджаке. "Оспрей" вмещает мало гражданской одежды. Под низ я надел свою униформу, не только из практических соображений, но и потому, что ночной воздух прохладен в горах. С озера доносится ветер и становится довольно прохладно.

Метрдотель тепло приветствует Басарана, называя его по имени. Басаран спрашивает столик у окна и указывает путь. Мне случалось наслаждаться турецкой едой. Как и люди во многих европейских и азиатских странах, турки делают из обеда целое мероприятие, которое может длиться часами. У меня складывается ощущение, что сегодня будет не такой случай, поскольку Басаран — занятой человек.

Басаран заказывает красное сухое вино, сделанное в регионе вместе с раки (анисовый алкогольный напиток не похожий на греческий узо или арабский арак), который прекрасно обжигает при употреблении. Мы начинаем с закусок или мезелера, состоящего из мелко нарезанного салата, пюре из жареного баклажана, перца и маринованной репы. Далее следует мятный чечевичный суп с обильным количеством паприки. Основное блюдо — запеченный барашек, начиненный кубиками жареного мяса, фасолью, помидорами, баклажанами, цуккини, перцем и большим количеством чеснока. "Сердечные" — именно таким прилагательным можно описать турецкие блюда.

Басаран начинает разговор со слов:

— Я только что услышал по новостям, произошел еще один теракт, приписываемый "Теням".

— О? Мне ничего не известно.

— Снова в Ираке. Мишенью был кортеж автомобилей с двумя членами иракского правительства. Оба убиты.

Я качаю головой.

— Именно поэтому страны всего мира должны объединиться.

Он смотрит на меня скептически.

— Однако мистер Фишер, вы ведь из Швейцарии, верно? Разве не швейцарцы славятся нейтральностью, когда дело доходит до мировых проблем?

— Боюсь, это ошибочное представление, — отвечаю я. — Только потому, что мы не участвуем в войнах, не означает, что нам нет дела.

— Что вы думаете о политике США на Ближнем Востоке?

Опа. Нужно быть осторожным. Не хочу, чтобы он понял, что я на самом деле не из Швейцарии.

— Полагаю, это... досадно, — отвечаю я.

Я не хочу это признать самому себе, но я на самом деле так считаю.

— Ха! — громко говорит он. — "Досадно" — это еще весьма сдержанно. Послушайте, я был поклонником Саддама Хусейна и симпатизировал Ирану во время Ирано-иракской войны, однако то, что сделало США в Ираке — чудовищно. И насколько стабильна теперь страна? Всегда будут мятежники, желающие уничтожить ее, только для того, чтобы показать миру, что Америка допустила огромную ошибку. Иногда культура страны требует, чтобы людям говорили, что делать. Демократия не везде срабатывает.

— Думаю, Америка должна была усвоить урок с Вьетнамом, вы так не считаете? — предлагаю я.

— Вот еще. Они ничему не научились. Даже если научись, то забыли. Разве вы не согласны, что американская политика на Ближнем Востоке обратила бывших друзей против них? Арабы ненавидят их. Турки, я вполне могу сказать, что многие из них ненавидят Америку. Не все. В целом, у мусульман сложилось впечатление, что США искореняет их религию.

— Нам обоим известно, что это не так, — говорю я.

Я весьма оскорблен.

— Известно? О, я понимаю, на самом деле все из-за нефти! Я прав?

Я должен держать свои мысли при себе.

— Нефть — весьма ценный товар, не только в Штатах, но и во всем мире. Сохранять стабильность на Ближнем Востоке — важно для каждого, а не только американцам с их автострадами и спортивными машинами.

Басаран пожал плечами.

— Полагаю, вы правы. Все же, я боюсь, что арабское мнение об Америке, довольно сильно пострадало и не может быть восстановлено.

Я склонен согласиться с этим утверждением, но считаю, нужно сменить тему.

— Итак, скажите мне, почему вы так заинтересованы в борьбе с терроризмом? Вернее в оказании помощи жертвам террора?

— У всех есть страсть, не так ли? Моя — помогать пострадавшим от злодеев. Я на собственном опыте испытал трагедию, которая происходит с семьями, когда любимые погибают от террористов-смертников, противопехотных мин или угнанных самолетов, направленных в здание.

— Простите меня, если я слишком откровенен, но я чувствую, что терроризм коснулся вас лично.

Глаза Басарана на мгновение закрылись. Я задел за живое, я знаю это.

— Разве терроризм не касается лично каждого? — спрашивает он, уклоняясь от ответа.

— Дело в том, что терроризм — средство достижения невозможной цели, которую стремятся достичь террористы, — отвечаю я.

— Что вы хотите этим сказать? — спрашивает он.

— Правительства обычно не меняют свою политику из-за терроризма.

— Это не совсем правда, — отвечает он. — Посмотрите, что случилось в Испании, когда был взорван мадридский поезд. Народ проголосовал против существующей власти. Не совершать ошибок — терроризм имеет смысл во многих случаях. В наше время люди боятся терроризма как ничего другого. Посмотрите, что случилось в Ираке. Так не может продолжаться вечно. Что-то сломается и террористы победят.

— Вы на самом деле в это верите? — спрашиваю я.

Внезапно Басаран ударяет кулаком по столу, из-за чего посетители оборачиваются.

— Ирак снова падет! Я знаю, что это произойдет! Ирак падет, и американские интересы в регионе будут в опасности. Подождите и увидите!

Он быстро берет себя в руки и говорит:

— Простите меня. Иногда я увлекаюсь.

Волнение появилось ниоткуда. Намик Басаран имеет что-то против Ирака? Очевидно, что он не любит внешнюю политику Америки, но есть что-то еще, что подтолкнуло его в этом направлении. Я решаю перевести разговор на другую тему.

— Мистер Басаран, ранее мы говорили о "Тенях", и не нашли время для обсуждения "Магазина". Вы можете рассказать что-нибудь об этом?

Лицо Басарана выражает растерянность. Несколько секунд он сидит и попивает раки, как будто обдумывая, какую информацию преподнести.

— "Магазин", — начал он, взвешивая слова, — вызывает презрение. Из того, что мне удалось узнать, их интересуют лишь деньги. Их не заботит, кому они причиняют вред. Им плевать на политику, религиозные, или социологические вопросы. Они предоставляют услуги и они очень хороши в этом. Во всем мире множество подпольных торговцев оружием, но они не настолько гнусны и организованы как "Магазин".

— Кто они? Кому подчиняются? — спрашиваю я.

— Никто не знает. Им управляют как в мафиозных семьях. Существует босс и его доверенные помощники, под каждым стоят свои подразделения и так подобно генеалогическому древу. У них везде свои люди, не только на Ближнем Востоке. Я полагаю, что у них есть филиал в Швейцарии, мой друг.

— Сомневаюсь.

— А что до руководства? Есть слух, что "Магазин" управляется группой богатых банкиров, бывших военных офицеров, и президентов корпораций из России и бывших Советских республик.

— Россия. Я так и думал. Есть идеи, кто большой босс?

Басаран оглядывается вокруг, чтобы убедиться, что никто не подслушивает. Наклоняется вперед и шепчет.

— Я слышал имя. Не знаю, насколько оно достоверно. Вы когда-нибудь пересекались с именем Здрок?

Интересно. Это же имя Рик Бентон написал на своей карте. Также я слышал его ранее в проклятиях Басарана.

— Возможно, я слышал это имя ранее, — отвечаю я. — Кто он?

— Андрей Здрок. Полагаю, он из Грузии. Весьма состоятельный финансист. Если он не глава "Магазина", то занимает высокое положение.

— Вы встречались с ним?

Басаран качает головой.

— Конечно нет. Как я уже сказал, я не знаю, существует ли он. Это имя, которое просто всплыло. Оно может ничего не значить.

Сомневаюсь в этом. Я откидываюсь на спинку стула и размышляю по этому поводу. Басаран только что соврал мне. Он не проклинал бы несуществующего человека. Теперь я знаю, что могу доверять Намику Басарану не более чем террористу, которого я прозвал Беззубым. После заката я собираюсь поближе взглянуть на "Акдабар Интерпрайзес".

Нам подали крепкий кофе (кахва) и пахвалу на десерт. В заключение Басаран предлагает мне турецкую сигару, и несколько минут мы смотрим в окно на темное озеро. Турецкий табак создает едкий и густой дым. Я стараюсь курить не в затяг.

— Мне здесь нравится, — говорит Басаран. — Закаты на озере особенно прекрасны.

— Вы родились здесь? — спрашиваю я.

— На самом деле я из деревни Догубаязит у подножия горы Арарат. Знаете такую?

— Боюсь, что нет.

— Скучное небольшое местечко. Повзрослев, я был рад покинуть ее.

— Вам удалось выстроить себе успешную жизнь.

Басаран взмахивает сигарой.

— Удача. Немного удачи и несколько удачных вложений. Вот и все. У меня нет квалификации, сделать что-то стоящее. Я хорошо управляю компанией. Полагаю, это вырабатывает дар предвидения. Проницательности, чтобы представить торговый центр в Северном Кипре. Это проект, идущий от сердца.

— Вы предвидели, когда торговый центр будет построен?

— Он практически завершен! Строительство длилось почти три года. Я ожидаю открыть двери в течение нескольких недель, но я надеюсь, торжество об окончании произойдет в ближайшие дни.

— Поздравляю.

— Спасибо.

— А что же говорит по этому поводу Республика Кипр?

Он снова взмахнул сигарой.

— Эти проклятые греческие киприоты могут хоть повеситься. Сначала они будут надоедать, но затем успокоятся. Так обстоят дела на Кипре. На какое-то время обстановка накаляется, но затем остывает. Поэтому все наготове. Самое важное: открытие торгового центра покажет миру, что турки остаются на Кипре.

Интересно, так ли спокойно согласится с этим юг. Для парня, который тратит огромное количество денег, времени, и энергии, предположительно на борьбу с терроризмом, Басаран бесспорно упрям в политике. Реза предупреждал меня об этом.

Когда официант приносит счет, Басаран выхватывает его и снова машет сигарой.

— Не возражайте. Мне будет приятно.

Он смотрит на часы и говорит:

— Увы, я вынужден завершить наш весьма интересный совместный вечер. Я желаю вам удачи с рапортом для Интерпола, мистер Фишер. Надеюсь получить копию, когда его опубликуют.

— Конечно. Большое спасибо за обед.

— Не за что.

Мы поднимаемся после того, как он оставляет стопку банкнот на столе. Желаем спокойной ночи метрдотелю и выходим на прохладный ночной воздух. Огромный телохранитель появляется из теней и становится рядом с господином. Басаран протягивает руку, и я пожимаю ее.

— Спокойной ночи, мистер Фишер. Приятной поездки.

— Благодарю. Вам, тоже.

Мне нужно пройти по удивительно оживленной главной улице, проходящей через площадь. Я ожидаю, пока с грохотом проедут пять машин, и случайно оглядываюсь на ресторан, Басаран и телохранитель по-прежнему стоят там, наблюдая за мной. Я машу им рукой, и Басаран делает также. Разворачиваюсь к дороге и вижу приближающиеся фары шестого автомобиля. Я понимаю, что успею пересечь улицу. Сойдя с тротуара, колеса машины взвизгивают, и она ускоряется ко мне.

Впервые в своей жизни я замер на месте. Даже когда это произошло, я понимаю, что не понятно, почему я не могу пошевелиться. В обычной ситуации я бы инстинктивно отреагировал и отпрыгнул в сторону, но по какой-то причине я не понимаю, почему не могу этого сделать. Я — олень на дороге, пойманный светом фар. Что-то подсказывает мне взглянуть на Басарана. Он также, кажется, замер на месте, его глаза прикованы ко мне. Почему он не двигается? Не должен ли он крикнуть: "Мистер Фишер, берегитесь!" или что-то в этом роде?

Это встряхивает мои чувства. Его реакция происходящего выводит меня из ступора. Свет фар, приблизительно на расстоянии нескольких машин, движется на меня со скоростью сто сорок километров в час. Я отпрыгиваю в сторону, падаю на руки и откатываюсь назад как раз в тот момент, когда машина проносится с ревом. Это старый "Ситроен". Я поворачиваю голову, чтобы осмотреться, машина, проехав полквартала, с визгом останавливается. Внутри я вижу силуэты трех мужчин. Намик Басаран и телохранитель по-прежнему стоят позади меня напротив ресторана.

Водитель "Ситроена" разворачивает машину и с высокой скоростью начинает ехать обратно. Парень на пассажирском сиденье высовывается из окна и наклоняется над капотом, в одной руке он держит АК-47. Я вскакиваю на ноги и бегу в поисках укрытия, но кроме витрин ничего нет. Стрелок открывает огонь, и улица превращается в боевую зону. Я падаю на землю, когда пули разрезают воздух над моей головой. Окно туристического агентства разбивается позади меня, и внутри кто-то вскрикивает.

"Ситроен" снова с визгом останавливается и готов рвануться вперед для очередного залпа. Я осознаю, что все гражданские оповещены шумом выстрелов, выглядывают из ресторанов и магазинов.

Когда стрельба началась снова, прохожие начали кричать и разбегаться. Я понимаю, что должен увести убийц подальше от пешеходов, и я совершаю безрассудство, вскакивая на ноги. Я бегу на середину дороги и встаю позади "Ситроена", который движется вдоль улицы. Кажется, они упустили меня из виду. Стоит ли мне побежать к своей машине? До нее около пятидесяти метров, она находится на противоположной стороне площади. Нет, это слишком рискованно. К тому времени, когда я доберусь до нее, они настигнут меня.

"Пажану" не выстоять против очереди из АК-47.

Стрелок указывает и что-то говорит водителю. Они заметили меня. "Ситроен" делает резкий разворот и ускоряется в моем направлении. Я бегу на противоположную сторону площади к воде. Небольшая стоянка с припаркованными семью-восемью машинами и невысокая кирпичная стена отделяет дорогу и от пристани. Как только я перелетаю через стенку, снова летят пули. Кусочки каменной стены разлетаются подобно шрапнели, и я прижимаюсь к земле. Я слышу, как машина проносится мимо, с визгом останавливается и сдает назад, сворачивая ближе к дороге.

На этот раз мои инстинкты не подводят меня. Я перекатываюсь как бревно к припаркованным машинам и ползу между пикапом "Шевроле" и "Фольксвагеном". Пассажир поливает сторону улицы, пробивая две машины десятками пуль. Ветровые стекла и фары разбиваются, взрываются покрышки. Я ползу под пикапом, а пули рикошетят в сантиметрах от моего тела. Шум оглушителен и наверняка должен привлечь местную полицию. Я надеюсь на это!

На животе я выползаю из-под передней части пикапа. Я пригибаюсь и направляюсь к докам, где пришвартованы десятки небольших лодок. Парень перестает стрелять, но слышно как открывается и закрывается дверь "Ситроена". Теперь они вышли из машины.

Я бегу к краю дока и взвешиваю свои шансы. Я могу нырнуть в воду и поплыть. Или запрыгнуть на одну из яхт справа и слева от меня, но к тому времени, пока я отвяжу и оттолкну яхту, они уже будут в лодке вместе со мной. Последним средством будет вытащить мой "Файв-Севен" из кобуры на поясице и дать бой. Из-за этого могут быть проблемы с местными властями, а мое задание весьма деликатное, чтобы вмешаться в зарубежные правовые проблемы. Мне не особо хочется провести оставшуюся часть своей жизни в турецкой тюрьме.

Стрелок появляется на другом конце дока. Он поднимает АК-47 и открывает огонь. Щепки взлетают под моими ногами, как раз в тот момент, когда я разворачиваюсь и ныряю в холодную, темную воду.

Это шок. Хвала небесам, я ношу свою униформу; иначе я бы замерз. Темно как в аду, однако я не рискую включить подсветку на ОПСАТе. Они могут меня заметить.

Пули рассекают поверхность воды, когда я плыву прочь от берега, создавая эффект замедления, который получается когда стреляют из пистолета в воду. Даже в крошечной тьме с обеих сторон я вижу следы от пуль. Одна проходит опасно близко от моего уха, и я чувствую тепло, когда та проносится мимо. Я быстро меняю направление и плыву обратно к докам, надеясь, что они меня не видят. Я отлично умею задерживать дыхание. Еще одна вещь, которой обучают уроки Крав-маги — выносливость и сопротивление боли.

У меня сильные легкие — последний раз я задерживал дыхание чуть менее четырех минут. Катя Лоунстерн подтолкнула меня достичь времени более трех минут. Нужно напомнить себе, что по возвращении в Балтимор нужно вести с ней более любезно.

Я плыву к парусникам у дока. Нашупываю днище первой лодки и плыву далее, минуя второе и третье. Мои легкие горят, и я осознаю, что нахожусь под водой не менее двух минут. Когда у меня нет сил, я осмеливаюсь вынырнуть между лодками, и отдышаться. Пока я держусь за борт одной из качающихся лодок, я слышу разговор двух мужчин на пристани. Они в конце пристани, метрах в девяти. Похоже, они спорят.

Я не понимаю язык, однако я знаю, что это турецкий. На самом деле он напоминает фарси, но я не уверен.

Парень с оружием внезапно выпускает еще одну очередь в воду, а другой кричит ему остановиться. Снова споры. Затем я слышу, как парни направляются в сторону берега, их ботинки стучат по дереву надо мной. Я опускаю голову и размещаюсь под днищем лодки и жду. Снова выстрелы в воду между лодками, но я благополучно спрятался.

Где, черт побери, полиция в этом городе? Это один из тех моментов, когда я не против вмешательства. Проходит еще одна минута, и я ощущаю давление в груди. Выстрелы прекращаются и мне нужен поток воздуха, однако я не двигаюсь. Выжидаю еще секунд тридцать, затем понимаю, что больше мне не выдержать. Я выныриваю, и как можно тише вдыхаю воздух и прислушиваюсь. Тишина. Все ушли. Возможно, они посчитали меня мертвым. Выжидаю еще три минуты, прежде чем всплыть и выбраться на пристань. Я возвращаюсь на площадь и вдалеке слышу приближающиеся звуки сирен. "Ситроен" скрылся и улица пустынна. Я бегу к "Пажану" и мокрым сажусь внутрь. Завожу машину, сдаю назад и до появления копов направляюсь в город.

Я также замечаю, что Намик Басаран и его громила больше не стоят у ресторана.

21

ПОСЛЕ полуночи я останавливаю "Пажан" на холме с видом на "Акдабар Интерпрайзес", и осматриваю место. Обильное количество прожекторов освещают территорию, и я вижу горстку охранников, патрулирующих здания. Это будет непросто.

Сперва я настраиваюсь на жучки в офисе Басарана. Тишина в ОПСАТе говорит мне, что комната пуста. Я быстро оставляю гражданскую одежду в машине, беру SC- 20К и одеваю через плечо, корректирую гарнитуру и очки, настраиваю температурный контроль на униформе и выдвигаюсь.

Добравшись до подножия холма рядом с проволочным забором, я приседаю за большим кустом, оценивая обстановку. Напротив меня, по другую сторону забора, находятся два барака, это подходящее место для проникновения. Я выжидаю, пока охранник пройдет мимо, между бараками и забором, направляясь к фронтальным воротам. Дозор, вероятно, проходит по всей этой стороне ограждения, и я прикидываю приблизительное время возвращения охранника: чуть менее десяти минут.

Прочными ножницами я разрезаю забор и отгибаю свободную секцию, чтобы пролезть внутрь. Я закрываю эту "лазейку" после себя и аккуратно соединяю обрезанные концы, забор выглядит целым, если не присматриваться.

Я быстро проскакиваю между бараками и останавливаюсь, чтобы наметить свой план нападения. Мне нужно попасть в административное здание, в частности в офис Басарана. Также мне хотелось бы проникнуть в офис "Тирмы" и посмотреть, что можно там найти. И наконец-то, огромный склад, и сталелитейный завод могут скрывать секреты. Это будет занятная ночь.

Я решаю начать с конца комплекса рядом с озером (здание "Тирмы" и офис Басарана) и двигаться в обратном направлении. Главное — оставаться в тени. В мою униформу встроены фотодатчики, которые определяют и сообщают мне степень моей освещенности.

На индикаторе ОПСАТа видно, насколько я освещен. В данный момент на тридцать два процента. Здесь весьма светло, и мои единственные укрытия — широкие тени зданий, отбрасываемые прожекторами. Проходы между зданиями освещены как будто днем.

Угловой перископ здесь очень пригодится. С его помощью я заглядываю за угол, никого нет.

Я осматриваю, столб поддерживающий прожектор, и не замечаю никаких камер. И направляюсь к нему.

Я бегу через проход и останавливаюсь у следующего здания, прижавшись спиной к стене. Затем я медленно подхожу к следующему углу и повторяю процедуру. Я насчитываю шесть

зданий до моей цели. Все идет гладко, пока я не добираюсь до пятого здания. Перископ показывает двух охранников в проходе, они курят и разговаривают. Нужно найти способ отвлечь их, я снимаю SC-20K с плеча и заряжаю диверсионную камеру. Если бы я хотел, то мог бы настроить камеру на срабатывание СГ, но мне не хочется оставлять следы, если того не требует ситуация. Главное — просто убрать охранников с пути.

Я заряжаю оружие и прицеливаюсь в здание прямо напротив меня, примерно, в пятидесяти метрах. Проверяю, правильно ли закреплен глушитель, прицеливаюсь, и нажимаю спусковой крючок. Приглушенный звук выстрела смешивается с ночным бризом и не слышен моим приятелям. Через прицел я вижу, что диверсионная камера прилипла к верхней стороне здания, немного ниже, но должно сработать. Я надеваю винтовку на плечо и нажимаю ОПСАТ, активирую отвлекающее устройство. В меню можно выбрать множество звуков, от звуков животных до записи "Рэгтайм Бэнд Александра". Я выбираю белый шум, он достаточно громкий, чтобы они услышали. Им покажется, что это перебои в громкоговорителе и пойдут проверять. Я надеюсь.

Уверен, оба охранника пойдут на звук. Они бормочут что-то друг другу, а затем идут в том направлении. Ура. Вот мой шанс. Я медленно подхожу к углу, и индикатор освещенности на ОПСАТе поднимается до опасной зоны. Я на виду. Я перебегаю к шестому зданию моего маршрута, оставаясь на свету около восьми секунд. К тому времени, как я добираюсь до места, охранники дошли до диверсионной камеры и, вероятно, удивляются что, черт возьми, это такое.

Путь свободен, я бегу через дорогу и небольшую стоянку к зданию "Тирмы". Оно сильно отличается от остальных сооружений на охраняемой территории. Двухэтажное здание "Тирмы", было спроектировано в американском колониальном стиле, которые вы увидите в окрестностях среднего класса в Новой Англии. Деревянное строение, выкрашенное в белый цвет, с двумя толстыми колоннами, напротив парадного входа. Вместо номера здания над дверью выдавлено слово "ТИРМА". Очень странно.

Я крадусь к задней части здания, где у меня меньше шансов быть замеченным. К счастью, там не освещено. Я смотрю на широкое озеро, и вдоль берега, примерно в полутора километрах, вижу пристань на городской площади. С озера доносится ледяной ветер.

Здесь есть черный вход, вероятно, используемый в качестве экстренного выхода, и несколько окон на первом этаже. Первым делом, я проверяю окна, однако они закрыты. Придется через дверь. И снова меня выручают отмычки, я могу открыть обычный ригельный замок за шесть секунд.

Я внутри здания, в комнате, которая, по всей видимости, используется для складирования ненужных вещей. Здесь груды складных стульев, используемые для больших собраний. Я вижу полки забитые канцтоварами и коробками.

Здесь также есть автомат для безалкогольных напитков. Эта комната ведет в коридор, выходящий прямо к парадному входу с другой стороны здания. Я осторожно прислушиваюсь, но ничего не слышу. Двигаюсь дальше и вижу, что коридор соединяется с огромным конференц-залом и большим телевизором, аудио/видео оборудованием и еще одной комнатой, похожей на гостиную. Вероятно, там они устраивают благотворительные вечера.

В самой большой комнате на этом этаже находятся образцы различных товаров, которые "Тирма" высылает для помощи. Я думаю, весь запас хранится в другом месте на территории кампуса, в одном из хранилищ или складов. Это медикаменты, сушеные фрукты, бутылки с водой, зерно, и одежда. Кроме того, на первом этаже есть пара современных ванных комнат, поэтому я тихо поднимаюсь по лестнице на второй этаж. Место обвешено толстыми коврами, даже на лестнице. Мои движения относительно бесшумны, и только время от времени под ковром скрипит деревянный пол.

С этим ничего не поделать.

Наверху четыре офиса. Один из них, видимо, для вспомогательного персонала — там три стола, компьютеры, картотеки, копировальный аппарат — то, что можно найти в любом офисе. Остальные три офиса служат, видимо, для администрации благотворительной организации. В одном из них я нахожу много литературы компании, напечатанной на нескольких языках — буклеты и брошюры, объясняющие цели и задачи "Тирмы". Я беру несколько; некоторые из них напечатаны на английском, некоторые на фарси, некоторые на турецком, а некоторые на арабском. Я кладу их в "Оспрей" и отправляюсь дальше.

Другие два помещения — это офисы руководителей компании. Я включаю в каждом помещении компьютеры и немного возжусь с ними. Мне не приходится вводить никаких паролей безопасности, поэтому я без проблем просматриваю файлы. Но я не нахожу ничего подозрительного даже когда ишу имена: Таригиан, Мухаммед, Мертенс и Здрок.

Во всех целях и намерениях, похоже, что "Тирма" — легальная организация. Я выбираюсь из здания через ту же дверь, что и пришел. Следующая остановка — офис Басарана, внутри здания за несколькими дверями. Это будет немного сложнее. Здание хорошо освещено, и я уверен уровень безопасности на порядок выше. Внутри могут быть люди. Я стою позади и бросаюсь к следующему строению (кафе для сотрудников), и так до тех пор, пока я не вижу главное административное здание, где ранее я встречался с Басараном. Позади нет охранников, но я знаю, что, по крайней мере, один патрулирует парадный вход.

Черный вход оснащен кодовым замком. Держу пари, по всему зданию используется один и тот же код, поэтому я нажимаю ОПСАТ, выводя кодовую последовательность, записанную ранее. Я нажимаю кнопки 8, 6, 0, 2, 5 и дверь открывается. Мне известно, что по всему зданию

установлены видеокамеры, поэтому я приоткрываю дверь и просовываю угловой перископ, заглядывая внутрь. Уверен, что там есть камера, направленная на дверь.

Если бы я захотел, то мог выстрелить в нее из "Файв-Севен", однако оставит след, что в здании кто-то был. Я предпочел бы пойти иным путем. Похоже, это модель стандартной камеры с непрерывной записью, но только, если в комнате достаточно освещения. У двери должен быть выключатель, я ворочаю перископом, и замечаю его, затем быстро тянусь рукой и щелкаю свет. Я вхожу в комнату и закрываю дверь. При помощи ночного видения я отлично вижу, а камера записывает только темноту.

Я выхожу из комнаты и смотрю через арочный проход в вестибюль, который хорошо освещен.

Стеклянные окна выходят на лицевую сторону здания, и я замечаю охранника, стоящего спиной ко мне и смотрящего на небольшую стоянку. Он тепло одет, курит сигарету, и вероятно, ненавидит каждую минуту своего назначения. Я осматриваю потолок, стены и углы на наличие камер и замечаю одну, направленную непосредственно на парадный вход. Я легко пройду мимо нее, потому что я уже в здании. Пока охранник не видит, я пересекаю вестибюль через двойные деревянные двери и направляюсь в главный офис администратора. Хвала небесам, свет везде выключен.

Я подхожу к кодовой панели, вбиваю тот же код, и вхожу в прихожую, ведущую в офис Басарана. Здесь горит свет, и я не вижу где выключить. Я знаю, что в верхнем углу есть еще одна камера, поэтому я снова использую перископ. Это камера с датчиком движения, которая вращается по широкой дуге. Центр дуги — офис Басарана. На этой двери нет кодового замка, должно быть, они полагают, что как только вы прошли стойку администратора, вы можете бродить где вам угодно.

Нужно отвлечь камеру. Я вытаскиваю глушитель камер из "Оспрея" и включаю его.

Прибор слегка дрожит, а значит, он работает (конечно же, мне не видны СВЧ импульсы) и делает он это лучше, когда вы двигаетесь. Я ставлю глушитель перед собой, сворачиваю за угол и быстро двигаюсь вдоль зала. Я слышу движение линз камеры в попытке сфокусироваться из-за помех. Открываю дверь Басарана и проскальзываю в офис, как только камера восстанавливают функциональность.

Верхний свет выключен, но осталось освещение за баром, на столе и возле двери. Шторы прикрывают большое окно с видом на озеро, к счастью они были закрыты.

Сперва я осматриваю стол и его содержимое. В ящиках стола нет ничего интересного — просто набор личных вещей, кредитные карточки, номера телефонов сотрудников и другие бумаги, связанные с компанией. Тут также лежит эспандер, и резиновый мячик, которые сжимал Басаран, когда мы с ним впервые встретились. Я загружаю компьютер и вижу, что он

запрашивает пароль. Был бы у меня опыт Карлы Сент-Джон. Я сообщил Ламберту, что буду тут ночью, но Карли не уведомили, чтобы она взломала сервера "Акдабар". Тут уж я ничего не могу поделать.

Я выключаю компьютер, а затем замечаю на столе фотографию в рамке. На ней женщина в чадре с двумя девочками, которым на вид примерно шесть-восемь лет. Семья Басарана? Дело в том, что они вовсе не похожи на турок. Большинство турецких женщин, даже очень религиозных, не носят чадру так, как делают это в Ираке или Иране. Я быстро делаю копию фотографии и сохраняю ее в ОПСАТе, а затем перехожу к шкафу.

Отмычки легко открывают ящики, и я снова нахожу документы, касающиеся "Акдабар Интерпрайзес": записи работников, бухгалтерские книги и другие скучные вещи. Однако в одном из ящиков содержатся файлы с пометкой "Кипр". Я вытаскиваю и пролистываю их. Вижу записи о торговом центре, который строит Басаран: отчеты по расходам, расписания, пресс-релизы и докладные компаний. Здание расположено возле города Фамагуста, морского порта, который после столицы Никосии является, пожалуй, наиболее стратегическим городским центром Северного Кипра.

В конце ящика лежит папка с документами, завязанная веревочкой. Я ее вытаскиваю, развязываю и открываю. Она заполнена копиями чертежей, уменьшенных в размерах. На них изображены части какой-то машины — ее основание занимает несколько чертежей, двигатель показан с нескольких сторон, и нечто напоминающее цилиндрические части, соединенные между собой. Будь я проклят, если это не оружие.

На каждой странице указано имя разработчика: "Альберт Мертенс". Конечно же, это профессор Мертенс, которого я встретил днем ранее. На всякий случай делаю снимки чертежей.

Я складываю все обратно и подхожу к двери. Проклятый глушитель камер использует столько энергии, что в основном используется только раз, затем его нужно заряжать. Я не рискую снова его использовать, как же мне выйти незамеченным? Поразмыслив, я кое-что придумал. Я возвращаюсь обратно к столу Басарана, открываю ящик, и вытаскиваю резиновый мячик. Возвращаюсь к двери, приоткрываю ее и качу мячик в противоположном направлении от нужного мне места.

Камера жужжит и следует за мячиком, тем временем я выскальзываю и закрываю за собой дверь. Как мячик оказался в зале останется загадкой.

Вернуться обратно в вестибюль не составляет труда. Я замечаю, что охранника уже нет на месте. Быстро перебегаю коридор, ведущий к черному входу. Свет по-прежнему выключен, так что все в порядке. Я осторожно открываю дверь, выглядываю наружу и покидаю здание.

Полагаю, все прошло не так сложно, как я думал.

Теперь, вилля по всему комплексу, нужно возвращаться и взглянуть внутрь сталелитейного завода/склада. Я иду тем же путем, переходя от здания к зданию, избегая света прожекторов, и, в конце концов, добираюсь до гаража напротив внутреннего двора в центре комплекса. Здесь светло и я вижу двух охранников, лениво стоящих у флагштоков. Кроме этого, флагштоки увенчаны камерами. Огромное здание находится по другую сторону. Я мог бы обойти двор, здание за зданием, но это повысит шансы быть замеченным. Пока я размышляю над проблемой, я слышу звук приближающегося транспорта. Похоже, машина въехала через главные ворота и направляется к внутреннему двору. Скрытый тенью, я лежу в траве у гаража, машина останавливается и водитель говорит с одним из охранников.

Это "Ситроен", та самая машина, что преследовала меня ранее! Внутри по-прежнему трое мужчин. Сукин сын. Еще одно доказательство, что Басаран каким-то образом причастен к инциденту на городской площади. Не удивительно, что он бездействовал. Дерьмо, меня разоблачили? Ему известно кто я? И главный вопрос — почему? Ведь Басаран должен быть на нашей стороне, не так ли?

Возможно, я делаю поспешные выводы. Насколько мне известно, эти парни могли действовать независимо от Басарана. Может быть, у него в организации есть враги. Это возможно. Тогда происходит что-то странное. Два охранника садятся в "Ситроен" и едут в сторону аэродрома в дальнем конце комплекса. Внутренний двор пуст. Но это все еще не решает проблему, как перебраться на другую сторону и не быть замеченным камерами. Может выстрелить в них?

Ответ приходит в тот момент, когда я смотрю влево и вижу гараж для трехколесных картов, машин для гольфа, на которых ездят охранники. Я бегу к гаражу и сажусь в машину. Ключи не нужны, потому что она ездит от электричества. Над сиденьем водителя отличный навес, поэтому если я пригнусь и наклоню голову, я абсолютно уверен, на видео камер наблюдения я буду похож всего лишь на обычного охранника. Я решаю рискнуть.

Машина заводится, и я еду во внутренний двор. Я слышу, как перемещаются камеры, когда замечают меня, но я об этом не волнуюсь. Я еду на небольшой скорости, как будто я обычный ленивый охранник, совершающий объезд.

Проезжаю наискосок, выхожу из машины и осматриваю огромное здание. Главный вход для работников и грузовые ворота закрыты, заперты и освещены прожекторами. В дальней стороне под открытым окном стоит мусорный бак. Я взбираюсь на него и заглядываю внутрь.

По большей части в помещении темно. Кое-где горит свет, и это довольно-таки огромное помещение. Я пролезаю в окно и приземлюсь на руки и ноги подобно кошке. Ламберт как-то сказал мне, что из меня бы вышел отличный вор-форточник. Я позволил ему думать, что, возможно, я когда-то им был.

Это обычный сталелитейный завод. Здесь огромная печь, конвейер, верстаки, автопогрузчики и все остальное, сопутствующее легальному строительному заводу. Изучая место, я начинаю понимать, что теряю здесь время. Здесь нет ничего необычного. Я уже собрался сдаться и убраться к чертовой матери, когда сворачиваю за угол и вижу охранника, сидящего на стуле перед массивной стальной дверью на роликах. Он держит АК-47 и смотрит прямо, вероятно, считает минуты до окончания смены. Интересно, что он охраняет.

На этот раз я решаю действовать агрессивно. Заряжаю SC-20K аэродинамическим кольцом, целюсь парню в голову и открываю огонь.

Бах и охранник сползает бессознания. Я подбегаю к нему, подбираю кольцо и кладу обратно в "Оспрей". Он так и не узнает, что с ним случится, но когда проснется, у него будет огромная шишка на голове.

Я отпираю и сдвигаю огромную дверь. Это кладовая с десятками ящиков и коробок. Я вхожу внутрь и... в яблочко. Я узнаю на ящиках тот же штамп, как и в "Контейнерной компании Тебриза". Верным боевым ножом я открываю крышку с ящика. Оружие. Автоматы АК-47. Открываю другой ящик — "Хакимы". Взрывчатка. Материалы для изготовления бомб. Пистолеты. Снова автоматы. Боеприпасы.

Что же, черт возьми, "Акдабар Интерпрайзес" делает с огромной кучей оружия?

Я продолжаю осматривать контейнеры, закрывая их по мере осмотра, и, в конце концов, нахожу накладную, все еще прибитую к одному из ящиков. Адрес отправителя — Баку, Азербайджан. Я делаю заметку об этом в ОПСАТе и решаю, что уже увидел достаточно. Делаю несколько снимков и покидаю кладовую. Я задвигаю и закрываю дверь. Охранник по-прежнему в мире грез.

Возвращаясь обратно к окну, через которое влез, и слышу ржавый скрип открывающейся двери. Это главный служебный вход. Я спешу покинуть помещение, однако ничего не выйдет, кто бы это ни был, он заметит меня, если я продолжу двигаться этим путем. Я слышу звук шагов одного человека, неторопливо направляющихся в мою сторону, и я просто скользнул за колонну и замер. Человек находит бессознательного охранника и ворчит. Мне кажется это знакомым, и я выглядываю из-за колонны.

Пришедший оказался ни кем иным, а Фаридом, здоровенный телохранитель Басарана. Нужно убираться отсюда, пока громила не включил тревогу. Я осматриваю маршрут побега, и мне остается лишь подняться на высокую ленту конвейерного механизма и ухватиться за трубу, которая проходит на высоте двенадцати-пятнадцати метров по всей длине завода. Пока Фарид склоняется над охранником и приводит его к жизни, я бегу наискосок, поднимаюсь на основание механизма, использую ряды кривошипов как рычаг, и взбираюсь подобно обезьяне.

Машина напоминает гигантский, старого типа музыкальный автомат с конвейерной лентой, выходящей из "рта". Лезть нелегко, особенно у самого верха округлой формы. После двух попыток мне удалось ухватиться за перила на вершине машины и подтянуться. Сорваться означает катастрофу, поэтому я останавливаюсь, перевожу дыхание и сосредотачиваюсь. Я смотрю вниз и вижу Фарида, стоящего у охранника, который теперь сидит и потирает голову. Не время проигрывать. Я могу легко достать до трубы, хватаю ее и начинаю лезть, перебираю руками, мое тело болтается опасно высоко над полом.

Бах!

Снизу послышался выстрел. Дерьмо, Фарид заметил меня. Я продолжаю лезть по трубе, а парень стрелять в меня из пистолета. Слава Богу, он плохой стрелок. Пальба прекращается, когда я достиг стены, месту, где можно спуститься. Он понял, что может встретить меня там, и, конечно же, уже стоит подо мной.

Надеюсь, он не узнает меня в очках. К тому же, я достаточно высоко. Я слышу, как он что-то бормочет, побуждая меня слезть. Он ожидает, что я спущусь и приму наказание как мужчина. Как же мне поступить? Я отпускаю трубу и падаю почти с пятнадцати метров прямо ему на голову.

Мы оба приземляемся на жесткий пол, и я чувствую резкую боль в плече, ударяясь о бетон. Хорошо, что Фарид такой здоровый; иначе мне было бы куда хуже. Он стал хорошей подушкой. Я быстро вскакиваю на ноги, готовый к атаке, однако вижу, как телохранитель растянулся лицом вниз и не шевелится. Его рука согнута под неестественным углом за спиной, очевидно сломана.

Изящно.

Избавит меня от проблемы убивать его. Прежде, чем успевает подбежать другой охранник, я быстро бегу к месту проникновения, взбираюсь на ящики, чтобы достать до окна и протискиваюсь в него.

Выбравшись наружу, я сажусь в трехколесник и объезжаю здание, направляясь через внутренний двор к месту проникновения. Вокруг ни души. Спустя восемь минут я останавливаю машину у забора, придерживаясь теней, нахожу прорезь, открываю лазейку и протискиваясь в дыру.

Проклятье, плечо болит. Должно быть, растяжение, но не серьезное. В свое время я получал куда более серьезные травмы, а это — ерунда.

Когда я отхожу от комплекса и сажусь в "Пажан". Я посылаю Ламберту сообщение:

СРОЧНО — УЗНАТЬ ВСЕ О НАМИКЕ БАСАРАНЕ, АЛЬБЕРТЕ МЕРТЕНСЕ, И АНДРЕЕ ЗДРОКЕ.

Подполковник Питлоу устал. Он следил за допросом заключенных почти двадцать четыре часа. После скандала о "плохом отношении с иракскими заключенными", потрясшего мир несколько месяцев назад, правительство США стало слишком осторожно относиться к допросам. В результате, они стали вопросом времени. Большого количества времени.

Заключенный, заинтересовавший Питлоу, конечно же, был Беззубым, настоящее имя которого было Али Аль-Шеяб. Питлоу предпочитал называть его Беззубым.

Хотя поначалу никто этого не понял, но при поимке Беззубый был ранен. Он получил пулю в бок, но она не задела важных органов. Пуля прошла навылет, оставляя окровавленную рану, которую не заметили, пока не зарегистрировали Беззубого и не поместили в огражденный загон для заключенных. Затем мужчина потерял сознание, и его забрали подлатать в военно-полевой госпиталь. Доктора увидели, что заключенного лихорадит, и обнаружили тяжелый случай пневмонии. Таковы опасности в жизни кочевника нестабильной страны.

Питлоу считал, что состояние Беззубого может сыграть на руку. Парень был под воздействием обезболивающих, и возможно, чувствовал себя более комфортно, чем за последние месяцы. Вооруженный новыми указаниями от Центрального командования: установить отдельные личности, Питлоу решил дать шанс Беззубому, прежде чем отправиться спать.

Госпиталь был размещен в оснащенном кондиционерами передвижном здании с чистой проточной водой. Со времен Вьетнама многие вещи эволюционировали, в то время военный госпиталь, как и сами джунгли, был полон смертоносных микробов. В зависимости от серьезности ран, пострадавший солдат или пленник мог найти пребывание в госпитале более приятным.

Питлоу это понимал, когда входил со своим переводчиком. Он заполнил необходимые бумаги и попросил дежурного сержанта оставить их наедине. После осмотра доктора, вокруг кровати Беззубого был установлен складной экран, Питлоу и переводчик сели рядом.

— Мистер Шеяб, вы узнаете меня? — спросил Питлоу.

Переводчик переводил разговор мужчин.

Беззубый оскалился и кивнул. Они не зря его прозвали так.

— Я хотел бы задать вам несколько вопросов. Вы поговорите со мной?

Беззубый улыбнулся еще шире и покачал головой.

— Почему нет?

Беззубый выругался на непонятном Питлоу языке. Это не был арабский. Может фарси? Переводчик оставил слова пленника воображению Питлоу.

— Но, мистер Аль-Шеяб, мы спасли вам жизнь. Вы бы погибли. У вас была пневмония. Вы были ранены. Разве вам не комфортно в данный момент?

Беззубый пожал плечами.

— Полагаю, что вам уже лучше, и мы можем переместить вас в зону ожидания заключенных, — сказал Питлоу.

Глаза Беззубого расширились, и он потряс головой.

— Почему нет? Похоже, что вы поправляетесь. Я думаю, доктор может выписать вас, чтобы мы допросили вас как подобает.

— Нет, — сказал заключенный. — Что вам нужно? Пожалуйста, я ужасно себя чувствую и мне очень больно. Не переводите меня.

Питлоу почти смеялся.

— Хорошо. Я хочу, чтобы вы взглянули на несколько фотографий. Я прошу вас опознать несколько личностей, вы сможете это?

Заключенный, почти рыча, уставился на Питлоу. Но не отказался.

Питлоу подался вперед. Он открыл папку с несколькими черно-белыми фотографиями нескольких арабских мужчин.

— Имя Ахмед Мухаммед вам что-нибудь говорит?

Беззубый снова оскалился.

— Я так понимаю, Ахмед Мухаммед один из лидеров вашей организации, верно?

Беззубый робко пожал плечами. Питлоу воспринял это как "да".

— Что насчет Насира Таригиана? — спросил Питлоу. — Вы его знаете?

В этот раз глаза Беззубого расширились, и он перестал улыбаться. Он потряс головой.

— Правда, что Насир Таригиан финансирует "Тени"?

Беззубый отказывался отвечать.

— Вы знаете его, не так ли? Насира Таригиана? Ну, нам известно, Таригиан — финансовый лидер вашей группы, которая называется "Тени". При аресте вы признались, что являетесь одним из членов "Теней".

Беззубый говорил монотонно.

— Я горд быть частью "Теней". Мы освободим Ближний Восток от гнета Запада и вернем ему исламские корни.

Он сказал это так, как будто повторял мантру.

— Мистер Аль-Шеяб, я не верю, что вы состоите в "Тенях", — сказал Питлоу.

Глаза Беззубого стали свирепыми. Ему не нравилось, когда его называли лжецом.

— Что вы имеете в виду? — спросил он.

— Я всего лишь говорю, что вам не известно, является ли Таригиан вашим лидером, или нет. А значит, вы не состоите в "Тенях".

— Я из "Теней"! Я горжусь этим! Мы освободим Ближний Восток от гнета Запада и вернем ему исламские корни!

Питлоу показал заключенному первое фото.

— Вы говорите, что этот человек не Насир Таригиан?

Беззубый хмуро глянул на фото и сказал:

— Это не он! Вы не понимаете, о чем говорите.

Питлоу сменил изображение.

— Мы полагаем, что это Таригиан. А вы?

— Нет! Вы, тупые американцы, даже не узнаете великого человека, когда увидите его. Это Ахмед Мухаммед.

Питлоу это знал. Лицо Мухаммеда было хорошо известно властям.

Следующее изображение.

— Тогда, полагаю, и это не Таригиан.

— Это не он.

Они прошли по семи фотографиям с негативными ответами. На восьмом снимке Питлоу спросил:

— Ну что же, мы считаем это не он.

Беззубый поднял вверх руку. На лице заключенного проступило видимое изменение, как будто он смотрел на своего Повелителя или Спасителя.

— Насир Таригиан, — почтительно прошептал он.

Питлоу кивнул и пометил обратную сторону фотографии.

— Благодарю вас, мистер Аль-Шеяб. Отдыхайте, хорошо? — сказал Питлоу.

Беззубый в смятении глянул на Питлоу. Он знал, что его обманом заставили что-то сказать, воспользовавшись его помутненным разумом. Он снова выругался на Питлоу и переводчика, когда оба мужчины поднялись и вышли. Заключенный прокричал им:

— Я из "Теней"! Я горжусь этим! Мы освободим Ближний Восток от гнета Запада и вернем ему исламские корни!

Питлоу быстро вышел из госпиталя и побежал к казармам. Ему, как можно скорее, нужно было отправить информацию в Вашингтон.

* * *

Живот Сары пробурчал в шестой раз с того момента, как она принялась считать звуки. Ей было все равно. Она твердо решила голодать. Несмотря на то, как голодна и обессилена она стала, Сара решила ничего не есть. Похитители были терпимы. Один из них приносил еду на завтрак, обед и ужин, и пока они не придавали этому значения, Сара голодала. Черт с ними. Если они считают ее важной заложницей, значит, мертвой она не будет стоить ни гроша.

В основном приходили ужасные русские. Они сказали, что их зовут Влад и Юрий, вероятно имена выдуманы, зачем еще говорить ей настоящие? Разве только они задумали убить ее, как только получат желаемое. Именно эта причина побудила Сару объявить голодовку.

Она пробыла в маленькой комнате две ночи, и начинался ее третий день. Однажды она попросила выйти на улицу, подышать свежим воздухом. Но ей не отказали. Теперь в комнате стоял запах пота. В ванной воняло канализацией. Она ежедневно принимала душ только ради того, чтобы чувствовать лучше, однако последние полдня были не легкими. Она стала ощущать последствия недоедания.

Все, что ей хотелось, это лечь на койку и уснуть.

Сара дремала, мечтая об азиатском ресторане барбекю в Эванстоне, в котором она с Ривкой часто бывала, и ее рот наполнился слюной. Живот снова забурчал, и она заставила себя не думать об этом. Это было нелегко. Она скучала по дому. Сара больше всего на свете хотела покинуть Израиль.

Звук ключа в двери испугал ее. И всегда пугал. В помещении стояла гробовая тишина, пока не начинал греметь этот проклятый ключ.

Открылась дверь и она увидела лицо Влада.

— Уходи, — сказала она.

— Я принес завтрак, — ответил он.

Он вошел с подносом. Тарелка была накрыта, и она не видела что там. Пахло вареным, и от этого ее защита едва выдержала.

Влад поставил поднос на пол и сел на стул.

— Тебе лучше поесть, принцесса. Нам надоедает твоё поведение.

— Отправляйся в ад, — пробормотала она.

Влад усмехнулся.

— В тебе есть дух, а, принцесса? Даже спустя столько часов голодовки? Сколько уже, два дня? Это пустяк. Знаешь, что будешь чувствовать через неделю? Я и Юрий, мы поспорили, сколько ты продержишься. Он говорит, что ты будешь есть завтра. Но мне кажется, что у тебя есть сила воли, и ты продержишься еще пару дней. Как считаешь? Выиграет Юрий или я?

— Бери поднос и уходи. Я не буду есть, — говорит она.

— Знаешь что, принцесса, я считаю, тебе нужно немного воодушевления, — говорит Влад.

Он придвинул стул ближе к койке.

Она с опаской глянула на него и отпрянула.

— Ну-ну, — сказал он. — Не бойся Влада. Я не обижу тебя. Я сделаю тебе очень приятно. У меня есть подход к дамам. Они все так говорят.

Он протянул руку и погладил ее волосы.

— Убери свои чертовы руки! — она сплюнула, рванулась вверх и в сторону от него.

Это разозлило Влада.

— Маленькая сучка! — заорал он.

Он схватил ее за плечи и швырнул обратно на койку. Сара боролась с ним, но он лег своим тяжелым телом сверху. Она почувствовала щекой его колючее, небритое лицо, когда он нюхал ее шею. Сара пыталась обиваться, но ей было не сравниться с весом и размерами Влада. Когда Сара почувствовала его влажный язык на своем ухе, она сорвалась.

— Нет, — закричала она. — Помогите!

Влад прикрыл мощной рукой ей рот.

— Заткнись! — скомандовал он. — В этот раз ты научишься подчиняться своим хозяевам!

Она почувствовала, как другая его рука трогала ее между ног, и Сара тщетно пыталась оттолкнуть его.

Боже мой, подумала она про себя.

Это произойдет. Все сводится к этому. Она зажмурилась и приготовилась к предстоящим мукам.

— Что, мать вашу, здесь творится?

Это был злобный голос у двери.

Внезапно ужасный, тяжелый вес сошел, и она снова смогла дышать. Она поняла, что в комнате происходит борьба.

Это был Элай. Он вошел и оттащил Влада. Тот наступил на поднос и опрокинул содержимое на пол. Теперь оба мужчины дрались. Влад замахнулся на Элая, однако молодой парень был быстр и ловок. Он увернулся и незаметно нанес удар, попадая Владу в нос.

— Чертов ублюдок! — сказал Влад.

Он вытер лицо и смазал кровь с верхней губы.

— Я убью тебя!

Открылась дверь, и вошел Юрий.

— Прекратите! — выкрикнул он. — Остановитесь немедленно!

Он вытащил свой "Хеклер и Кох" и направил на Влада.

— Отойди, Влад! Немедленно!

Элай и Влад остановились и опустили кулаки. Одежда обоих была в овсянке. На полу был беспорядок.

Влад укоризненно глянул на напарника.

— Я собирался немного поразвлечься. Я схожу здесь с ума. Обычно мы этим не занимаемся — охраной заложников. Тебе известно об этом.

Юрий, продолжая целиться, сказал:

— Мы делаем, что нам говорят, потому нам хорошо платят. Не забывай об этом.

Он взглянул на Элая.

— А ты, не смей снова нападать на него. Если он плохо себя ведет, что иногда случается, ты идешь и говоришь мне.

Элай не двигался, тяжело дыша.

— Держи его подальше от нее, — сказал Элай.

Юрий убрал пистолет и направил на Элая.

VP70 выглядел огромным в его руке.

— Не приказывай мне, — сказал он. — Никогда.

— Ладно, — сказал Элай.

Какое-то мгновение мужчины смотрели друг на друга, а затем Юрий сказал:

— Останься и прибери здесь. Пошли, Влад. Уходим отсюда.

Влад усмехнулся и покинул комнату. Юрий не сводя глаз с Элая, последовал за напарником. Дверь захлопнулась.

Элай повернулся к Саре, подошел к койке и присел рядом.

— Мне жаль за это, — сказал он.

Сара развернулась и дала ему пощечину.

— Убирайся отсюда и прихвати с собой поднос, — сказала она.

Элай поднялся, потирая лицо.

— Полагаю, я заслужил это. Я должен прибраться здесь.

— Оставь, мне насрать, если моя комната — свинарник. Она им была до того, как был рассыпан завтрак, — сказала она.

— Послушай, Сара, — ответил Элай. — Ты делаешь себе хуже. Ты же знаешь, я не должен быть с тобой вежлив.

— О, правда? Не должен быть вежлив? Тогда не нужно было похищать меня!

— Проклятье, Сара, все, что нам нужно — добраться до твоего отца. Я знаю, ты можешь связаться с ним. Если не скажешь, будешь страдать. Этого мне не остановить. У Влада свои методы. Гарантирую, я не смогу этому помешать. И Юрий, если он примется за тебя, будет

больно. Эти парни — эксперты, Сара. Пока что у них не было приказов причинять тебе боль, но если они поступят, парни не будут колебаться. Теперь скажи мне, твой отец на Ближнем Востоке?

Сара сложила на груди, все еще трясущиеся от случившегося, руки. Слова Элая пугали ее, и она не была уверена как ей поступить.

— Сара. Скажи мне. Он на Ближнем Востоке? У нас есть все основания полагать, что сейчас он в Турции.

Сара поднесла колени к подбородку и уткнулась лицом. Слезы потекли ручьем.

— Понятно, — сказал Элай. — Упряма до конца. Ладно. Ну, тогда подумай еще об этом. О, кстати, я принес тебе почитать. Возможно, это поможет тебе решиться.

Он полез в задний карман и вытащил скрученную газету. Бросил ее на койку, поднял поднос и тарелки, собрал разбросанную овсянку с пола и вышел из комнаты.

Услышав звук запираемой двери, Сара взглянула на газету и обнаружила, что она на английском языке и на первой полосе фото Ривки. Сара подняла газету и уставилась на заголовок, сердце заколотилось от ужаса.

"В ВОСТОЧНОМ ИЕРУСАЛИМЕ НАЙДЕНА МЕРТВАЯ ИЗРАИЛЬТЯНКА"

В статье говорилось о том, как двадцатилетняя девушка была найдена удушенной, ее тело было обнаружено в переулке на куче мусора. В убийстве полицейские подозревают палестинских боевиков, расследование продолжается.

В конце страницы размещалось фото Сары и Ривки. Сара видела снимок недель ранее в квартире родителей Ривки. Подпись гласила:

"ПРОПАВШАЯ АМЕРИКАНСКАЯ ДЕВУШКА В ПОСЛЕДНИЙ РАЗ БЫЛА ЗАМЕЧЕНА С УБИТОЙ ИЗРАИЛЬТЯНКОЙ"

Кавказские горы. Вы верите в то, что советская элита думала об этих маленьких республиках (Грузии, Армении и Азербайджане) как о райском уголке? Здесь есть все: солнечные пляжи, заснеженные горы, роскошные сады и лучшие вина Восточной Европы. Или это Азия? Трудно сказать. Кажется, в регионе соединились Азия и Европа, смешав культурные элементы обоих континентов. Теперь, когда Советского Союза больше нет, и эти страны стали более или менее независимыми, мы только и слышим об этнических конфликтах, досаждающих региону. Но у меня здесь никогда не было проблем. На самом деле, мне здесь почти что нравится.

Я еду из Турции на "Пажане", который начинает меня беспокоить. Двигатель то и дело кашляет. Надеюсь, он выдержит дорогу до Баку. Горные дороги считаются очень жесткими, даже для больших транспортных средств.

Я направляюсь на север и въезжаю в Армению западнее Еревана. На границе у меня не возникает проблем. Документы Интерпола и тот факт, что здешние места гораздо менее подозрительны, чем страны, которые я посетил в этом задании, пропускают меня. Я должен пересечь горы к северу от озера Севан, чтобы попасть на более ровную дорогу, идущую в восточном направлении в Азербайджан. Расстояние невелико, однако неровный характер путешествия растягивает сроки. Мне нужно всего лишь расслабиться и наслаждаться великолепным пейзажем.

Я достигаю пункта назначения после наступления ночи. Баку или Бақы, в зависимости от того с кем вы говорите — самый крупный город на Кавказе. В Америке говорят, что Чикаго — "ветренный город", но его не сравнить с Баку. На самом деле, название Баку происходит от персидских слов, которые означают "город ветров".

Расположенный высоко на берегу Каспийского моря, Баку нередко подвержен сильным штормам. Еще одной отличительной особенностью Баку является то, что город окружен газовыми и огнеопасными нефтяными месторождениями. Поскольку нефть — главный товар страны, то Баку преимущественно индустриальный город, работающий на переработке огромного количества нефти. Потрясает тот факт, что здесь есть участки земли, которые буквально горят, поскольку газ вырывается из грунта. Поэтому Баку иногда называют "огненной землей". Во времена греков, множество мифов этой местности выросли из-за необычных природных особенностей.

Этот город не очень привлекательный. Я считаю, что город очень загрязнен, особенно окраины, полагаю, это наследие бывшей советской власти. Внутренняя часть города и гавань

недавно были застроены для привлечения туристов. Город старается быть весьма космополитическим, при этом оставаясь более консервативным, чем, скажем, Стамбул.

Если бы я захотел, то смог бы остановиться в четырехзвездочном отеле, но это не в моем стиле. Я предпочитаю бюджетные места, где никто не обращает внимания на гостей. Одно из таких мест расположено на борту бывшего каспийского парома, находящегося на постоянном причале возле отделения порта, в районе, известном как Центр города. Это место — настоящая свалка, но в кабинках есть горячая вода и отличная конфиденциальность.

Я не планирую оставаться надолго.

Приятно выспавшись, я встречаю утро бодрым и готовым к работе. Завтракаю хлебом с медом и йогуртом в чайном домике возле так называемого отеля, а затем иду через Центр города по адресу, который я нашел в манифесте кладовой "Акдабара". Оружие определенно пришло из Азербайджана, и каким бы бизнесом не занимались этому по адресу, с этим нужно разобраться.

Оказывается, что это банк, расположенный недалеко от площади Фонтанов — людное место в Баку. Повезло, что фонтаны сегодня работают, поэтому террасы кафе суетливы и оживлены. Поскольку я одет в гражданский спортивный пиджак и брюки, я легко смешиваюсь с толпой. Никто не замечает небрежно одетого бизнесмена, входящего в Швейцарско-русский международный торговый банк, кроме охранника у парадного входа.

Он стоит снаружи как будто консьерж отеля, в ожидании указа поймать такси для постоянных клиентов. Я замечаю у двери сканер сетчатки глаза, который сделает мой проход в нерабочее время более сложным. Мне нужно об этом подумать.

Когда я открываю дверь, охранник кивает мне и что-то спрашивает на азербайджанском. Я улыбаюсь, указываю на справочный стол и захожу внутрь. Это довольно небольшой банковский вестибюль с двумя кассовыми окнами и двумя столами. Решетчатые ворота ведут в зону за стеной, за которой, предполагаю, находятся подсобные помещения, хранилище и, возможно, депозитные ячейки. Я направляюсь к столу с банковской литературой, беру брошюру и притворяюсь, что изучаю ее, при этом осматриваю помещение. В верхних углах две видеокамеры, зона обзора которых охватывает весь вестибюль. Я смотрю в окошко касс (только одна занята) и вижу красивую тридцатилетнюю азербайджанскую девушку, пересчитывающую манат, официальную валюту.

Комнат не так уж и много, поэтому я полагаю, что все хорошие вещички в банке хранятся за решетчатыми воротами.

Пока я осматриваю помещение, с улицы входит мужчина, останавливается и что-то шепчет охраннику, а затем направляется к кассам. Я признаю в нем человека на фото с Намиком

Басараном из папки Рика Бентона. Он одет в безупречный дорогой костюм и ведет себя как король. Кажется, это управляющий банка.

Какое-то время он разговаривает с кассиром и направляется к воротам. Отпирает их своей связкой ключей, входит, закрывает и запирает за собой ворота, а затем исчезает. Он даже не глянул на меня.

Забавно, как все маленькие кусочки становятся на свои места. Кем бы ни был этот парень, очевидно, он весьма общителен с Басараном. На фото они выглядят как старые приятели, которые получают удовольствие от длительных деловых отношений. Конечно же, парень может быть просто банкиром Басарана. Многое предстоит выяснить.

Я беру несколько брошюр и покидаю вестибюль. Проходя мимо охранника, я не смотрю на него, вместо этого изучаю брошюру, будто бы решаю: пользоваться или нет банковскими услугами. Он говорит что-то, что звучит как "Удачного дня, сэр", и я, не глядя, утвердительно ворчу.

Я иду на юг в так называемый Старый город. Это небольшой лабиринт переулков, который, вероятно, должен быть весьма впечатляющим, чем на первый взгляд. Здесь разбросано несколько интересных средневековых памятников, но в основном он состоит из сооружений времен нефтяного бума девятнадцатого столетия и многоквартирных зданий Советской эпохи. Я нахожу на пристани ресторан со столиками на улице, специализирующийся на приготовлении барбекю. Официант приносит мне обычную азербайджанскую еду: жареный цыпленок и кебаб (маринованный шашлык из ягненка). Я считаю, что "фаст-фуд" в этом городе лучше, чем меню в ресторанах.

Покончив с едой, я иду вдоль пристани и связываюсь через имплант с Ламбертом.

— Полковник, не спишь? — спрашиваю я. — Полковник?

Он отвечает через двадцать секунд.

— Сэм?

— Это я, полковник. Проснулся?

— Хм, да, все в порядке. Мы давно выходили на связь. Ты в безопасном месте?

— Я иду вдоль пристани в Баку. Вокруг никого. Я думал, может, у вас есть новости, потому что у меня есть.

— Есть, — отвечает Ламберт. — Однако давай ты первый.

— Тебе известно, что я нашел адрес в ящиках с оружием в "Акдабар Интерпрайзес"?

— Да?

— Это банк. Швейцарско-русский международный торговый банк. Прямо на площади Фонтанов в Баку.

Я слышу, как Ламберт усмехается.

— Что тебя рассмешило? — спрашиваю я.

— Вот это совпадение. Мы проделали трудную работу, собирая информацию на тех людей, что ты запрашивал. Секунду, позволь мне достать портативный передатчик...

Я ожидаю несколько секунд. Он, вероятно, встает с кровати и идет в свой офис. Спустя мгновение я снова слышу его голос в своем ухе.

— Загружаю фотографию. Взгляни.

Через секунду мой ОПСАТ показывает фото парня, которого я видел в банке. Он же был на снимке с Намиком Басараном.

— Попался, — говорю я.

— Это Андрей Здрок.

— Серьезно?

— Это он.

— Сукин сын. Ты не поверишь, он здесь. Я только что видел его в банке. Он вошел, будто хозяин заведения и удалился в бэк-офис.

— Верно, он и впрямь владеет заведением, — говорит Ламберт. — Увы, нам мало что удалось на него раскопать, но то, что мы нашли это интересно. Он — русский банкир, на самом деле он из Грузии, и президент Швейцарско-русского международного торгового банка. Проживает в Цюрихе, Швейцария, где находится главный филиал. Другое отделение в Баку.

— Хорошо.

— Из докладов нашей разведки следует, что Здрок связан с организованной преступностью, но это не было доказано. Его ни разу ни в чем не обвиняли, и у него не было проблем с законом. Однако Здрок находится в контрольном списке. Российское правительство подозревает, что он может быть главным игроком на черном рынке.

— Полковник, у меня есть основания полагать, что он один из лидеров "Магазина", — говорю я. — Думаю, Рик Бентон тоже так считал. Видел карту, что я тебе прислал?

— Я также уловил связь, Сэм. Я отметил парня из русской мафии.

— Сегодня вечером загляну в банк. Не знаю, что я там могу найти.

— Мы тем временем посмотрим, что еще удастся раскопать.

— И не забудь про его связь с Намиком Басараном. Очевидно, они знают друг друга, и Басаран солгал мне об этом. Басаран не чист, полковник. И меня не волнует, что он управляет какой бы там ни было благотворительной организацией, парень притворяется.

— Пока что он чист, Сэм, — говорит Ламберт. — Турецкое правительство настаивает, что он настоящий святой.

— Что насчет его происхождения? Что нам о нем известно? У него скелеты в шкафу, я это знаю. Я видел у него в офисе фото женщины с двумя девочками, держу пари, это его семья, но где они сейчас?

— Мы все еще ищем. Боюсь, что до начала девяностых на него мало что есть.

— Хорошо, этого достаточно, чтобы вызвать у меня подозрения. Мужчина сорока лет не может просто материализоваться в стране без прошлого. Найди его, полковник.

— Мы делаем все возможное. О, сейчас я просматриваю один доклад... хм, это служебное письмо офицера турецкой разведки, поставленное под сомнение его начальством, в котором он утверждает, что на самом деле Басаран не турок.

— Я бы поговорил с этим офицером. Кто он?

— Ну, к сожалению, он мертв. Не указано как или где он погиб... просто скончался.

— Дерьмо.

— Теперь, другой парень, о котором ты хотел узнать...

— Мертенс?

— Альберт Мертенс. Доктор Альберт Мертенс был правой рукой Джеральда Булла, когда тот был конструктором оружия и дилером. Мертенс был ведущим физиком легендарной "Вавилонской пушки". Помнишь?

— Конечно. Я вспомнил об этом, когда мы разговаривали о Джеральде Булле в Вашингтоне. Это суперпушка, которая может выпускать снаряды по цели на тысячи километров. Саддам Хусейн поручил Буллу создать одну пушку, чтобы тот мог атаковать соседние страны без использования дорогостоящих крылатых ракет. Она ведь может стрелять не только обычными снарядами, но также биологическими или химическими боеголовками, и даже ядерными бомбами?

— Ты прав, Сэм. К счастью, проект никогда не был завершен.

— Хорошо, что же профессор Мертенс делает для Басарана?

— Не знаю, но это нас беспокоит. Видишь ли, Мертенс семь лет отбывал срок в бельгийской тюрьме за нелегальную торговлю оружием. Согласно полученным данным, Мертенс на седьмом году был переведен в психиатрическую больницу и взят под стражу. Парень нес бред сумасшедшего. Затем, пять лет спустя, он пропал из клиники. Либо он сам сбежал, либо кто-то постарался. Нам не известно. С тех пор парень разыскивается бельгийской полицией.

— Что же задумал Басаран? — спрашиваю я. — Мертенс строит ему суперпушку? А если так, то зачем? Басаран должен быть на нашей стороне, но все выглядит, что это не так.

— Давай просто двигаться по течению, Сэм. Ты отлично делаешь работу.

— Есть успехи насчет Насира Таригиана?

— Пока нет. У группы исследователей есть зацепка касательно человека на фотографии. Как только ее получат, ты узнаешь об этом первым.

— Отлично. После того, как загляну в банк, я пришлю тебе отчет.

— Будь очень осторожен, Сэм — отвечает Ламберт. — Если этот парень, Здрок, на самом деле лидер "Магазина", ему придется по вкусу твои внутренности, если тебя схватят.

— Не волнуйся, я не намерен оставаться в меню.

24

Уже чуть за полночь, я иду по улицам, придерживаясь тени, и время от времени останавливаюсь, чтобы убедиться, что никто за мной не следит. Важно не только удостовериться, что никто вас не заметил, пока вы двигаетесь к цели, но также оглядываться назад.

На площади Фонтанов есть несколько гуляк. Не могу понять почему, ведь из-за каспийского ветра здесь чертовски холодно. Я избегаю таких мест и пытаюсь добраться до банка переулками. Как и ожидалось, всего один охранник стоит на улице под фонарем, закутавшись и потирая руки, чтобы согреться. Я вижу, как пар выходит из его носа и рта. Увы, прохлада несет опасность и для меня. Скрыть дыхание особо не получится, остается только держаться, избегая света.

Нужно двигаться быстро, он не должен видеть, как я приближаюсь. Я выбираю темное место вдоль улицы, а затем перебегаю на сторону охранника. Приседаю на корточки и вытаскиваю "Файв-Севен". Я примерно в десяти метрах от парня, но он не видит меня. Подобно кошке, я бегу к нему легко, бесшумно и останавливаюсь рядом с ним, приставив ствол к его виску.

Только через несколько секунд он осознает, что произошло. Он не двигается, но старается взглянуть на меня. Свободной рукой я вытаскиваю из его кобуры "Глок" и отбрасываю в сторону. Охранник что-то спрашивает, вероятно: "Что вам нужно?" или нечто подобное. Я не отвечаю. Вместо этого, разворачиваю его лицом к сканеру сетчатки глаза. Указываю на него, и охранник понимает мысль. Сперва он качает головой, однако я надавливаю стволом пистолета. Охранник медленно подается вперед и смотрит в сканер.

Я слышу, как открывается дверь.

Пока он находится в таком положении, я сильно ударяю его по затылку. Охранник падает подобно мешку с азербайджанской свеклой. Я подхватываю его под руки и тащу в тень. На всякий случай я толкаю его пистолет в канализацию.

Я опускаю свои очки, включаю ночное видение, и открываю дверь банка. Ровно через две секунды я приседаю и гашу при помощи "Файв-Севен" лампочки над головой — первая, вторая. Закрываю дверь и в вестибюле теперь темно. Камера наблюдения меня не видит.

Я прохожу мимо касс, напрямик к воротам и отпираю их отмычками. Слева — комнатка с небольшим количеством депозитных ячеек. Напротив них кабинет, вероятно Здрока. Прямо по коридору — хранилище. Я направляюсь в кабинет Здрока.

Компьютер работает, но монитор погашен. Я включаю его и изучаю жесткий диск. Его электронную почту легко взломать, и я записываю адрес в ОПСАТ. При помощи этой информации Карли Сент-Джон взламывает сервер и извлечет все отправленные и полученные письма. Остальные файлы — это документы "Excel" и "Word", похожи на легальные. Я нахожу зашифрованную папку и пробую все стандартные хакерские навыки, чтобы войти. Бесполезно. Я также не могу скопировать ее в ОПСАТ. Чтобы ни содержала папка, Здрок позаботился, чтобы только он мог войти. В конечном итоге я копирую свойства папки, чтобы отправить их Карли.

Быстрый обыск стола и ящиков не дал результатов. Я начинаю чувствовать, что потерпел неудачу. Возможно, все интересное Здрок держит в Цюрихе. Я сажусь в кресло и осматриваю комнату. Иногда это вдохновляет меня, попробовать что-то новое. Я замечаю, что дизайнер интерьера разместил полированные панели из красного дерева на стенах геометрическим, художественным рисунком. Панели слегка выступают, создавая рельефность. Я встаю и пересекаю комнату, чтобы взглянуть поближе. Подчиняясь внезапному порыву, я включаю флуоресцентный режим. В нем я вижу, что верхние края панели очень запылены.

Я направляюсь к другой стене и осматриваю панели. Пыль на одной из панелей нарушена, как будто кто-то трогал ее и нечаянно кое-где вытер верхний край. Я осторожно берусь за панель и тяну. И что вы думаете — шпукovina щелкает и поворачивается на петлях, открывая небольшой сейф. Я лезу в набедренный карман, вынимаю одноразовую отмычку и настраиваю мощность микровзрывчатки. Чтобы открыть сейф необходимо установить на полную мощность. Будет шумновато, не говоря уже о беспорядке.

К черту, они в любом случае узнают, что я был здесь.

Я активирую отмычку и размещаю рядом с ручкой. Удостоверившись, что она в подходящем месте, я отхожу назад, делаю глубокий вздох и жму ударник сбоку отмычки.

Взрыв подобен трем петардам "Черный кот", которые я использовал в детстве на четвертое июля. Нанесенный урон, однако, куда больший: теперь в передней части сейфа появилась дыра. Я легко могу просунуть руку, повернуть механизм и открыть дверцу. Каждый раз, когда я использую одну из этих шпук, я поражаюсь: содержимое, кроме самого сейфа, не повреждено.

Внутри находится перевернутая стопка документов. Некоторые соединены скрепками и скобами, остальные лежат отдельно или в папках. Осматривая их, я вижу записи денежных переводов, напоминающие банковские счета в Швейцарском банке, это означает, что они конфиденциальны и надежно защищены. Суммы переводов — миллионы долларов. Я также замечаю, что они от различных организаций и частных лиц, без указания их месторасположений. В некоторых случаях это просто число — перевод с одного счета на другой. Отследить, кому принадлежат счета, будет не просто, если вообще возможно.

Тем не менее, я делаю снимки нескольких страниц, возможно, Третий Эшелон что-нибудь с этим сделает.

Последний документ (отчет, помещенный в сейф последним) содержит имя клиента. Деньги на сумму восемь миллионов долларов пришли из "Тирмы". Перевод датируется завтрашним числом и пометкой "Возврат". Проклятье. На что так называемой благотворительной организации тратить восемь миллионов долларов? Закупают дохрена хлама. Еще одно доказательство, что Намик Басаран не тот, кем кажется.

Множество документов ссылается на азербайджанский адрес получателя. Я не знаю его, но полагаю, что это где-то на окраине Баку.

Я записываю адрес, делаю снимок документа, и возвращаю все обратно в сейф, несмотря на взорванную дверцу и встаю посреди комнаты. Я открываю "Оспрей" и высовываю две липкие камеры. Я забираюсь на стол, приоткрываю решетку вентиляции и прикрепляю камеру, чтобы она была направлена вниз и на стол. Вторую камеру я устанавливаю на книжной полке в дальнем левом углу, на верху огромной книги. Вы ее не увидите, пока не вытащите книгу или не станете напротив ее, присматриваясь. И в конце я закрепляю жучок под крышкой стола Здрока.

Теперь я готов уйти, но как только я выхожу из офиса в коридор, срабатывает сигнализация. Я чуть из кожи вон не выпрыгнул, настолько она была громкой и внезапной. Я незаметно подхожу к решетчатым воротам в конце коридора и слышу крики снаружи. Мне везет как утопленнику: кто-то, наверное, нашел снаружи бессознательное тело охранника, или тот пришел в сознание раньше, чем я рассчитывал.

Ну что же, я ведь не могу выйти путем, которым вошел или могу? Как только я разворачиваюсь и направляюсь к запасному выходу, парадная дверь разлетается вдребезги. Я не останавливаюсь посмотреть, кто вошел. Бросаю за собой дымовую гранату и бегу. Она взрывается, заполняя коридор густым дымом. Мужчины кричат мне что-то в вестибюле, но, несмотря на это я считаю, что они меня еще заметили.

Я добираюсь до выхода в конце здания, возле уборной. Над дверью предупреждающие знаки, обозначающие, что при открытии прозвучит тревога. Теперь уже поздно об этом волноваться.

Я отодвигаю засов двери, открываю ее, и меня приветствует еще одна сирена, звучащая по всему зданию. Я прыгаю в переулок, приседаю на корточки и смотрю в направлении двух, вооруженных пистолетами, полицейских в пятнадцати метрах от меня. Один кричит на меня, направляет пистолет и открывает огонь! Что же случилось с приказом "Не двигаться или я буду стрелять?" Черт с ним, все равно косо стреляет. Я вскакиваю на ноги и бегу в другой конец

переулка, но вскоре понимаю, что это было не мудрое решение из-за пятиметровой стены. Проклятый тупик.

Меня никогда ничто не останавливало, даже такая мелочь как стена. Но сперва, мне нужно избавиться от стреляющих в меня вредителей. Копы либо пьяны, либо слепы, потому что они паршивые стрелки. Я вынимаю "Файв-Севен", опускаюсь на колени, поворачиваю туловище, целюсь и выпускаю две пули в каждого мужчину. Их как будто ударили в грудь невидимой кувалдой. Вероятно, они носят бронежилеты, но ударная сила, даже, несмотря на жилет, достаточна, чтобы повалить на землю.

Это дает мне время вытащить из кармана на левой голени цилиндрическую рукоять. Я ее так называю, потому что это длинная многофункциональная цилиндрическая трубка. Затем я лезу в "Оспрей", нахожу веревку для экстренного случая и прикрепляю конец веревки к рукояти. Я надавливаю кнопку на трубке, и из нее вырываются четыре стальных зубца, создавая портативную кошку.

Я дважды раскручиваю крюк и перекидываю через стену. Крюк цепляется за кирпичи, и я сильно дергаю веревку, убеждаясь, что она выдержит мой вес. Затем остается лишь забраться на стену, отцепить кошку и прыгнуть с обратной стороны.

Теперь я на улице за углом от банка. Сирены по-прежнему воют, поэтому я не могу остаться и наблюдать за волнением. Я перебегаю улицу к ближайшему зданию и прижимаюсь к стене, погруженной в тень. Мне нужно время, чтобы сориентироваться. Отсюда я вижу фасад банка. Сверкая огнями, подъехали три полицейские машины. Оглушенный охранник сидит, прислонившись к стене, потирая затылок. Я не знаю, сколько здесь копов, разыскивающих меня, но как только они поймут, что я оставил их приятелей в переулке, они начнут на меня травлю подобно злобным плечам.

Прежде, чем я успеваю скользнуть во тьму, в конце моей улицы появляется полицейский и замечает меня. Он кричит и вытаскивает пистолет. Я резко разворачиваюсь и бегу в противоположном направлении.

Я слышу выстрелы и теперь многие осведомлены о моем присутствии. Я сворачиваю за угол и неожиданно оказываюсь на площади Фонтанов, где все та же небольшая горстка людей (студенты) одетые в пальто, курят сигареты и распивают водку. Это действительно "жесткие" ребята, они остаются на улице посреди ночи на таком холодном ветру. У меня нет времени, чтобы остановиться и поболтать, поэтому я бросаюсь через площадь, когда меня начинают преследовать два полицейских. Еще один выстрел доказывает мне, что копы в Баку не особо беспокоятся о невинных прохожих. Группа молодых людей кричит и рассыпается во всех направлениях, и это мне на руку. На площади появляется несколько бегущих мишеней, и я надеюсь, что это обескуражит моих преследователей.

Поскольку они продолжают бешено стрелять, я пробираюсь через площадь и бросаюсь в темный переулок. Кошка по-прежнему обмотана вокруг моего плеча. Если у меня выпадет минутка воспользоваться крюком, я заберусь на крыши. Но сперва, я должен позаботиться о Матте и Джеффе¹⁵ позади меня.

Я нахожу достаточно укромный и темный уголок, чтобы скрыться в тених. Я останавливаюсь, проскальзываю в разлом, и ожидаю, а затем слышу, как оба копа входят в переулок. Они замедляются, поняв, что я скрылся из виду. Парни перешептываются, один из них, кажется, уверен, что я пошел в этом направлении, другой колеблется. С оружием в руках они медленно идут в мою сторону. Главное здесь элемент неожиданности, поэтому я прижимаюсь плотнее и жду нужного момента. Увидев их спины, я выхожу из угла и двигаюсь между ними. Я хватаю их за воротники и ударяю парней друг о друга. Пистолет выстреливает, и полицейский роняет его. Оба копа потрясены, но упорно стараются развернуться ко мне лицом.

Используя наступательную технику Крав-маги, я становлюсь с "мертвой стороны" противника, не позволяя вооруженному копу выстрелить в меня. "Мертва сторона" — это его "внешняя сторона". Если вы стоите лицом к врагу, который выставил вперед левую ногу, вам нужно двигаться вперед и направо. Движение в этом направлении, ставит вас в позицию, когда рукой или ногой оппонента не может быть нанесен удар, поскольку вы с ним на одной стороне. Что позволяет ударить противника, так как он на вашей "внутренней" стороне. Именно это я и делаю.

Быстрый удар по руке, заставляет его выронить оружие. Я разворачиваюсь вправо, поднимаю ногу и ударяю ботинком ему в грудь. Он падает. Другой коп потрясен и не шевелится. Я двигаюсь вперед, бью кулаком ему в живот, и когда он скрючивается в агонии, наношу удар по затылку.

В переулке стало тихо.

Я снимаю кошку с плеча, верчу как лассо и забрасываю на крышу ближайшую здания. Я слышу крики и топот на площади, нельзя терять времени. Забраться на стену было не сложно, как только я оказался наверху, мне открывается общая панорама Старого города. Подо мной, еще трое полицейских входят в переулок и поднимают своих оглушенных сослуживцев. Я двигаюсь на другую сторону крыши, и вижу площадь Фонтанов, а за ней банк. Число патрульных машин увеличивается и вокруг здания возрастает активность.

Придерживаясь теней, я продвигаюсь по крышам на северо-восток к пристани.

¹⁵ Матт и Джефф — герои американских мультфильмов и комиксов начала XX века.

Штаб-квартира Третьего Эшелона расположена недалеко от Агентства Национальной Безопасности, которое размещено на Савадж-роуд в Форт-Мид, на полпути между Балтимором и Вашингтоном, О. К., тем не менее, Третий Эшелон располагается в столице нации в небольшом невзрачном здании, недалеко от Белого Дома. Причина такого разделения состоит в том, что технически Третий Эшелон не существует. Большинство работников АНБ никогда не слышали о нем. Третий Эшелон — одна из самых совершенно секретных организаций в правительстве, и только избранным "положено" знать о фракции.

Задание Третьего Эшелона — запускать отдельных оперативников (Splinter Cell'ов) в заданную местность, чтобы оценить и заполучить жизненно важную для безопасности США информацию. Третий Эшелон — это не ЦРУ и не ФБР. Пока есть такие люди, как Сэм Фишер, которые по долгу службы имеют лицензию на убийство, фракция всегда останется засекреченной. Поэтому важно, чтобы команда поддержки Третьего Эшелона в Вашингтоне обеспечивала Splinter Cell'ов самой точной и актуальной информацией. Этим отличаются успешные задания без кровопролития.

Полковник Ирвинг Ламберт со своей командой на протяжении всей ночи пересматривают снимки Ближнего Востока со спутника АНБ и оценивают различные доклады, касательно задания Фишера. Изучив найденную информацию о Намике Басаране и возможность, что тот может оказаться иным человеком, Ламберт направил команду рассмотреть поближе место строительства "Акдабар Интерпрайзес" на Северном Кипре. Карл Бруфорд, глава по исследованиям и методам анализа, сел рядом с Ламбертом за стол с подсветкой, изучая снимки при помощи лупы. Бруфорд, тридцати однолетний парень из Иллинойса, считался экспертом в чтении между строк отчетов разведки и расшифровки непонятных сообщений.

— Будь я проклят, если увижу что-то странное, — сказал Бруфорд.

— Место выглядит так, как и говорил Басаран — торговый центр. И, похоже, что он достроен. Но общественности оно еще не открыто. На стройку по-прежнему въезжают и выезжают строительные машины, однако парковка пуста.

Ламберт потер макушку и нахмурился.

— Мне это не нравится, — сказал он. — Продолжай искать. Но я все равно отошлю фото Сэму.

— Хорошо. О, шеф, я размышлял на кое-чем, не знаю, возможно, возможно вы примите во внимание.

— О чем, Карл?

— У Фишера ведь есть дочь?

— Да, есть. Она студентка колледжа в Иллинойсе.

— Северо-Западного, так?

— Верно. А что?

— Не знаю. Просто предчувствие, стоит ли нам проверить ее? Я имею в виду, поскольку Фишер уехал из страны. Вам же ведь известно, что три Splinter Cell'a мертвы.

Ламберт скривился и снова потер голову.

— Считаешь, что мы теряем Splinter Cell'ов согласно черному списку?

— Да, полковник.

— И ты думаешь, что Сэм также в нем?

— А вы нет?

Ламберт посмотрел в сторону и Бруфорд подумал, что сможет увидеть шестеренки, вращающиеся в его голове. Полковник развернулся к Бруфорду и сказал:

— Действуй. Но будь осторожен. Не нужно ее беспокоить.

— Сделаю.

Полковник прошел в следующую комнату, где Карли Сент-Джон взламывала сервер Басарана. Вероятно, "Наиболее Ценный Игрок" Третьего Эшелона, Сент-Джон была экстраординарным программистом, женщина со способностью разбирать и собирать самый сложный код так, как ей было нужно. Сент-Джон в свои двадцать восемь была самым молодым членом команды, но и одним из самых старших — она занимала пост технического директора. Мужчины влюблялись в нее с первого взгляда, хотя она не считала себя привлекательной. Она была небольшого роста (сто пятьдесят пять сантиметров), брюнетка с короткой стрижкой и живыми голубыми глазами. Она слышала, как ее часто называли "Фея".

— Как продвигается? — спросил Ламберт.

— Ну что же, я близко, — ответила она. — Довольно сложное шифрование, но думаю, я справлюсь. Я взломала банковский счет Басарана, а теперь нужно поработать со счетом в Швейцарском банке.

— Сэм утверждает, что Басаран сделает денежный перевод завтра. Мне бы хотелось сорвать его.

— Знаю, шеф, — сказала Карли. — Дайте остаток дня, хорошо?

Ламберт пожал ее плечо и оставил одну. Он вернулся в ситуационную комнату и увидел Бруфорда с телефоном.

— Нет ответа из комнаты Сары Бернс в Эванстоне, шеф, — доложил Бруфорд.

— Я думал, она живет в общежитии.

— Это было год назад. Теперь она студентка младшего курса и живет в своей квартире.

Ламберт закатил глаза.

— Черт, как летит время. Продолжай, или свяжись с нашим человеком в Чикаго, пусть посмотрит поближе. Ему, вероятно, все равно нечем заняться.

Бруфорд усмехнулся и снова поднял телефон.

— Точно.

Ламберт направился в личный кабинет, небольшое пространство, которое помогало ему на некоторое время уйти от шума и суеты. Он сел в свое вращающееся кресло, проверил почту, и сделал плоток уже остывшего кофе. Скривился, когда подумал, что нужно идти за свежей чашкой, но решил ненадолго прикрыть глаза. Ламберт смертельно устал.

Но как только он закрыл глаза, запищал факс. Он взглянул на обложку страницы и увидел, что она от Питлоу из Багдада. Ламберт решил, возможно, ему стоит подняться и принести чашку свежего, горячего кофе, а к тому времени, как он вернется, передача факса завершится. Четыре минуты спустя Ламберт вернулся в офис, с кофе в руке, готовый изучить факс Питлоу.

КОМУ: Полковнику Ирвингу Ламберту

ОТ: Подполковника Дена Питлоу

ТЕМА: Насир Таригиан

Уважаемый полковник ...

Согласно вашим указаниям, мои разведчики круглые сутки работали над делом Таригиана, и теперь нам есть, что доложить. Насир Таригиан был и является богатым иранским гражданином и вел политическую активность во время Ирано-иракской войны. В 1983 году его дом в Тегеране подвергся бомбардировке и был уничтожен, унеся жизнь жены и двух дочерей. Он организовал радикальное антииракское террористическое подразделение, которое временно обосновалось в Ираке, где осуществляло жестокие набеги на иракских граждан. В Иране и кое-где в Ираке, террористическая группировка Таригиана уже была известна как "Тени".

Иранское правительство не одобряло методы Таригиана и изгнало его, но после себя он оставил иранский народ, который считал его героем войны, чем-то вроде мстителя. В ноябре 1984, иракские солдаты устроили засаду в Ираке на "Тени". Группировка была уничтожена, а Таригиан, как полагали, сгорел в мощнейшем взрыве. Останки найдены не были. Однако "Тени" существуют и по сей день. За последние пять-десять лет они перегруппировались, стали лучше руководиться и финансироваться.

Террорист Ахмед Мухаммед связан с группировкой и, возможно, руководит операциями. Четыре года назад прошел слух, что Насир Таригиан жив и здоров и по-прежнему руководит "Тенями" за пределами Ирака. Поскольку в реальности его никто не видел, Таригиан остается

мифической фигурой — отчасти праведный воин, отчасти призрак. Однако, по всей видимости, один из наших заключенных — главный помощник в "Тенях" и он лично знаком с Мухаммедом. Мы считаем, что знал Таригиана в 1980-х. После длительного допроса он опознал фото человека, которого мы считаем Насиром Таригианом. Для вашего пользования я прилагаю снимок.

Ден.

Ламберт перевернул фотографию. Его сердце заколотилось, когда осознал, что его и Сэма Фишера инстинкты не подвели их.

Мужчина на снимке — Намик Басаран. Сомнений не было. Хотя здесь он был облачен в арабскую робу и тюрбан. Фото было сделано на улице примерно в 1984 году.

Ламберт открыл его досье и изучил недавний снимок Басарана и Андрея Здрока. Однозначно, это был тот же человек. Басаран, очевидно, перенес пересадку кожи и пластическую операцию, из-за которой его лицо стало выглядеть так, как будто у Басарана были дерматологические проблемы.

Теперь все было ясно. Насир Таригиан переделал себя в Намика Басарана, получил турецкое гражданство, и при помощи своего состояния организовал в Турции "Акдабар Интерпрайзес". Не удивительно, что у Басарана до 1990-х нет прошлого! Используя "Акдабар" и в особенности "благотворительную" организацию "Тирма" в качестве прикрытия, Басаран/Таригиан годами спонсировал и стратегически направлял "Тени". Возможно, не он лично управляет "Тенями". Однако определенно снабжает их всем необходимым — деньгами.

Внезапно Ламберт ощутил прилив бодрости.

Из двух крупных портов Турецкой Республики Северного Кипра (ТРСК), Кирения и Фамагуста, последний имеет весьма яркую историю. Расположенный на восточном побережье острова, этот город-крепость на протяжении веков использовался многими правителями, как удобный стратегический пункт для контроля Средиземного моря. Сегодня порт в основном используется для судоходства и торговли, а Кирения для приема пассажиров.

Правительство ТРСК поинтересовалось, почему же Намик Басаран хочет построить торговый центр недалеко от Фамагусты? Разве Кирения не была бы более логичным местом? Кирения имеет большую численность населения и интенсивность торговли. Но Басаран стоял на своем, утверждая, что Фамагуста была важнейшим историческим городом в Северном Кипре. В конце концов, здесь находился замок Отелло, который вдохновил Шекспира в написании одноименной пьесы. Он заявил, что Фамагусту нужно заново отстроить. Однажды великолепный морской порт, но сейчас респектабельность Фамагусты снизилась, и Басаран вознамерился изменить это.

ТРСК, не желая возражать такому ценному стороннику республики, позволила ему начать строительство.

Теперь, спустя три года, "Фамагуста Центр" завершен и Басаран был готов сдать помещение в аренду продавцам. После нескольких завершающих штрихов, "Фамагуста Центр" будет представлен миру.

Конечно, Намик Басаран, также известный как Насир Таригиан, не намеревался использовать торговый центр по назначению. Близость с Фамагустой и восточным побережьем было выбрано чисто из стратегических соображений. Его не терзали раскаяния насчет того, чтобы помочь турецкому народу с их молодой республикой.

Этот обман длился десять лет до этого самого момента.

Таригиан и его главный конструктор оружия, Альберт Мертенс, ходили вокруг и осматривали огромное строение, занимавшее площадь целого стадиона. Увенчанное отражательным куполом, здание ошибочно могло быть принято за планетарий или обсерваторию, если бы не было построено для ТРСК, и не турецкие флаги, возвышающиеся на флагштоках и узнаваемые западные логотипы: арки "Макдональдса" и неоновые рекламные щиты "Вирджин Мегастор".

— Разве не прекрасно, профессор? — вздохнул Таригиан. — Архитектор проделал прекрасную работу, вам так не кажется?

— Да, в самом деле, — угрюмо сказал Мертенс.

— И вы уверены, что "Феникс" будет завершен через два дня?

— Если не будет непредвиденных проблем, то да.

— Досадно, что здание никогда не будет открыто. Возможно, мы бы заработали немного денег, продавая "Биг Маки".

Мертенс не смеялся.

— В чем дело, профессор? — спросил Таригиан. — В последнее время вы, кажется, чем-то огорчены.

— Я вам уже говорил, что не разделяю предложенный вами... план, — ответил он.

Таригиан остановился и развел руками.

— Неужели нам нужно проходить через это снова?

Мертенс развернулся и указал пальцем на босса.

— Вам известно, что у нас один единственный выстрел. Зачем тратить его на Ирак? Разве вы не хотите сделать самое сильное заявление?

— Достаточно, профессор!

Голос Таригиана заставил физика замолчать.

— Я принял решение, и больше не напоминайте мне. Пройдемте внутрь. Нас ожидают.

Мертенс послушно кивнул.

— Профессор, вы блестящий физик, — сказал Таригиан. — Без вас я бы не справился. Но сделайте одолжение, придерживайтесь того, что вы знаете лучше всего, оставьте стратегические и военные решения мне.

— Ладно.

Таригиан похлопал Мертенса по спине и сказал:

— Хорошо. Идемте.

Пятеро мужчин, собравшиеся внутри торгового центра, были ближайшими заместителями и помощниками Насира Таригиана. Все они несли ответственность за свою часть операций "Теней". Иранец Ахмед Мухаммед отвечал за политический комитет, который издавал фатвы¹⁶ и указы, якобы основывающиеся на принципах ислама, включая приказы на смертельные атаки.

Он также был непризнанным вторым номером в организации, человек, ответственный за проведенные должным образом операции. Надир Омар, уроженец Саудовской Аравии, возглавлял военный комитет, который предлагал цели, осуществлял поддержку операций и управлял тренировочными лагерями. Хани Юсеф, иранец, глава финансового комитета, который обеспечивал сбор средств и финансовую поддержку, сотрудничая с Таригианом. Марокканец Али Бабарах, возглавлял информационный комитет, отвечавший за пропаганду и

¹⁶ Фатва — в исламе решение по какому-либо вопросу, основываемое на принципах ислама и на прецедентах мусульманской юридической практики.

вербовку. Наконец, иранец Зиад Адхани управлял комитет по снабжению, машину, закупающую оружие, взрывчатку и оборудование. Из соображений безопасности эти пятеро редко встречались лицом к лицу.

Таригиан и Альберт Мертенс присоединились к ним в небольшом конференц-зале на первом этаже. Фарид стоял у двери, его сломанная рука была загипсована и подвешена. Как и ожидалось, Таригиан сел на кресло во главе стола. Мертенс сел рядом со своим заместителем, немецким физиком Генрихом Эйслером. Мертенс был рад сотрудничать с Эйслером, который был на десять лет его моложе. Несмотря на различия в происхождении и возрасте, двое мужчин разделяли схожие взгляды. Они также были соседями по комнате в психиатрической больнице в Брюсселе.

У Эйслера была привычка строгать деревяшку с помощью боевого ножа "Болотный монстр", сделанного из нержавеющей стали марки 420, 1-1/2 дюйма шириной и 1/2 дюйма толщиной. Мертенс знал, что помимо того, что Эйслер был блестящим физиком, он ловко обращался с ножом. Когда они жили в больнице, Эйслеру запрещено было держать оружие. А с тех пор как их "освободили", Эйслер без него никогда не появлялся.

Таригиан, человек, которого мир знал как Намик Басаран, встал и обратился к присутствующим:

— Господа, спасибо, что приехали на Кипр для этой встречи. Слава Аллаху за ваше благополучное прибытие и безопасное возвращение к своим должностям. Я решил, что это важно, чтобы вы присутствовали лично, я обрисую в общих чертах свои планы для реализации моей мечты. Это мечта, которую я вынашивал двадцать лет. Наконец-то она увенчалась успехом.

Он сделал паузу, чтобы убедиться, что привлек всеобщее внимание.

— Феникс завершен. Он готов благодаря гению профессора Мертенса.

Таригиан указал рукой на физика. Остальные присутствующие повернулись и закивали, но без аплодисментов. Эти люди были слишком серьезны для такого рода самоуспокоительной глупости. Мертенс остался с каменным лицом.

— Я знаю вам любопытно, — продолжал Таригиан, — что я намереваюсь сделать с Фениксом. Сегодня я расскажу вам.

Он посмотрел в глаза каждому и заявил:

— Пришло время поплатиться Ираку за то, что они сделали с Ираном в восьмидесятых.

Лидеры комитетов зашевелились. Трое наклонились вперед, сказанное пробудило их интерес.

— Я собираюсь уничтожить Багдад, — мягко сказал Таригиан. — И разрушения будут такие, что город станет неузнаваемым. Месть Ирана Ираку будет быстрой и абсолютной.

Надир Омар откашлялся.

— Сэр, при всем уважении...?

— Да, Надир? — Таригиан посмотрел на помощника.

— Чего мы этим добьемся?

— Разве вы не видите? — Таригиан развел руками. — Последствия беспорядков в Ираке, и Ближнем Востоке в целом, настроят весь регион против Запада, в частности, против Америки, за то, что не "защитили" Ирак от терроризма. Нам всем известно, что правительство Ирака состоит из марионеток. Всему миру об этом известно. Америка продолжает контролировать страну и оказывать влияние на решения, принятые иракским руководством. Этому нужно положить конец, раз и навсегда. Весь мусульманский мир отреагирует, если под надзором Америки с Ираком произойдет катастрофа. Америку вытеснят из Ирака и, возможно, даже со всего Ближнего Востока. И тогда... воспользовавшись благоприятным случаем, Иран займет место Америки.

Два лидера комитетов переглянулись.

— Иранское правительство осведомлено об этом? — Спросили Ахмед Мухаммед.

— Еще нет, но как только дело будет сделано, я предстану миру. Вы видите газетные заголовки в Тегеране? "Насир Таригиан до сих пор жив!" Мои последователи в Иране, без всякого сомнения, поддержат меня. Они заставят правительство совершить то, что Иран хотел сделать, но не осмеливался в течение двух десятилетий. Иран нападет и захватит Ирак, потому что Ирак слаб и находится под управлением Запада! Америка пыталась установить в Ираке демократию по образу западной страны, но этого не случилось и никогда не произойдет. Мусульмане должны заботиться о мусульманском мире. Мои преданные армии в Иране и соседних странах ожидают этого противостояния, и "Тени" поведут их на Ирак. И мы станем победителями!

Мертенс стукнул Эйслера под столом.

Ахмед Мухаммед откашлялся и сказал:

— Сэр, могу ли я отважиться и высказать мнение?

— Да, Ахмед, — подтвердил Таригиан.

— Я не верю, что люди в "Тенях", утверждающие, будто служат исламу, согласятся разрушить город, который по существу является мусульманской страной. Таким образом, я выражаю свое неодобрение.

Таригиан сложил на груди руки. Последовал напряженный момент, когда Таригиан взглянул на Фариду, который готов был что-нибудь сделать с мятежником.

В конце концов, Таригиан только улыбнулся и сказал:

— Ценю вашу искренность, Ахмед. Ваш протест принят к сведению. А теперь я бы хотел обсудить некоторые этапы с Ахмедом и Надиром. Остальные могут остаться и насладиться моим гостеприимством. Уверен, профессор Мертенс с радостью покажет вам завершенный "Феникс".

С этими словами, Фарид открыл одной рукой дверь конференц-комнаты, тем самым показывая, что совещание подошло к концу.

Таригиан не заметил, что Мертенс и Ахмед Мухаммед обменялись взглядом, понятным только им.

ТРИ часа спустя Насир Таригиан заперся в личном офисе и уставился в зеркало на стене. Обычно он ненавидел зеркала, но с тех пор, как решил продолжить проект, чтобы поставить Ирак на колени, Таригиан хотел ежедневно себе напоминать, зачем он это делает.

Он никогда не забывал тот роковой день, когда бомбили Ирак. Сигналы воздушной тревоги были громкими и всегда пугали его дочерей. Тем утром школу отменили, и дети были дома с матерью. Таригиан был занят на политическом митинге в знак протеста войны и жестких религиозных правил тогдашнего правительства. Когда началась бомбардировка, он покинул митинг и направился домой, пробежав десять километров, что бы быть со своей семьей. Он представлял себе лицо жены и как счастлива она будет, когда он войдет через парадную дверь их прекрасного, двухэтажного дома. Он тяжело работал, чтобы дать семье такой дом.

Насир Таригиан был одним из тех счастливлчиков, которые поделили богатство бывшего Шаха, консультируя его по вопросам политики. Конечно же, Таригиан не был сторонником исламской революции и вновь обретенного религиозного пыла Ирана. Тем не менее, он был настоящим иранцем и ненавидел иракцев за то, что они сотворили с его страной.

Пока он бежал, Таригиан вспоминал прошедшую ночь, когда он обнимал жену с детьми и говорил им не волноваться. Аллах защитит их. Бомбы не попадут в их дом. Они будут в безопасности.

Однако он ошибался.

Прежде чем он добежал, в дом угодила бомба. Он вспомнил сильную волну жара и оглушительного шума, которые будут преследовать его во снах до конца жизни. Таригиан вспомнил пламя и дым, летящие обломки и крики.

Он помнил, как нашел в руинах обугленные тела своей семьи.

Таригиан посмотрел в зеркало на рубцоватое лицо и помолился Аллаху. Он признался своему богу, что не был хорошим мусульманином.

Он не молился пять раз в день, не совершал паломничества в Мекку. Ему пришлось воздерживаться от многих ритуалов ислама, чтобы доказать, что он турок. Жил во лжи в

течение двадцати лет, и поклялся упасть ниц, покаяться во многих грехах перед Аллахом, и получить свое наказание, но после отмщения.

Сегодня на собрании он видел лица наиболее доверенных ему людей. Они сочли его безумцем. Посчитали, что он погрузился в губительное путешествие. Таригиан почувствовал мятеж в своих рядах. Но разве не это происходило со всеми лидерами в какой-то момент их правления?

Вдобавок в "Акдабар Интерпрайзес" в городе Ван проник нарушитель. Фарид сказал, что это был лишь один человек, однако никто не видел его лица. Было непонятно, где в комплексе, кроме сталелитейного завода побывал нарушитель. Камеры наблюдения не засняли ничего необычного, также было странно, что его резиновый мячик оказался в коридоре. Может нарушитель решил подшутить? Мог ли он быть тем американцем, который выдавал себя за швейцарского полицейского из Интерпола? Конечно же, парень, назвавшийся Сэмом Фишером, мертв. Его люди заверили, что американец никогда не выплывет из озера Ван.

Достаточно, сказал себе Таригиан. Думай о насущных вопросах. Стоит ли что-нибудь сделать насчет негативного мышления внутри его организации? Что ему оставалось в данный момент, кроме как продолжать установленный курс? Нет, не стоит волноваться насчет своих людей. Он знал, что они будут подчиняться ему. И останутся верны. Он внушал им доверие. В конце концов, он финансировал "Тени"; был источником их жизненной силы. Он — Насир Таригиан и они видели в нем пророка. Именно он выведет исламский народ из глубин нищеты на вершину мировой арены.

Это было его судьбой.

МЕРТЕНС и Эйслер завершили тур вокруг сооружения и смотрели, как лидеры комитетов мгновенно достали мобильные телефоны и связались с заместителями на своих базах. Мертенс толкнул Эйслера в бок и сказал:

— Я же говорил тебе. Он — безумец.

— До сих пор я не верил, — сказал Эйслер. — Что будем делать?

Мертенс покачал головой.

— Я не завидую желанию Таригиана отомстить Ираку. Но это личная вендетта. Он желает отомстить за гибель своей жены и детей. Иран тут не причем. Его изгнали из страны давным-давно. Почему он считает, что получит поддержку? Только потому, что он культовый герой, мифический воин? Он не в себе.

— У вас есть план?

Мертенс положил руку на плечо Эйслеру и сказал:

— Да. Есть. У Ахмеда Мухаммеда он тоже есть.

Вооружившись сведениями Третьего Эшелона о Намике Басаране, я направляюсь из Баку на "Пажане" по адресу, который я нашел в сейфе Здрока. Встроенный в ОПСАТ навигатор приводит меня к большой промышленной зоне к югу от города на Апшеронском полуострове, вероятно, наиболее загрязненной части Азербайджана из-за преобладания нефтехимических и нефтеперерабатывающих заводов. Местность представляет собой полупустыню, земля выжжена нефтью, заброшенные буровые вышки стоят как забытые стражи среди этой запустелой панорамы. Увиденное вызывает ощущение постапокалиптического ада на земле.

Солнце садится, когда я достигаю места назначения. Я удивился, увидев, что это завод по производству подгузников и склад. Они шутят? Я слышал о смертоносном оружии массового уничтожения, но это нелепо.

Я жду, пока совсем стемнеет, но вечернее небо пылает огнями окружающих заводов. С этим ничего не поделать, и я переодеваюсь в униформу и, надеясь на лучшее, оставляю "Пажан. Я обхожу строение и направляюсь к задней части здания, где нахожу погрузочную платформу с длинным наклонным спуском, большие складывающиеся стальные ворота и служебный вход. Обширная, ровная территория позади здания простирается метров на тридцать и даже больше, я озадачен, почему там ничего не построено. Нет времени на удивления.

Отмычки легко открывают служебный вход, сигнализации нет. Слишком просто. Я использую угловой перископ, чтобы посмотреть под дверь прежде, чем приоткрыть ее. Эта часть здания — склад, конечно же, переполненный коробками и ящиками с логотипом подгузников. Как по мне, то светильники слишком ярко освещают место. Я осматриваю потолок, углы и вижу в зеркале одну камеру наблюдения, направленную на дверь. Проклятье. Я не смогу пробраться внутрь, не будучи замеченным, даже, если выстрелю в камеру из "Файв-Севен". Нужно придумать что-то другое.

Я двигаюсь вокруг здания, и мне везет. На высоте пяти метров приоткрыты два окна. Я осматриваюсь в поисках чего-нибудь, на что можно было бы забраться, и вспоминаю, что видел пустую бочку из-под нефти возле погрузочной платформы. Я возвращаюсь, и качу ее к окну. С ее помощью, я залезаю в окно и спрыгиваю внутрь.

Я по-прежнему в складской части здания. Рядом с погрузочными воротами мне видны несколько опечатанных бочек, вероятно, в них бензин для грузовика, стоящего в нише платформы. За всю свою жизнь я не видывал столько коробок с подгузниками, если они действительно находятся внутри. На полу огромное открытое пространство, наверное, сюда складывают коробки перед отправкой, но оно огромно, где-то тридцать на тридцать метров.

Прежде чем двигаться, я ищу еще камеры и не нахожу. Всего одна камера направлена на служебный вход. Отлично. Я бросаюсь к ближайшему ящику и ножом открываю крышку. Внутри... подгузники. Перехожу к следующему и делаю то же самое. Снова подгузники.

Я осматриваю семиметровый грузовик, такой может вместить много подгузников. Отмычки отпирают замок контейнера, и я вижу, что грузовик совершенно пуст.

Вертикальные складные ворота отделяют эту часть здания от производственной. Полагаю, что они поднимают ворота и при помощи подъемников перевозят коробки с подгузниками из одной части в другую. Я заглядываю в заводскую часть и вижу тяжелое оборудование для производства подгузников. Прежде чем проверить это место, я хочу осмотреть остальную часть здания.

Я направляюсь в переднюю часть склада, нахожу дверь и осторожно открываю ее. В проходе темно и пусто. Я переключаюсь в режим ночного видения и вхожу. Как и ожидалось, здесь несколько офисов, комната для сотрудников с торговыми автоматами, туалет и щитовая. Я подхожу к последней и осматриваю панель со схемой. Я нахожу тумблера для склада и наружной части, однако остается ряд дополнительных тумблеров без подписи. Для чего они?

Я возвращаюсь на склад и становлюсь в широком открытом пространстве, стараясь понять, что же я упустил. Здесь должно быть что-то и это не подгузники. Прямо напротив меня находятся огромные вертикальные складные ворота, которые открываются, когда используется погрузочная платформа. И вдруг до меня доходит: коробки и ящики сложены в одинаковые ряды с трех сторон вокруг меня. Как будто я стою в воображаемом квадрате, начерченном на полу, и по правилам ни один ящик или коробку нельзя поставить внутрь квадрата. Возможно, они специально не заставили это место?

При помощи флуоресцентного режима очков, я осматриваю пол и замечаю реальное, едва различимое очертание квадрата. Затем я вижу следы протекторов шин, ведущие от ворот до края очертания.

Возможно ли...?

Я подпрыгиваю вверх и с силой приземляюсь. Эхо говорит о том, что под полом пустота. Будь я проклят — это опускная платформа. Под складом целый этаж. Значит, вот зачем дополнительные тумблеры.

Не попадая в объектив камеры наблюдения, я направляюсь в небольшой офис диспетчера возле служебного входа. Я изучаю стол и стены, и нахожу на стене закрытый ящик, похожий на телефонную коробку. Я быстро пробую отмычки, однако замок довольно сложен и на взлом уйдет много времени.

Я вынимаю одноразовую отмычку, устанавливаю заряд, и пробиваю дыру в коробке. Теперь она открывается и внутри есть толстый массивный рычаг. Рискнув, я тяну его вверх.

Подобно элеватору, большое открытое пространство начинает опускаться.

Я покидаю офис и направляюсь к отверстию в полу. Внизу горит свет, и слышно движение. Я снимаю SC-20K с плеча, проверяю, заряжена ли она пулями и жду.

Как только платформа полностью опустилась на нижний уровень, двое мужчин, одетых в джебаллы и тюрбаны, заходят на платформу. АК-47 свободно свисают с их плеч.

Очевидно, они полагают, что кто бы не находился здесь наверху — это друг.

Один из них кричит мне по-арабски и осознает, что я не тот, кем он меня считает. Другой парень испуганно вопит, и они оба взмахивают оружием в руках. Я выпускаю две пули, попадая им прямо в грудь. Охранники роняют оружие и падают на платформу, их одежды пропитываются кровью.

Я прислушиваюсь.

Тишина говорит о безопасности. До низа добрых двенадцать метров, поэтому я использую веревку и кошку (цилиндрическую рукоять), чтобы опуститься вниз. Я скольжу на нижний уровень.

Место пропитано запахом топлива — авиационного.

Я замечаю, что по краям платформы встроены лампы, мигающие наверху. Сбоку находятся упоры для колес, приспособления, которые используют в аэропортах, чтобы избежать скатывания самолетов. Здесь также есть резервуар с топливом и очень длинным шлангом, именно такого типа используют для заправки самолетов. Рядом установлен огнетушитель.

Я нахожусь в полностью функционирующем, но пустом ангаре. Ровное поле позади здания служит взлетной полосой. Самолет заезжает по рампе, на погрузочную площадку и склад, здесь он опускается в подземный ангар. Держу пари, что платформа вращается, и они могут разворачивать самолет в нужном направлении для последующего подъема.

Пусть "Магазин" оставит свой секретный ангар под складом с подгузниками при себе. Но, где же самолет?

Безо всякого предупреждения я слышу стрельбу, и ощущаю тепло, когда пуля проносится мимо моего лица. Я инстинктивно падаю на платформу и переворачиваю вперед один из трупов. Из-за этого маневра острая боль пронизывает мое плечо, но я, стиснув зубы, не игнорирую ее. Стреляют с нижнего уровня под заводской частью. Используя труп в качестве укрытия, я выглядываю и вижу ящики с коробками, на многих из них стоит знакомый логотип "Контейнерной компании Тебриза". Затем я замечаю за одним из ящиков движение. Сколько же там парней?

Снова выстрелы. Пули попадают в мертвого араба, однако я опасаюсь, что они могут пройти насквозь и угодить в меня. Я отваживаюсь снять с плеча SC-20K, и на несколько секунд оказываюсь на линии огня, а затем снова падаю ниц. Я опускаю очки и целюсь в стрелка,

однако одна пуля попадает в платформу перед моим лицом. Осколки бетона ударяют мне в лицо, и это адски жжет. Хвала небесам за очки, сделанные из высокопрочного плексигласа, который практически невозможно разбить. Осколки наверняка бы меня ослепили.

Правым рукавом я вытираю лицо. Много крови, однако, раны незначительны. Надеюсь, что они будут как ранки после бритья — какое-то время кровь идет, а затем свертывается. Не замечая боль, я сосредотачиваюсь на поиске жертвы. И вот я замечаю ее. Это всего лишь один единственный араб. Должно быть, он заметил, как убили его приятелей, после чего скрылся, пока я не спустился. Я прицеливаюсь и нажимаю курок. Промажнулся — он хорошо укрыт, но я замечаю, что он перемещается в укрытие за ящик.

Теперь не уйдет. Пуля пройдет насквозь, независимо от того, что внутри.

Я стреляю и... срань Господня!

Со стороны снайпера происходит мощный взрыв! Я не знаю, во что я попал, но уверен оно было взрывоопасным. Густой черный дым заполняет ангар, я не хотел этого, потому как я еще не закончил здесь.

Я вскакиваю на ноги, хватаю огнетушитель, и бегу к огню, который к счастью удерживался небольшими размерами помещения. Направляю огнетушитель и начинаю энергично тушить.

Уходит около минуты, чтобы погасить пожар. Как только дым рассеивается, я вижу обугленные останки снайпера. Парень разорван на куски и это ужасающее зрелище. Ящик, за которым тот скрывался — уничтожен, однако мне удалось сохранить остальную часть секретного склада от повреждений.

Дым быстро выветривается через отверстие опущенной платформы, и я перемещаюсь к другим коробкам и ящикам. Я знаю, что там найду, но я все же открываю ящик просто, чтобы сказать самому себе: "Я ведь говорил".

Оружие. Взрывчатка. Военное снаряжение. "Стингеры". Униформы. Оборудование для наблюдения. Проклятье, это "Супермаркет для террористов". Я обнаружил один из главных складов "Магазина". Когда через Швейцарско-русский международный торговый банк поступают заказы, товар поставляется отсюда. Вероятно, для доставки товара они используют самолет. Возможно, в данный момент он вылетел по заказам клиентов.

При помощи ОПСАТа я делаю несколько снимков и размышляю, как мне поступить. Я мог бы оставить все военным, которые перевернули бы ангар вверх дном, или я мог бы принять императивные меры и сделать что-нибудь сам. Окинув взглядом первых двух убитых арабов, ко мне приходит мысль. Я возвращаюсь к запасам оружия и осматриваю ящики с униформой. Здесь есть и бронежилеты, и камуфляжная униформа, и традиционная арабская одежда, такая как джебаллы и тюрбаны. Я надеваю джебаллу, и будь я проклят, если знаю, как завязать

тюрбан. Вместо этого, я подхожу к одному из своих мертвых приятелей и краду его головной убор. Я примеряю его, стараясь не распутать, и тот идеально подходит.

Я вытаскиваю из "Оспрея" гранату, устанавливаю ручной режим (который позволяет подорвать ее дистанционно, нажав кнопку ОПСАТа) и размещаю под топливным резервуаром. На всякий случай, я оставляю еще одну гранату на пульте управления платформой. Прежде чем вернуться по веревке на верхний уровень, я сталкиваю охранников с платформы. Поднимаюсь по веревке, кладу ее обратно в рюкзак и направляюсь в офис диспетчера. Дергаю рубильник, чтобы поднять платформу и жду, пока она станет на место.

Я покидаю здание тем же путем, которым пришел. Осторожно оглядев местность, я убеждаюсь, что я один. Бегу к "Пажану", и переодеваюсь в джебаллу, правильно надеваю тюрбан, и не спеша возвращаюсь к зданию.

На этот раз я использую отмычки, открываю служебный вход и вхожу внутрь, не скрываясь от камеры наблюдения. Она запишет обычного араба вошедшего на склад. Я вытаскиваю брошюру "Тирмы", которую я украл из организации Басарана в Турции — извините, я имел в виду организацию Таригиана — и бросаю ее на пол. Затем приступаю к установке и размещению гранат. Особое внимание я уделяю бочкам с бензином. Продвигаясь по зданию, я также разбрасываю брошюры "Тирмы".

В конце концов, я покидаю здание и выбрасываю оставшуюся часть литературы "Тирмы" на погрузочной платформе, съезде и взлетно-посадочной полосе. Следователи наверняка найдут какие-нибудь не уничтоженные взрывом остатки литературы.

Вернувшись к "Пажану", я избавляюсь от джебаллы и тюрбана, сажусь в машину, и включаю ОПСАТ. Огромный огненный шар охватывает завод подгузников, окрашивая ночное небо в оранжево-желтый фон. Уверен, грохот слышен за много километров.

Я уезжаю из зоны бедствия и не могу сдержать улыбку. Хотел бы я увидеть Андрея Здрока, когда он получит новость, что его террористический магазин был отправлен на небеса. А с "доказательствами", которые я оставил, надеюсь, он подумает, что за это ответственны "Тени". Красота.

Приближаясь к городской границе Баку, я получаю сообщение на ОПСАТ от Карли Сент-Джон. Прочитав сообщение, я смеюсь вслух, поскольку оно еще более сопутствует моему небольшому замыслу.

ПРИВЕТ СЭМ. ПРОСТО ЧТОБЫ ТЫ ЗНАЛ МНЕ УДАЛОСЬ ПЕРЕАДРЕСОВАТЬ ДЕНЕЖНЫЙ ПЕРЕВОД ТАРИГИАНА НА ВРЕМЕННЫЙ ТАЙНЫЙ СЧЕТ В НАШЕМ ОФФШОРНОМ БАНКЕ. ЭТОТ ПЕРЕВОД "МАГАЗИН" НЕ ПОЛУЧИТ.

-- КАРЛИ

Русская разведка отставала от США в технологии "стелс" и только в последнее время стала активно преследовать модернизированный, современный подход в развитии ПВО. Этому в значительной мере способствовало извлечение и продажа сбитого стелс-истребителя ВВС США F-117A во время войны 1999 года против Сербии. По сообщениям, сербы продали останки американского самолета непосредственно русским. С тех пор, русский авиаконструктор Сухой принялся использовать С-37 "Беркут" ("Золотой орел") в качестве испытательного полигона для разработки технологий следующего поколения военных самолетов. В конечном итоге С-37 превратился в современный Су-47.

Западная разведка полагает, что новый Су-47 — это стелс-истребитель. На сегодняшний день истина не известна ни США, ни Великобритании, и только некоторым лицам русской армии известно о положении дел. Стелс-истребитель существует, пусть и на стадии прототипа, и ему предназначено конкурировать с F-117A.

Су-47 имеет впечатляющий дизайн: крылья обратной стреловидности и непохожую на серию Су-27 форму. Конфигурация дает много преимуществ в аэродинамике на дозвуковых скоростях и больших углах атаки. Установленные в передней части утки¹⁷ имеют трапециевидную форму и нестандартно удалены от кабины, ближе к крыльям. Хвост самолета небольшой, но обтекаемый и необычной формы. Странная выпуклость за фонарем¹⁸, оснащена компьютерными системами. Самолет укомплектован двумя двигателями Д-30Ф6 и инфракрасным наведением на цель при помощи отслеживающего блистера, установленного в лобовой части фонаря. С размахом крыла почти в семнадцать метров и общей длиной в двадцать два с половиной метра, габариты Су-47 — идеальны для выполнения стелс-миссий.

Благодаря генералу Степану Прокофьеву один из прототипов стал доступен "Магазину". Он возглавлял команду разработчиков, которая была связующим звеном между Сухим и русской разведкой. Как только завод выпустил горстку прототипов, Прокофьев удостоверился, чтобы один из них "исчез" во время испытательного полета. На самом же деле он был украден и направлен в один из секретных ангаров "Магазина" в южной части России.

Единственным утешением, которое Андрей Здрок мог приписать катастрофе, случившейся на заводе подгузников в Азербайджане, был тот факт, что их Су-47 безопасно почивал в ином ангаре южной части России. Заменить самолет было чрезвычайно трудно, невыполнимо, утрата,

¹⁷"Утка" — аэродинамическая схема, при которой у самолета органы продольного управления (оперение) расположены впереди крыла.

¹⁸ Фонарь — прозрачная часть пилотской кабины.

которой Здрок не желал. Потеря оружия и оборудования стоимостью двадцать три миллиона долларов, а также сам завод в Баку, обошлась и без того плохо.

Он был в ярости.

За последние несколько дней произошло много странных вещей, и он был убежден, что это не было совпадением. Во-первых, нарушитель ворвался в банк и проделал дыру в его сейфе. Ничто не пропало, хотя Здрок был уверен, что документы, скорее всего, были сфотографированы и нанесен большой ущерб.

А теперь склад и фабрика были уничтожены. Кто это сделал? Первоначальные доклады его личных следователей показали, что к этому могут быть причастны "Тени". Весть ангар был завален литературой "Тирмы". Случайность или это было сделано с целью протеста на отказ "Магазина" вернуть деньги "Теням" за утраченную партию оружия?

Стук в дверь вытащил Здрока из водоворота мыслей.

— Войдите, — сказал он.

Это был Антипов. Мужчина вошел в комнату, перешагнул через развалины, которые по-прежнему лежали на полу, и закрыл дверь.

— Двое полицейских в норме, — сказал он. — Бронежилеты остановили пули. Ночной сторож настаивает, что человек, который заставил его воспользоваться сканером сетчатки был американцем.

Он протянул диск Здрок и сказал:

— Это с камеры на складе. Или то, что он него осталось. Думаю, вас это заинтересует.

Здрок взял диск и вставил в компьютер. Они начали смотреть видео.

Человек, облаченный в джебалу и тюрбан, входит через черный вход... Устанавливает гранаты... разбрасывает брошюры... и уходит.

— Кто он? — Спросил Здрок. — Он не американец.

— Как знать? Он явно арабский военный. И умышленно оставил брошюры "Тирмы". Это послание, Андрей. Таригиан шлет тебе послание.

— Чего же он хочет, проклятой войны? — вскипел Здрок.

Он вынул диск и вернул обратно Антипову.

— Я позвоню ублюдку.

Андрей взял телефон, сверился с папкой своего компьютера, и набрал номер Кипра.

— Да.

Это был Таригиан, также известный как Басаран.

— Это я, — сказал Здрок.

— Вы на безопасной линии?

— Конечно.

— Как поживаете, Андрей? — выдохнул Таригиан.

Его голос был уставшим и напряженным.

— Бывало и лучше.

— Почему, что стряслось?

— Что стряслось? А вы не знаете?

— Знаю что?

— Прошлой ночью наш объект на юге Баку был уничтожен. Одним из ваших людей.

— Что?

— Его засняла камера. Он повсюду разбросал дерьмо "Тирмы", поэтому нам известно, что это были вы.

— Ушам своим не верю! О чем вы говорите? Вы меня осуждаете?

Голос Таригиана звучал очень оскорбленным. Здрок учуял крысу. Парень был актером, в конце концов, он играл последние двадцать лет.

— Лишь немногим было известно об этом месте, — сказал Здрок. — И каждому из них я доверю свою жизнь. Кроме вас.

— Что вы такое говорите? Будто бы я каким-то образом повинен в этом?

— Мой друг, если вы полагаете, что вам сойдет это с рук, то вы горько ошибаетесь.

— Андрей, это выглядит, как будто бы нас подставили. Это был не я, клянусь.

— О? Быть может, это тот самый американский агент, о котором вы мне рассказывали?

Возможно, именно он проник в наш банк в Баку?

— Ваш банк в Баку? Об этом мне ничего не известно!

— Мы полагаем, что той же ночью в банк вломился американец.

— Ну, нет, я не думаю, что это был один и тот же человек. Мои люди сказали, что убили его. Он утонул в озере Ван. Также хочу сказать вам, той же ночью на объект в Ване было совершено проникновение. Мой телохранитель был травмирован. На сталелитейном заводе был замечен один оперативник, но ему удалось уйти.

Здрок был в ужасе.

— Таригиан, если этот человек был агентом ЦРУ или АНБ, и он заполучил какие-то ваши секреты, я не знаю, какой ущерб это причинит вам или вашей организации.

— Ради Аллаха, Андрей, мы на одной стороне!

— Мы ни на чьей стороне, кроме своей собственной. Вам известно это. Мне плевать, на ваш чертов джихад¹⁹. То, что вы задумали сделать с материалами, которые мы продавали вам на протяжении трех лет — глупость. Меня не удивит, если ваши люди обратятся против вас. Все,

¹⁹ Джихад — Борьба за веру (первоначально - борьба в защиту ислама и за распространение ислама, позднее - вооруженная борьба с иноверцами, газават, священная война)

что меня заботит — это бизнес. И кстати, почему не поступила оплата за возмещенную партию товаров, которую мы отправили вам? Деньги должны быть на счету этим утром, если помните?

— Что?

Голос Таригиана теперь был обеспокоенным.

— Деньги были переведены. Я лично отдал приказ.

— Их нет.

— Странно. Мне нужно...

— Это больше, чем странно, Таригиан. Советую вам все бросить и сейчас же разобраться с этим вопросом.

— Андрей, мы стараемся завершить наш проект. Вам известно, что у меня грандиозные планы на это строительство.

— Да, известно. И могу представить, что в данный момент у вас возникли проблемы с финансами. Но мне все равно. Докажите, что это эти ужасные вещи сделали не вы и заплатите.

Здрок, не дожидаясь ответа Таригиана, повесил трубку. Он посмотрел на Антипова и сказал:

— Итак, он полагает, что американец мертв? Девушка в Израиле по-прежнему молчит, значит, пришло время переубедить ее. Если же он на самом деле мертв, вскоре мы, наверняка, об этом узнаем.

Он снова поднял телефон и сделал звонок в Иерусалим.

* * *

— ПРОКЛЯТЫЙ Здрок, — сказал Таригиан Мертенсу, как только повесил трубку.

Они находились в личном офисе Таригиана внутри торгового комплекса на Кипре.

— Что теперь? — спросил Мертенс.

— Они давят на нас, — ответил Таригиан.

Он набрал другой номер и стал ждать.

— Алло, Хани?

На другом конце линии был глава финансов Таригиана:

— Да?

— Была ли произведена оплата "Магазину"?

— Вчера, сэр.

— Ты уверен?

— Конечно, уверен. Я сделал это лично.

— Они сказали, что не получили.

— Невозможно.

— Разберись с этим, ладно? В данный момент у меня предостаточно проблем.

— Да, сэр.

Таригиан повесил трубку и взглянул на Мертенса.

— Полагаю, вы снова хотите сказать мне, насколько безумен план.

Мертенс пожал плечами.

— На самом деле...

— Хорошо, профессор. Если Багдад не подходящая цель, тогда какая? И вы снова скажете — Израиль?

— Конечно! Поверить не могу, что вы так слепы. Тель-Авив или Иерусалим должны быть целью, потому как Израиль — ключевая мишень на Ближнем Востоке. Уничтожьте Иерусалим, и в регионе воцарится хаос. Это будет отмщением за убийство Джеральда Булла.

— Так вот в чем дело? Ваш бывший руководитель?

— Он был больше, чем руководитель. Он был моим наставником. Отцом.

— Нет доказательств, что Израиль ответственен за убийство Булла.

— Все указывает, что в этом повинен Моссад. Я был там. Работал с Джеральдом, когда это произошло. Я поклялся отомстить, и намерен это сделать.

— Нет, не с моими деньгами, — сказал Таригиан. — Только потому, что вы были правой рукой Джеральда Булла, не дает вам привилегий ставить под сомнение мои мотивы. Профессор, вы проделали с "Фениксом" прекрасную работу, но во имя Аллаха я не выношу неподчинение. Теперь, когда "Феникс" завершен, вы — расходный материал. Не забывайте об этом.

Холодные глаза Таригиана сверлили Мертенса, и бельгийский физик увидел (не в первый раз), почему многие люди уважают и боятся его. Таригиан обладал редким качеством — харизмой. Великие люди веками использовали харизму, чтобы влиять на других, независимо от того было ли то во имя добра или зла, и Таригиан не был исключением. Давным-давно он обольстил Мертенса, убедив бельгийца посвятить жизнь разработке и строительству оружия для "Теней". Оплата, конечно же, была дополнительным стимулом, наряду с защитой от бельгийских властей, которые разыскивали его с момента побега из психиатрической клиники.

Хотя Мертенса интересовали не только деньги. Работая над проектом Таригиана, Мертенс осуществлял цель, продолжая мечты Джеральда Булла, человека, научившего его всему, что знал сам. Мертенс не был мусульманином, его не заботили цели "Теней": выгнать Запад из Ближнего Востока и захватить Ирак. Он не испытывал лояльности к евреям, мусульманам или христианам. Он был предан Буллу и его гению. Мертенс задолжал Буллу исполнить пророчество.

— Очень хорошо, сказал Мертенс. — Мои извинения. Но вы должны знать, что многие не рады вашему замыслу. Они не согласны с вашим решением атаковать город в мусульманской стране.

— Вы случайно говорите не об Ахмеде Мухаммеде? — прорычал Таригиан. — Я разберусь с ним в свое время. Ахмед был моим другом и союзником на протяжении более двадцати лет. Если он недоволен, он получит свое. А теперь возвращайтесь к работе. Больше не хочу слышать ни слова. Я ожидаю, что "Феникс" будет полностью в рабочем состоянии завтра, и после обеда мы начнем проверку. Все ясно?

Мертенс слегка наклонил голову.

— Абсолютно.

Он поднялся и вышел из комнаты.

Мертенс шел темным, пустым коридором в свой кабинет, где его ожидал Генрих Эйслер, строгая деревяшка.

— Ну? — спросил Эйслер.

— С меня довольно Насира Таригиана и "Теней", — ответил Мертенс. — Пришло время взять дело в свои руки. Я звоню Мухаммеду.

САРА вытерла слезы с лица, медленно поднялась с койки и вяло пошла в ванную. В грязном зеркале она увидела отражение испуганной девушки. Красные глаза, жирные волосы, да и макияж уже давно стерся. Сара не принимала душ уже несколько дней, какой в этом смысл? Голод ее больше не беспокоил, но она чувствовала сильную слабость. Это был лишь вопрос времени, как долго она сможет так просуществовать.

На протяжении многих лет она знала о похищениях на Ближнем Востоке. Такие истории часто показывали по CNN и печатали в газетах. Похищали американцев, находившихся там по работе или на военной службе. Иногда заложников спасали... но чаще нет.

Что же эти ублюдки в итоге с ней сделают? До сих пор они не причиняли ей физической боли, хотя этот гаденыш Влад был близок к этому. Она ненавидела Элая, но он по-своему ее защищал. Кто знает, что эти русские сделали бы с ней, если бы Элая не было рядом.

Несколько раз она уже хотела сказать им, как связаться с ее отцом. Сара не желала втягивать его, хотя и предполагала, что он мог вытащить ее отсюда. Если верить Элаю, ее отец был каким-то правительственным шпионом и у него есть возможности спасти ее. Возможно, он мог бы привести войска, и отправить этих ублюдков напрямик в ад.

С другой стороны, он нужен был похитителям, значит, это не лучший вариант. Она заметила, с какой ненавистью и злобой они упоминают об отце. Очевидно, что она была приманкой и когда отец придет за ней, они его убьют. Сара решила не допустить этого.

Сколько прошло дней? Она уже потеряла им счет. Только теперь ей пришла мысль о том, что с каждым минувшим днем ей нужно было чем-то делать отметки на стене, как в фильмах про заключенных. Она знала, что была здесь меньше недели, но больше четырех дней. Если бы не похищение, она была бы сейчас дома. Она бы попрощалась с Ривкой и ее семьей и...

Ох, Ривка.

Случившееся с подругой не давало Саре покоя и терзало в глубине души. Это все ее вина. Если бы она не была подругой Ривки, девушка была бы жива. Сара как-то спросила Элая, что с ней случилось. Как она умерла? Элай отказался отвечать. Сказал, что знает лишь то, что она мертва. Сара спросила, был ли Ноэль причастен к этому, а Элай лишь пожал плечами. Как он может быть таким безразличным? Почему они сделали это? Сара и Ривка дарили им свои тела, любовь, преданность. Она обсуждала с Элаем совместное проживание в Нью-Йорке и даже женитьбу. Может и Ривка с Ноэлем поступали также? Может он также убедил ее довериться ему и верить в их совместное будущее?

Ублюдки.

Сара покончила с делами в ванной, поковыляла обратно и легла на койку. Она услышала знакомый стук в дверь. Снова Элай. Он повернул ключ в замке и открыл дверь. Она не смотрела на него, но чувствовала его присутствие.

— Хочешь что-нибудь съесть? — спросил он.

Она не ответила.

— Давай, Сара. Тебе лучше поесть. Тебе... тебе нужны силы.

Сара игнорировала его.

— Послушай, Сара, нам поступили новые распоряжения. Владу и Юрию было приказано действовать более жестко. Это твой последний шанс. Тебе нужно сказать то, что нам нужно. Где твой отец? Как с ним связаться?

Ее молчание разозлило его. Элай схватил ее за волосы и притянул к себе. Она вскрикнула и он заорал:

— Черт возьми, Сара! Скажи мне! Я не отвечаю, что они с тобой сделают!

Слезы хлынули из глаз, и она их закрыла. Теперь ей не придется смотреть на него.

Он отпустил ее, и она, рыдая, зарылась в одеяло.

— Сара, — он заговорил немного мягче. — Влад и Юрий... они придут сюда и заставят тебя говорить. Я уверен, они тебя заставят. Пожалуйста, скажи нам то, что нам нужно.

Она что-то пробормотала.

— Что? — спросил он.

Она подняла голову и спокойно сказала:

— Гори в аду.

Элай вздохнул, подошел к двери и сказал:

— Мне очень жаль, Сара.

И ушел.

Теперь Сара по-настоящему испугалась. Что эти двое с ней сделают? Пожалуйста, Боже, только не изнасилование. Только не это.

Она почувствовала движение в комнате и услышала, как распахнулась дверь. Сара взглянула вверх, Влад и Юрий стояли возле койки. Влад держал моток веревки. У Юрия был ящик с инструментами.

— Привет, принцесса, — сказал Влад. — Готова повеселиться с нами?

Адреналин переполнил тело Сары, она спрыгнула с койки побежала в ванную. Влад поймал ее за талию и швырнул обратно. Сара тяжело упала, сломав койку.

Влад размотал веревку.

* * *

КАРЛИ Сент-Джон наконец-то выпалась, проведя два дня над взломом банковских счетов Таригиана и Здрока. Теперь у нее новое срочное задание. Ламберт передал ей цифровые файлы телефонных разговоров, которые Сэм Фишер записал в Турции, их нужно было соединить воедино. Это означало, что нужно взять части с разговорами, обработать их и вернуть обратно, потому как собеседники говорили невнятно.

Субъектами были Насир Таригиан, известный как Намик Басаран и неизвестный подчиненный. Они говорили на фарси. После того, как расшифровщик Третьего Эшелона перевел диалог на английский, Карли услышала разговор...

ЧЕЛОВЕК: "Разве "Магазин" не видит, что это не наших рук дело?"

ТАРИГИАН: "Нет, "Магазин" не видит, Здрок слеп ко всему, кроме своего маленького мира".

ЧЕЛОВЕК: "Давайте проясним. На фабрику подгузников кто-то напал..."

ТАРИГИАН: "Араб".

ЧЕЛОВЕК: "...и он разнес здание".

ТАРИГИАН: "И повсюду оставил следы «Тирмы»".

ЧЕЛОВЕК: "Кто-то явно хотел создать разлад между вами и «Магазином»".

ТАРИГИАН: "Разлад уже был до этого. Они просто расширили его".

ЧЕЛОВЕК: "Я предлагаю вам заверить их, что это была работа извне. Кто-то вас подставил".

ТАРИГИАН: "Я говорил это, но он не слушал. А теперь еще и на звонки не отвечает. Проклятье, разве он не знает кто я?"

ЧЕЛОВЕК: "Хани выяснил, что произошло с денежным переводом?"

ТАРИГИАН: "Нет. Мы отправили деньги. Согласно отчету Хани, перевод был успешно осуществлен на счет Здрока в Швейцарском банке. Тем не менее, Здрок утверждает, что ничего не получал".

ЧЕЛОВЕК: "Вы же отдали приказ на перевод?"

ТАРИГИАН: "Конечно!"

ЧЕЛОВЕК: "Тогда зачем ему лгать?"

ТАРИГИАН: "Он зол, что первая партия оружия была конфискована в Ираке. Полиция арестовала всех с поличным. Ахмед и его люди пытались осуществить операцию по изъятию оружия, но потерпели неудачу. Мы стиснули зубы и заплатили за новую партию. Но Здрок утверждает обратное".

ЧЕЛОВЕК: "Он доставляет оружие, а затем берет деньги, верно?"

ТАРИГИАН: "Да. Его жест доброго самаритянина. А теперь он хочет свои треклятые деньги вчера".

ЧЕЛОВЕК: "Вероятно, он полагает, что вы хотите вышвырнуть его из бизнеса".

ТАРИГИАН: "Да, возможно, именно так он считает".

ЧЕЛОВЕК: "Наверняка азербайджанская полиция кого-нибудь поймает".

ТАРИГИАН: "Как бы ни так, глупец. СМИ уже обвинили в этом «Теней». Али отрицает причастие, но тебе ведь известно, что уже поздно".

ЧЕЛОВЕК: "И что теперь?"

ТАРИГИАН: "Ему лучше принести извинения за свое поведение и снять обвинения. И не стоило взимать с нас плату за новую поставку. Этот парень миллиардер, он может себе это позволить".

Карли услышала стук в дверь.

ТАРИГИАН: "Войдите".

ДРУГОЙ ЧЕЛОВЕК: "Вас ждут в центре управления".

ТАРИГИАН: "Сейчас приду".

И на этом разговор оканчивался. Второй файл состоял из короткого диалога между Таригианом и тем же человеком.

ТАРИГИАН: "Филлипинцы ведут себя так, будто они находятся на Западе. Безбожное стадо".

ЧЕЛОВЕК: "Влияние «Теней» изменит ход вещей".

ТАРИГИАН: "Власти не могут отрицать, что ислам разрастается на Дальний Восток. Наши отделения на Филиппинах и Индонезии скоро нанесут удар, а до тех пор... " (помехи).

ЧЕЛОВЕК (помехи): "... и США ослабеют".

ТАРИГИАН: "Их заботят только деньги. Я ударю их в больное место и буду продолжать бить. Пошли, начнем беспокоиться о Дальнем Востоке после завершения проекта «Феникс»".

И на этом файл оканчивался.

Загудел интерком. Она нажала кнопку "Разговор" и сказала:

— Да?

— Что думаешь?

Это был Ламберт.

— Выглядит проще, чем кажется, — ответила она. — Есть с чем поработать.

— Звучит убедительно. Я скажу Сэму, что нам нужно больше материала, если ты не сможешь собрать все воедино...

— Не волнуйтесь, шеф, я справлюсь. Пиццу еще не привезли?

Ламберт засмеялся.

— Для такой крошки, ты ешь немало.

— Клетки моего мозга требуют питания — они высасывают всю пищу.

— Пиццу принесут минут через пять.

— Дайте мне знать, умираю с голода.

Карли убрала палец с кнопки и вернулась к компьютеру. Иногда работа была такой как эта и она никогда не уходила домой. В офисе у нее были постельные принадлежности. Бывали такие времена, когда она чувствовала, что вернулась общежитие Гарварда.

Она вспомнила все бессонные ночи, когда ей удавалось уснуть на час или два, а затем снова принималась за книги. Во время выпускных экзаменов она не покидала комнату.

Ее мама постоянно жаловалась, что Карли не вышла замуж и не ходила на свидания. Если бы ее матери было известно, ведь Карли занята спасением страны и не хватает времени или желания с кем-то видаться, может, тогда женщина оставила бы ее в покое. Конечно, зная свою маму, та вероятно скажет, что "остепениться и воспитывать семью" более важно. Нет, спасибо. Карли довольствовалась безбрачной жизнью и погружалась в работу. Если уродливая голова человеческих потребностей когда-нибудь поднимется, она не опустится до того, чтобы подцепить какого-нибудь скрягу на ночь. Для нее слово обязательство было непристойным.

Когда доставили пиццу, она вернулась в офис с полной тарелкой. Карли никогда не сидела с другими сотрудниками в комнате отдыха.

Ее не волновала репутация отшельницы. Ламберт знал правду, остальное не в счет.

Карли приступила к работе, обрезая речь на фразы. Если слово или фразу нужно было повторить, она делала копию и создавала новый файл. Прошло не так много времени, прежде чем все кусочки головоломки встали на свои места и образовали общую картину.

Четыре часа спустя она вызвала Ламберта к себе в кабинет. Он вошел, сел, и почесал макушку.

— Послушайте вот это, — сказала она.

Манипулируя мышью, она нажала что-то на компьютере.

ТАРИГИАН: "Здрок слеп ко всему, кроме своего маленького мира. Он зол, что первая партия оружия была конфискована в Ираке. Полиция арестовала всех с поличным. Ахмед и его люди пытались осуществить операцию по изъятию оружия, но потерпели неудачу. Мы стиснули зубы и заплатили за новую партию. Но Здрок утверждает обратное".

ЧЕЛОВЕК: "Вероятно, он полагает, что вы хотите вышвырнуть его из бизнеса".

ТАРИГИАН: "Да, возможно, именно так он считает".

ЧЕЛОВЕК: "Вы же отдали приказ на перевод?"

ТАРИГИАН: "Как бы ни так, глупец".

ЧЕЛОВЕК: "Влияние «Теней» изменит ход вещей".

ТАРИГИАН: "«Магазин» ведет себя так, будто они находятся на Западе. Безбожное стадо. Их заботят только деньги. Я ударю их в больное место и буду продолжать бить".

ЧЕЛОВЕК: "Давайте проясним. На фабрику подгузников кто-то напал..."

ТАРИГИАН: "Разлад уже был до этого. Мы просто расширили его".

ЧЕЛОВЕК: "Араб..."

ТАРИГИАН: "Я отправил его... (помехи)... и повсюду оставил следы «Тирмы»".

Запись остановилась. Карли взглянула на Ламберта и подняла брови.

— Ну, что?

Ламберт улыбнулся.

— Думаю, сработает. Перешли файл Сэму.

Я получаю от Карли файл подделанной беседы между Таригианом и его подручным, и он просто великолепен. Карли также присылает второй файл с английским переводом. Ребята Третьего Эшелона знают свое дело. Это, должно быть, чрезвычайно сложно воссоздать разговор, не зная языка, но Карли Сент-Джон просто замечательна. Должен признать, я нахожу ее привлекательной. Эта крошка весьма проникательна. Хотя я никогда не предпринимал в ее отношении никаких шагов. Вы, наверное, подумаете, что с моими непостоянными отношениями с женщинами было бы неплохо видаться с кем-то в одном агентстве. По крайней мере, она понимает мою работу, и не будет рисковать из-за того, что знает меня.

Стоит об этом подумать.

В данный момент, мне нужно отправить Андрею Здроку мой небольшой презент. Я удивился, когда нашел в Баку булочную через дорогу от его банка, и решил, что это отличное место для наблюдения. Я сажусь за столик в углу, завтракаю, и читаю газету так, чтобы смотреть в окно на улицу. Владелец заведения, кажется, не против, что я долго околачиваюсь здесь, заказывая одно лишь кофе. В конце концов, в начале одиннадцатого, я вижу, как он выходит из "Мерседеса" у парадного входа банка. Здрок одет как всегда строго. Когда "Мерседес" отъезжает, Здрок не входит в здание. Он разворачивается и смотрит в моем направлении, пересекает улицу, направляется в булочную. Дерьмо. Возможно, Здроку известно, как я выгляжу. Камера Таригиана засняла мое лицо во время первого визита в его офис. Парень мог переслать фото Здроку.

Я встаю и направляюсь в уборную. Здрок входит в магазин, как только я прохожу через дверь. Зайдя в кабинку, я жду несколько минут, чтобы удостовериться, что он сделал нужную ему покупку и ушел. Я подхожу к двери и осторожно приоткрываю ее.

Черт, он направляется сюда! Тут я уже ничего не могу сделать, поэтому подхожу к раковине и начинаю мыть руки. Дверь распаивается, и входит Здрок. Я вижу в его руке какое-то липкое кондитерское изделие, которое он с жадностью поедает. Встав позади меня, он ждет, когда я отойду от раковины, чтобы помыть испачканные руки.

Отходя от раковины, я киваю и улыбаюсь, не поднимая глаз. Как только он начинает мыть руки, я беру пару бумажных полотенец. Чувствую его взгляд через зеркало — на самом деле, он просто тарашится. Нужно быстро выбираться отсюда. Закончив вытирать руки, я выхожу из уборной.

— Я вас знаю? — спрашивает он на русском.

Я останавливаюсь. Мой русский не идеальный, но я могу на нем говорить.

— Вы что-то хотели? — спрашиваю я.

— Вы были на днях в моем банке? — снова интересуется он.

Что он имеет в виду?

— Извините?

— Разве не вас я вдел в банке? Через дорогу. В тот день вы стояли у справочного стола.

Фух, так вот в чем здесь дело.

— Хм, да был.

Здрок улыбнулся.

— Я — Андрей Здрок, директор банка. Если я могу вам чем-то помочь, пожалуйста, дайте мне знать.

Я киваю и говорю: "Спасибо", а затем смущенно ухожу. Я прохожу через булочную и выхожу в двери. Сворачиваю влево, целеустремленно удаляюсь от банка в надежде, что Здрок не следует за мной. Маловероятно, однако, я не хочу рисковать.

Я останавливаюсь у киоска и притворяюсь, будто рассматриваю журналы, продолжая следить за булочной. Спустя какое-то время я вижу, как Здрок выходит, пересекает улицу и направляется к банку. Он не смотрит в мою сторону. Вероятно, он уже позабыл о нарушителе. Так или иначе, я рассчитываю на это.

Как только он входит в здание, я возвращаюсь вниз по улице и вхожу в старомодную телефонную будку. Эти реликвии во многом напоминают те, что были когда-то в Америке, но в Европе их по-прежнему можно найти.

Я зажимаю телефонную трубку между головой и плечом и активирую ОПСАТ. С его помощью я могу послать почту в любой уголок мира, пока связи со спутником ничто не препятствует. Снаружи связь лучше, но в некоторых зданиях он также неплохо работает. Однако в данный момент я не хочу рисковать. Мне нужно, чтобы Здрок получил письмо.

Его адрес хранится в ОПСАТе, поэтому оправить файл Карли не сложная процедура. Само сообщение я печатаю по-русски: "Думаю, вы найдете занимательным прикрепленный файл с разговором". Я подписываюсь: "Друг" и отправляю.

Я выхожу из телефонной будки и направляюсь назад, где двумя кварталами ранее я припарковал "Пажан". Сажусь внутрь, одеваю наушник и слушаю жучок в офисе Здрока. Сначала слышны одни лишь помехи. Спустя несколько минут, я слышу, как кто-то входит в комнату, затем скрип кресла, когда в него садятся.

Здрок поднимает телефон и делает звонок.

— Иван, выясни, где сейчас генерал Прокофьев. Мне нужно с ним поговорить, — говорит он.

Это Здрок, отлично. Он вешает трубку, и я слышу, как он что-то печатает на клавиатуре. Хорошо. Может, он проверит электронную почту. Наступает несколько минут тишины, а затем из динамиков компьютера громко и четко слышен файл Карли.

ТАРИГИАН: "Здрок слеп ко всему, кроме своего маленького мира. Он зол, что первая партия оружия была конфискована в Ираке. Полиция арестовала всех с поличным. Ахмед и его люди пытались осуществить операцию по изъятию оружия, но потерпели неудачу. Мы стиснули зубы и заплатили за новую партию. Но Здрок утверждает обратное".

ЧЕЛОВЕК: "Вероятно, он полагает, что вы хотите вышвырнуть его из бизнеса".

ТАРИГИАН: "Да, возможно, именно так он считает".

ЧЕЛОВЕК: "Вы же отдали приказ на перевод?"

ТАРИГИАН: "Как бы ни так, глупец".

ЧЕЛОВЕК: "Влияние «Теней» изменит ход вещей".

ТАРИГИАН: "«Магазин» ведет себя так, будто они находятся на Западе. Безбожное стадо. Их заботят только деньги. Я ударю их в больное место и буду продолжать бить".

ЧЕЛОВЕК: "Давайте проясним. На фабрику подгузников кто-то напал..."

ТАРИГИАН: "Разлад уже был до этого. Мы просто расширили его".

ЧЕЛОВЕК: "Араб..."

ТАРИГИАН: "Я отправил его... (помехи)... и повсюду оставил следы «Тирмы»".

Хотелось бы увидеть лицо Здрока. Вероятно, он сидит с разинутым ртом. В комнате снова воцаряется тишина. Он не двигается. Надеюсь, Здрок шокирован. Через несколько минут он снова проигрывает файл. Затем снова тишина. Он проигрывает его в третий раз и поднимает трубку телефона.

— Иван, ты уже нашел генерала Прокофьева? Ну, скорей?

Он вешает трубку. Слышно как он что-то печатает. Возможно, Здрок пересылает файл всем своим друзьям в России или где они там околачиваются.

Минуту спустя звонит телефон. Он отвечает:

— Да?

Я включаю в ОПСАТе режим записи и слушаю.

— Генерал, где вас носило, черт возьми? — спрашивает он. — Понятно. Где самолет? Да, наш самолет, вы думаете что я...? Да. Понятно. Послушайте, что вы должны сделать. Мне нужен авиаудар по "Акдабар Интерпрайзес" в Ване, Турция. Да, я осознаю, что делаю. У меня есть доказательства, что "Тени" надули нас. Они никогда не переводили деньги и не собирались этого делать. И теперь мне известно, что они стоят за происшествием в ангаре Баку. Да. Я прислал вам почту, вы не получили? Ну, так проверьте, черт возьми! Я подожду.

Наступает несколько минут тишины, однако я слышу тяжелое дыхание Здрока. У парня, наверняка, подскочило давление.

— Я здесь, — говорит он. — Получили? Прослушайте файл. Я подожду.

Снова дыхание. Кашель.

— Ну? Видите? Нет, нет, я просто хочу... генерал, это не обсуждается. Это мои приказы. Направьте самолет в Турцию и разбомбите к чертям объект. Я хочу, чтобы это было сделано сегодня. Именно. Держите меня в курсе. Спасибо, генерал!

Здрок вешает трубку, и я слышу, как он поднимается и выходит из комнаты.

Я останавливаю запись и снова проигрываю файл. Его голос звучит четко. Он сказал то, что нужно и это прекрасно. Похоже, что сегодня люди Таригиана увидят фейерверк. Жаль, что главной шишки там не будет. Мне известно, что сейчас он на Кипре. Карли легко раздобыла адрес его почты, я подготавливаю файл и печатаю по-русски то же самое сообщение: "Думаю, вы найдете занимательным прикрепленный файл с разговором". Снова подписываюсь: "Друг" и отправляю Таригиану. Когда я уезжаю с площади Фонтанов и направляюсь в свой плавучий отель, металлический голос Ламберта звучит у меня в ухе.

— Сэм? Ты здесь?

Я нажимаю имплант у горла и говорю:

— Я здесь, полковник.

— Работа в Азербайджане окончена, Сэм, — говорит он. — Ты раздобыл достаточно доказательств, чтобы мы выступили против "Магазина". Мы следуем за сетью Швейцарско-русских банков в Баку и Цюрихе. Мы также готовимся выступить против Насира Таригиана. Хорошая работа.

Я говорю Ламберту о разговоре, который записал.

— Вскоре он нанесет урон операции Таригиана в Турции, — говорю я. — Стоит предупредить турецкие ВВС. Если они засекут самолетик, который может переносить бомбы, они смогут убить двух зайцев одним выстрелом. Пусть "Магазин" делает задуманное, а затем собьем их самолет.

— Хорошая идея, так и сделаем. Послушай, Сэм. Я хочу, чтобы ты отправился на Кипр. Нам необходимо точно знать, что задумал Таригиан. В данный момент известно лишь то, что он строит торговый центр на севере, однако он что-то скрывает.

— Согласен.

— Направляйся в американское посольство на улице Азадлыг в Баку. Разыщи нашего человека по имени Джордж Тутелиан, он предоставит транспорт, который вывезет тебя из страны. Мы отправим тебя самолетом в Тель-Авив, а затем на Кипр. Тутелиан ожидает тебя. Я свяжусь с тобой, как прибудешь в Тель-Авив. Счастливого пути.

— Спасибо, полковник.

Он отключается, когда я подъезжаю к отелю. Мне нужно освободить номер и направляться в посольство, но я проголодался и сперва хочу перекусить. Зная эффективность наших посольств, они сначала посадят меня в самолет, а уж потом накормят.

Мой ОПСАТ жужжит, и я проверяю входящее сообщение. Оно закодировано и мне известно, что... Боже, оно от Сары! Она впервые использует этот номер, чтобы связаться со мной.

На экране появляются слова, и мое сердце замирает. Я чувствую, как растет страх, угрожающий перерасти в полномасштабную панику. Мне хочется оторвать ОПСАТ и швырнуть в Каспийское море. Я хочу проклинать небеса, за то, что позволили этому произойти.

В сообщении говорится:

ТВОЯ ДОЧЬ У НАС. ГДЕ БЫ ТЫ НИ БЫЛ, У ТЕБЯ 72 ЧАСА ПРИЕХАТЬ В ИЕРУСАЛИМ.

Далее в сообщении говорится, чтобы я позвонил на указанный номер, когда приеду и заканчивается:

БЕЗ ШУТОК, ЕСЛИ ХОЧЕШЬ СНОВА УВИДЕТЬ ЕЕ ЖИВОЙ.

Одним из преимуществ "Магазина" является то, что в их организации главенствующую позицию занимает высокопоставленный русский генерал, возможности которого позволяли доставлять и совершенствовать военное оборудование. Когда прототип стелса Су-47 был представлен Здрок, самолет все еще находился на стадии, в которой возможно было внести изменения. Самолет задумывался для переноса ракет класса "воздух-воздух": Р-73 (АА-11 "Лучник") или Р-77 (АА-12 "Гадюка"). Однако Здрок решил, что для "Магазина" будут более полезны ракеты "воздух-земля", и попросил генерала Прокофьева приспособить Су-47 стрелять тактическими ракетами.

Советы отставали в разработке ракет класса "воздух-земля". Первая, представленная в конце 1960-х, называлась Х-66 "Гром", твердотопливная, радиоуправляемая ракета внешне походила на американскую "Булл-пап". В 1980-х вышла серия Х-25, модульное оружие, что позволило установить различные системы наведения, включая радио и лазерные поисковые системы. Х-25 уступила дорогу большей Х-29, еще одной твердотопливной ракетой "воздух-земля".

Ракета была разработанная конструкторским бюро "Молния", по классификации НАТО AS-14 "Kedge". Х-29 была спроектирована для переноски небольшими и средними тактическими самолетами: МиГ-27, Су-17, Су-24 и МиГ-29; и разработана против укрепленных целей. Носовая часть была усилена и боеголовка стала весить как полракеты. Сегодня производятся ракеты трех типов: лазерного наведения Х-29Л, телевизионного Х-29Т или теплового самонаведения Х-29Д. Все три типа активно экспортируются и встречаются во всем мире.

Генералу Прокофьеву показалось, что самолет легче всего приспособить к Х-29Л с головкой самонаведения 24Н1.

При весе около 657 килограмм, минимальная дальность полета ракеты составляет 1,000 метров, а максимальная 8,000. Развивая скорость 180 километров в час, эта штука быстра и смертоносна. "Магазин" содержал три секретных ангара для Су-47: первый, тот, что был уничтожен, в Баку; второй, южнее Москвы, в крошечной деревне Волово; третий, южнее Киева, в деревушке под названием Обухов. Стелс-истребитель находился в третьем ангаре, когда поступили приказы атаковать "Акдабар Интерпрайзес". Самолет был частью жизни Дмитрия Мазура — летчика "Магазина". Рядом с каждым из трех ангарах у него были помещения для жилья, которые он занимал, куда бы ни отправлялся самолет. И до следующего задания Дмитрий нянчился с самолетом.

После того, как тремя часами ранее Здрок отдал приказы атаковать "Тени", Мазур оторвал Су-47 от взлетной полосы и поднялся на высоту 3,000 метров, пока не удалился на достаточное

расстояние от Киева. Через десять минут самолет набрал высоту 9,000 метров и повернул в направлении юго-восточной части Турции. Во время полета Мазур поддерживал связь с центром управления Обухова, но фактически он был предоставлен самому себе. Мазур использовал план полета, подготовленный ранее, который служил ему навигатором. Если он попадет в переделку, то согласно уставу, Мазур должен взорвать самолет, активировав механизм самоуничтожения. Для этого Прокофьев установил на самолет взрывчатку, потому как он не мог позволить русскому правительству заполучить Су-47.

Пилот Мазур знал инструкции, которые под воздействием определенных происшествий, заставят его катапультироваться. Однако он не знал, что генерал Прокофьев наладил систему так, чтобы пилот не смог катапультироваться, тем самым, разделив участь самолета. Мера предосторожности для обеспечения сохранности "Магазина" и отвода подозрений от директоров.

Стоит правительству обнаружить фрагменты самолета, и все спишут на один из многочисленных и таинственных бюрократических беспорядков, произошедших во времена развала Советского союза. К счастью, Су-47 до сих пор прекрасно справлялся. Большинство заданий сводилось к поставке небольших партий оружия. Лишь однажды пришлось действовать агрессивно, и в результате были уничтожены база и склады конкурента, отказавшегося сотрудничать с "Магазином".

Мазур полагал, что неразумно лететь днем, но кто он такой, чтобы оспаривать приказ? Тем не менее, он с нетерпением жаждал размять "мышцы" самолета. Наслаждался отдачей, когда выпускались ракеты и радовался грохоту взрыва. Но по-настоящему Мазур хотел выстрелить ядерной бомбой. Он мог подлететь над целью, сбросить бомбу и незаметно умчаться. "Магазин" еще не приобрел ядерную бомбу, но ракет Х-29 было в избытке и они были достаточно мощны. Су-47 переносил четырнадцать ракет "воздух-воздух", но поскольку, самолет был модифицирован, то вмещал десять ракет "воздух-земля". Достаточно, чтобы уничтожить небольшое поселение.

Самолет вошел в воздушное пространство Турции, и Мазур сразу же связался с центром управления Обухово, сообщив, что область поражения будет в зоне видимости через полчаса.

Турецкие ВВС активно патрулировали восточную часть страны из-за близости Ирака, им часто приходилось иметь дело с КРП²⁰. Как бы то ни было, самолет-стелс не совсем невидимый, поэтому Мазуру предстоит быть чрезвычайно осторожным, и избегать другие самолеты. Цель технологии "стелс" — сделать самолет невидимым для радара. Существует два

²⁰КРП (Курдская рабочая партия) — военно-политическая организация с боевыми структурами, борющаяся за политические права курдов в Турции и создание курдской автономии в составе Турецкой республики; включена в список террористических организаций в таких странах и организации как ООН, Великобритания, и США.

различных способа создать невидимость: первый, самолет может иметь такую форму, чтобы отражать любые сигналы радара в сторону от излучателя; второй, самолет может быть покрыт материалом, поглощающим радарные сигналы. Большинство самолетов имеют округлую форму. Такая форма делает их аэродинамическими, но также создает эффективный радиолокационный излучатель. Это означает, что в какое бы место самолета ни попал сигнал радара, какая-то часть сигнала отразится обратно.

Самолет-невидимка, имеет совершенно плоские поверхности и очень острые края. Сигнал радара, при попадании на самолет, отражается в сторону под иным углом. К тому же, покрытие самолета может поглощать энергию сигнала. В итоге, самолет-невидимка имеет радиолокационную сигнатуру небольшой птицы. Единственное исключение — вираж самолета; будет возникать момент, когда какая-нибудь панель самолета будет идеально отражать импульсы радиолокационной энергии обратно к антенне.

Мазур снизился до 6,000 метров, а затем до 3,000, приближаясь к Вану. Он направил самолет в сторону озера и снизился еще на 1,500 метров. А теперь, что бы он ни делал, самолет будет виден с земли, однако, прежде чем кто-либо успеет отреагировать, он быстро выпустит залп.

Су-47 низко летел над "Акдабар Интерпрайзес", Мазур мог различить огромные сталелитейные заводы, трубы, взлетную полосу, и множество небольших зданий, размером с букашек. Сначала Мазур прицелился на большое здание и выпустил подряд две ракеты Х-29. Отдача изумительно ощущалась в кабине. Ракеты угодили в цель (как тут было не попасть?) и самолет взмыл вверх, как только взрывы внизу поглотили все место.

Мазур накренился и сделал круг для еще одного захода. На этот раз он взял на прицел административные здания на побережье. Компьютер зафиксировался на цели и Мазур открыл огонь. Это было прямое попадание, превратившее офис Таригиана в месиво из огня и обломков. Следующим в списке было здание "Тирмы". Он получил четкие указания убедиться и поразить особняк белого цвета.

Мазур летел над озером, накренился, и приблизился к зданию с другой стороны. Вылетела четвертая ракета и угодила прямо в центр штаб-квартиры "Тирмы".

Мазур видел, как десятки людей бегут по земле и собираются в центре внутреннего двора. Были ли то солдаты или гражданские он этого не знал, и ему было все равно. Мазур выпустил ракету номер пять прямо во внутренний двор, уменьшая штатный состав "Акдабар" по крайней мере, на сорок процентов.

Шестая ракета угодила в часть огромного сталелитейного здания, все еще нетронутого огнем. А теперь все сооружение было уничтожено, обрушиваясь в огненной куче почерневшего металла. Мазур выстрелил седьмую ракету в ряд небольших гаражей, из-за чего огонь

распространился на газоны комплекса. Восьмая ракета разнесла главные ворота и КПП, где несколько охранников, старались сбить самолет жалкими пистолетами.

Мазур решил, что дело сделано. У него все еще были две ракеты, однако комплекс был покрыт черным дымом. И цели не были видны.

Мазур связался с базой и доложил о выполненной миссии. Прежде чем развернуться и направиться на север, начал пикать пассивный радар, что-то находилось в воздухе рядом с ним. Судя по экрану, четыре самолета приближались с запада. Что за черт?

Мазур снова сделал вираж над озером, разворачиваясь лицом к врагу.

Истребители Ф-16С ВВС Турции летели прямо к нему. Вторая штаб-квартира ВВС Турции в Диярбакире получила сообщение, что самолет с вражескими намерениями будет в турецком пространстве возле города Ван. К сожалению, на военно-воздушной базе у горы Арарат размещались одни вертолеты, поэтому истребителям пришлось лететь с ближайшей базы.

К тому времени, как были получены приказы, и истребители были готовы, они опоздали всего на несколько минут, но остановить врага от побега было еще не поздно.

Мазур выдохнул и взмыл вверх, желая скрыться от них. Он набрал высоту и направился на север, но истребители висели на хвосте. Пилот не был готов к такой ситуации. Впервые в жизни его охватил страх.

Одновременно прозвучали две тревоги. Истребители выпустили две AIM-9X "Сайдуайндер".

Маневр уклонения! Маневр уклонения! Мазур изо всех сил старался сохранять спокойствие и помнить о своих действиях в экстренном случае, но тревоги были слишком громкие. Он не мог сосредоточиться. Паника охватила Мазура, когда он ввел самолет в пике, надеясь, что сможет перехитрить ракеты и заманить их в озеро. Су-47 опустился опасно низко, возможно, до 30 метров от поверхности, Мазур потянул вверх и выровнял самолет. "Сайдуайндеры" тщетно старались скорректировать свои траектории. Они врезались в озеро подобно метеорам, взрываясь при контакте. Два огромных гейзера вырвались в небо, не навредив врагу.

Мазур снова набрал высоту. Теперь это было лишь вопрос опережения истребителей. Но прежде, чем он успел взяться за рычаг управления дроссельной заслонкой и улететь прочь, снова зазвучали сигналы тревоги. На этот раз еще две AIM-9X на курсе столкновения с самолетом рассекали воздух. Мазур свернул и успел увернуться от первой ракеты, но при этом полетел прямо на вторую.

К сожалению, для пилота, Су-47 был прототипом на стадии доработки и теплоотвод не был усовершенствован. Самолет-невидимка с такой "способностью" мог перехитрить ракету с тепловым наведением. Однако возможности новой AIM-9X по сравнению с AIM-9 были расширены, путем разработки тепловой головки, формирующей тепловое изображение в

фокальную плоскость объектива, корпуса с высокими эксплуатационными характеристиками и сигнального процессора для головки. Су-47 пришел конец.

Удар сильно встряхнул Мазура, и он услышал гул в ушах. Почувствовал, как самолет эффектно падает, небо за ветровым стеклом кабины стало размытым. Визжали аварийные сигналы и вокруг мигали лампочки, говоря о том, что самолет обречен.

Катапультироваться! Необходимо катапультироваться! Мазур слепо вцепился в ручку управления, и нажал кнопку.

Ничего не произошло.

Он боролся с механизмом, проклиная и крича. Неисправность? Не мог же это быть... саботаж?

Мазур не понял, как еще одна ракета "Сайдуйндер" была выпущена в самолет, пока он опрометчиво падал в озеро Ван. В мощнейшем взрыве, Су-47 с пилотом превратились в сто тысяч пылающих обломков, медленно порхающих в воду.

* * *

Последние три часа Таригиана не было в офисе, он наблюдал за установкой деталей "Феникса". Этим утром Альберт Мертенс осуществлял проверку системы наведения и обнаружил, что точность оружия отклонилась на шесть градусов. Это было неприемлемо. Мертенс клялся, что исправит проблему за шесть часов. Таригиан вернулся в свой личный кабинет, место, где он мог наедине с собой злиться и ругаться, и постарался расслабиться. Это была наряженная неделя. У него было дурное предчувствие насчет Мертенса, ничего хорошего не предвещала и его угроза. Таригиан решил, что лучшим решением будет ликвидировать Мертенса после завершения работы над "Фениксом".

Он сел за стол и посмотрел на экран компьютера. Иконка указывала, что со вчерашнего дня он получил десяток непрочитанных писем. Он проверил входящую почту и увидел, что в основном сообщения были от его лидеров комитетов. Не многим людям был известен его электронный адрес.

Однако одно письмо выделялось. Оно было от "Друга". Таригиан открыл письмо, в ожидании спама как увеличить пенис или как получить лекарства по рецепту. Вместо этого он увидел нечто, что отбросило его переживания от "Феникса". "Занимательный" разговор? Что это может быть? Он открыл прикрепленный файл и прослушал запись. Таригиан сразу же узнал голос, принадлежащий Андрею Здроку.

"Генерал, где вас носило, черт возьми? Понятно. Где самолет? Да, наш самолет, вы думаете что я...? Да. Понятно. Послушайте, что вы должны сделать. Я требую авиаудар по "Акдабар

Интерпрайзес" в Ване, Турция. Да, я осознаю, что делаю. У меня есть доказательства, что "Тени" надули нас. Они никогда не переводили деньги и не собирались этого делать. И теперь мне известно, что они стоят за происшествием в ангаре Баку. Да. Я прислал вам почту, вы не получили? Ну, так проверьте, черт возьми! Я подожду".

Затем последовала пауза, и снова послышался голос.

"Я здесь. Получили? Прослушайте файл. Я подожду".

Еще одна пауза и кашель.

"Ну? Видите? Нет, нет, я просто хочу... генерал, это не обсуждается. Это мои приказы. Направьте самолет в Турцию и разбомбите к чертям объект. Я хочу, чтобы это было сделано сегодня. Именно. Держите меня в курсе. Спасибо, генерал!"

Таригиан почувствовал, как бурлит его кровь. Чтобы убедиться, что это не сон, он снова проиграл файл.

Как по команде, раздался телефонный звонок. Он услышал дрожь в своем голосе и с этим он ничего не мог поделать.

— Алло.

— Это я.

Это был Надир Омар, руководитель военного комитета.

— Надир, я так рад, что вы позвонили. Я только что получил весьма странное...

— Вы сидите?

Обычно, Омар никогда не перебивал Таригиана.

— Да.

— "Акдабар Интерпрайзес" уничтожен.

Слова Омар звучали хуже, чем запись разговора. Таригиан почувствовал, как от лица отхлынула кровь.

— Вы там? — спросил Омар.

Таригиан откашлялся.

— Да.

— Вы слышали, что я сказал?

— Да. Я... мне известно.

— Нам не известно, кто это сделал. Или зачем. Но турецкие ВВС...

— Это был "Магазин", Надир. У меня есть доказательство.

— Что?

— "Магазин". Это были они.

— Нет. Я не верю.

Таригиан создал новое письмо, указал адрес Омара, прикрепил файл с разговором, и нажал "Отправить".

— Присылаю вам письмо. Послушайте вложение. А затем перешлите остальным главам комитета. Я... я вешаю трубку. Мне нужно побыть наедине.

— Что вы намерены делать?

— Поговорим позже.

Таригиан положил трубку и, ошеломленный, устроился в кресле.

Двадцать лет его жизни... развеяны как дым. Жизни его работников... сколько их было утрачено? Слишком рано было о чем-либо судить. Оборудование и товары на миллионы долларов пропали в одно мгновение.

Таригиан сжал кулаки и выругался.

За этим стоит "Магазин". Здрок выполнил свои угрозы. Мерзкий русский развязал войну со своим самым влиятельным клиентом. "Тени" заставят его заплатить. Ради Аллаха и будущего ислама, "Магазин" за это заплатит.

Таригиан был абсолютно готов использовать "Феникс", чтобы взыскать отмщения. Проблема состояла в том, что он понятия не имел, куда целиться. "Магазин" располагал многими базами. Ему известно было о базе в Баку, и то, что Здрок владел банком в Цюрихе. Но как навредить "Магазину" таким огромным оружием? Все равно, что раздавить муравья десятитонным весом. Необходимо придумать что-то иное.

Держи себя в руках! Мысли рационально!

Таригиан знал, что ему еще предстоит сделать работу. Он должен сосредоточиться. Выстоять до конца. Осуществить первоначальный замысел, а затем выследить "Магазин". Не смотря на вероломство "Магазина", настоящим враг по-прежнему был Запад. Марионетка Ирак и его надзиратель США, должны пасть. С "Магазином" можно повременить. Они были никчемны. Он не собирался тратить "Феникс" на "Магазин".

Оставалась одна проблема. Турецкие власти будут интересоваться, почему был уничтожен "Акдабар Интерпрайзес". Они будут расследовать возможные мотивы атаки и более тщательно изучат прошлое Намика Басарана. Его личность может быть раскрыта. Разведка всего мира сосредоточится на Басаране (Таригиане), и в конечном итоге отследят его до Северного Кипра.

Ради Аллаха, нужно торопиться! ООН может нагрянуть в считанные часы.

Он поднял трубку внутренней связи и набрал номер Мертенса. Когда физик ответил, Таригиан сказал:

— "Феникс" восстанет через двенадцать часов. Если возможно, раньше. Это приказ. Сделайте это или вас расстреляют.

ПОЛКОВНИК Ирвинг Ламберт вытер со лба пот, поскольку он торопился из ситуационной комнаты в конференц-зал, где собралась вся команда. Как и остальные в офисе Третьего Эшелона в Вашингтоне, округ Колумбия, он не смыкал глаз всю ночь. За последние несколько дней никто не выспался. Иногда так требовала ситуация.

Целый час он разговаривал по телефону с министром обороны, который координировал с турками атаку на самолет-невидимку. Тот факт, из-за которого истребители опоздали на несколько минут, чтобы предотвратить разрушение "Акдабар Интерпрайзес", был политическим затруднением, которое урегулировалось, как только правда насчет Намика Басарана подтвердилась. Во всяком случае, турецкое правительство по понятным причинам скептически отнеслось к заявлениям АНБ. Кроме того, в дальнейшем Турция стремилась привлечь ООН против действий Басарана, если тот на самом деле являлся приверженцем терроризма Насиром Таригианом. На это ушло какое-то время.

Однако Ламберт полагал, что Таригиан располагал каким-то огромным оружием на Кипре. Он не знал, чем именно, но присутствие Альберта Мертенса, физика, бывшего правой рукой Джеральда Булла, указывало на оружие массового поражения.

На данный момент Третьему Эшелону необходимо действовать в одиночку.

Войдя в зал, он взглянул на часы. Поскольку в Вашингтоне было раннее утро, то для Фишера будет уже ближе к вечеру. Сейчас он должен подъезжать к гарнизону в Декелии, южной части Республики Кипр. Ламберт знал, что Сэм не позволит личным чувствам помешать работе, но он не переставал беспокоиться о своем лучшем Splinter Cell'e. Как только команда в Вашингтоне стала отслеживать все входящие и исходящие сообщения на ОПСАТ Фишера, они, как и Сэм, вскоре осознали всю серьезность положения Сары Бернс. Ламберт раздумывал, чтобы вернуть Фишера. Он говорил с ним и заверил Сэма, что работа будет идти круглые сутки, чтобы выследить Сару, однако Сэму предстоит выполнить задание. Фишер был вне себя, настаивая, что должен отправиться в Израиль и найти ее, однако Ламберту пришлось приказать ему придерживаться миссии.

На этом этапе Таригиан придет в отчаяние и, вероятно, что-то сделает с оружием. Фишер неохотно подчинился, однако ценой этому может стать дружба.

— Доброе утро, шеф, — сказал Карл Бруфорд.

— Доброе утро всем, — ответил Ламберт.

Вместе с Бруфордом в команду входили: Карли Сент-Джон, аналитик Майк Чан, и Чип Дриггерс, с обобщенной должностью координатора по логистике. Майк Чан был

приблизительно одного возраста с Бруфордом и специализировался на криптографии. Дриггерсу было за сорок, армейский приятель Ламберта, завербованный за свое навязчивое внимание к деталям.

Ламберт сел и взглянул на Бруфорда.

— Что у вас?

Бруфорд откашлялся и сказал:

— Наш человек в Чикаго был в квартире Сары Бернс в Эванстоне. Недалеко от университета, на Фостер-стит. Его впустил комендант. Первым делом он осмотрел компьютер. Нашел несколько входящих и исходящих электронных писем от парня по имени Элай Горовиц, который живет в Иерусалиме. Мы выяснили, что это ее бывший парень, возможно, они до сих пор встречаются. Но не факт. В любом случае, они планировали встретиться в Иерусалиме. Нам известно, что она отправилась в Израиль со своей подругой Ривкой Коэн, чьи родители не видели Сару... ну, с прошлого вторника.

Ламберт и остальная команда знали, что произошло с подругой Сары.

— Продолжай, — сказал Ламберт.

— Хорошо, мы поинтересовались этим Элаем Горовицем. Ему двадцать три и он гражданин Израиля. В прошлом году он был студентом Северо-Западного университета, и мы предполагаем, что именно так он познакомился с Сарой. Зачислен на музыкальный факультет, но учился он хреново. В конце весны прошлого года нагрянула иммиграционная служба, так как его студенческая виза была просрочена... из-за этого он оказался в террористическом списке Департамента внутренней безопасности.

— Дерьмо, — ответил Ламберт.

— Тем не менее, по этим двум причинам его немедленно депортировали.

— Известные сообщники? — спросил Ламберт.

— Ноэль Брукс поступил в Северо-Западный в том же году, и они были соседями по комнате. Брукс также израильтянин и был депортирован вместе с Горовицем. Он не состоял в террористическом списке, но виза была просрочена. Кроме него, мы не располагаем какой-либо другой информацией об известных сообщниках.

— В электронных письмах есть упоминание, где живет этот парень?

— Нет. Только то, что живет в Иерусалиме и что он покажет Саре достопримечательности, когда она приедет. Полагаю, она увлечена парнем. Некоторые письма были... неприличны.

Ламберт вздохнул.

— Ну, что ж, это начало. Проследите перемещения Горовица после его депортации. Мы должны выяснить, где он проживает сегодня, и связаться с национальной полицией Израиля для его допроса. Или нам стоит подключить ведомственную охрану?

— Я разужнаю.

— Поторопись. Знаю, это нудно, но это единственная зацепка.

Ламберт посмотрел на Чипа Дриггерса и спросил:

— Что слышно от Сэма?

— Ничего с тех пор как он покинул Тель-Авив. Я ожидаю, что с минуты на минуту он прибудет на Кипр, — сказал Дриггерс. — Я договорился с тамошней британской армией в предоставлении оборудования и всего остального. За этим проблемы не станут.

— А что насчет наших друзей в Цюрихе и Баку?

— Мы оповестили азербайджанские и швейцарские власти, Интерпол и наше ФБР. В данный момент местные агентства правопорядка готовятся к рейдам. К обеду узнаем результат. Но боюсь, турецкий авиаудар самолетом-невидимкой навел "Магазин" на мысль, что игра окончена. Теперь они могут быть далеко отсюда.

— Ага, знаю, это был риск, — сказал Ламберт. — Надеюсь, азербайджанцы и швейцарцы понимают серьезность положения и осознают кто эти люди.

— Полагаю, что да, полковник.

Ламберт кивнул и посмотрел на Карли.

— Что у тебя для меня? — спросил он.

Она пожала плечами.

— Я просто стараюсь выяснить все возможное о торговом центре на Кипре. Нанесла маршруты из Фамагусты, обозначила Сэму подходящее место, чтобы выбраться на берег, все в таком духе. Через час-другой я хочу собрать все, что ему понадобится для выступления.

— Хорошо. Ну, приступаем к работе, народ. Сделаем это.

— Сэр?

— Да, Карли?

— Что насчет размолвки с турками? Разве наше правительство не убедило их в том, что Намик Басаран — это Насир Таригиан?

— Нет. Именно поэтому мы и не может обратиться за помощью полиции Северного Кипра. Если они узнают, что мы планируем испортить их новый торговый центр, вероятно, они станут на сторону Басарана, даже если знают правду. Боюсь, министр обороны и президент сделали исключение, не позволив туркам узнать наши планы. Они не особо обрадовались тому, что произошло с "Акдабар Интерпрайзес" в городе Ван. Оглядываясь назад, я полагаю, что это был не лучший ход с нашей стороны.

— Черт, мы добрались до стелса "Магазина", — сказал Бруфорд. — Это что-нибудь да значит.

— Верно, однако, сейчас они видят в Таригиане, или скорее Басаране, жертву. Один из их уважаемых бизнесменов и филантропов подвергся абсурдному нападению русской террористической организации. Вот как они это видят.

— Постараюсь собрать убедительный доклад, который вы передадите им, — сказала Карли.

— Это может помочь, Карли. Спасибо.

На этом собрание закончилось. Ламберт вернулся в свой офис, посмотрел на большую электронную карту на стене и сосредоточился на текущих проблемных точках, горящих красным: за пределами Фамагусты на Кипре, Иерусалиме, Баку и Цюрихе.

Он надеялся, что к концу дня сможет затушить важность этих мест.

* * *

АНДРЕЙ Здрок годами не работал так напряженно.

Он вынес коробку с файлами из банка, положил на заднее сидение "Мерседеса", и снова вернулся в банк. Вместе со своим водителем, Эриком, они вот уже два часа занимались этим. Здрок не отважился рассказать сотрудникам банка о происходящем. Когда придут власти, они по-своему здесь разберутся. И если ему удастся очистить офис от уличающих доказательств, то работников банка, возможно, лишь ждет ночь в комнате для допросов. А если кого и арестуют, ну, не повезло.

Здрок посмотрел на свой "Ролекс" и увидел, что уже довольно поздно. Когда мимо прошел Эрик с очередной коробкой, Здрок сказал:

— Поторопись. Нужно уезжать.

Эрик кивнул и ответил:

— В офисе осталась одна коробка.

— Я возьму ее, — сказал Здрок.

Он прошел вестибюль и неожиданно столкнулся с Густавом Гомельским, помощником управляющего банка, человеком, который на самом деле все контролировал.

— Андрей, — сказал он, — я требую объяснений. Зачем вы это делаете?

— Густав, нет времени объяснять. Вскоре вы обо всем узнаете.

Здрок попытался обойти его, но Густав взял его за руку.

— У нас неприятности?

Здрок остановился и посмотрел на мужчину. Мягко, но со злобой, он прошептал:

— Отпустите меня.

Гомельский сглотнул и отпустил босса. Он всегда побаивался Андрея Здрока, потому как так мало знал о нем.

— Простите, я всего лишь...

— Я покидаю офис и уезжаю, — сказал Здрок. — Это все, что вам нужно знать в данный момент. Я с вами свяжусь.

Черта с два, подумал Здрок про себя.

— А как же полицейское расследование? — спросил Гомельский.

— О чем вы?

— Проникновение! Ночью. Ваш сейф был взорван, помните?

— А, это.

Здрок практически позабыл об этом.

— Инспектор пожелает знать, куда вы отправились. Дело еще не закрыто, вам это известно.

— Скажите, что я уехал по делам.

— Вам не кажется, что у него возникнут подозрения, что вы очистили свой офис? Андрей, вы ставите нас в весьма затруднительное положение.

Здрок потерял терпение, схватил парня за пиджак и заорал тому в лицо.

— Закрой. Нахрен. Свою. Пасть!

Он отпустил Гомельского и оттолкнул в сторону.

— Разберись с этим и оставь меня в покое, — ответил он.

Здрок прошел мимо касс к подсобным помещениям в развалины своего офиса. Стоял беспорядок. Они с Эриком перевернули компьютер, файлы, очистили стол, взорванный сейф и телефон. Антипов делал то же самое в Цюрихе и Здрок хотел приехать и проконтролировать. Антипов был внимателен, но Здрок должен быть убедиться лично, что ничего не было упущено. Если бы он мог себя клонировать, то так бы и поступил.

Через сколько нагрянут власти? Здрок был уверен, что не позднее завтрашнего дня.

Проклятые террористы. Так называемые "Тени", Насир Таригиан и его шайка религиозных фанатиков. Почему именно были лучшими клиентами "Магазина"? Они поставили под угрозу прикрытие "Магазина", и теперь Здрок столкнулся с потребностью реорганизации иного, неизвестного прикрытия в другой стране.

И какова цена? Здрок понятия не имел, но он знал, она будет исчисляться в миллионах. Огромным ударом стала потеря самолета-невидимки, но отказ от двух банков было катастрофой. Но хуже всего оставлять его замок на Цюрихском озере. Здрок никогда не возвратится в свой дом, чтобы вернуть личное имущество. Он должен покинуть замок вместе со всем содержимым. Восемь гребанных миллионов долларов были потеряны, и с этим он ничего не мог поделать. Боже, автомобили! Он совсем о них забыл. Его любимая коллекция! И драгоценная яхта! По крайней мере, он был уверен, что в замке не осталось ничего уличающего. Это был обычный дом эксцентричного банкира с дорогими вкусами.

Здрок стиснул кулаки и потряс ими над головой. Кто-то за все это заплатит. Поклялся Андрей Здрок, здесь и сейчас, как только он восстановит "Магазин" в нескольких местах и перегруппируется, он отомстит всем, кто привел катастрофу в движение — а именно США.

Я не доволен.

Моя дочь в опасности и нуждается во мне. Я столкнулся лицом к лицу с безумным религиозным фанатиком, который финансирует терроризм и намеревается осуществить какое-то массовое разрушение. Я нахожусь на британской военной базе на острове в Средиземном море, чтобы выполнить работу, которую мне не особо хочется делать. Должен признать, я отвлечен. Найти Сару, для меня, главный приоритет. Для страны — остановить безумного религиозного фанатика. Я надеюсь, в кратчайшие сроки завершить правительственное задание и как можно скорее разрешить личные проблемы.

Кипр.

Прекрасное место, изобилующее напряженной обстановкой. В 1963 году какой-то британский офицер начертил зеленую линию на карте острова, когда между греческими и турецкими киприотами разразилось насилие. ООН старались сохранить мир вдоль так называемой "Зеленой линии". Затем в 1974 греческое правительство попыталось совершить переворот, в ответ турки захватили и оккупировали зону к северу от Зеленой линии. На сегодняшний день ООН признает только сторону греков-киприотов Республики Кипр. Так называемая Турецкая Республика Северного Кипра не признана ни одной страной, кроме Турции. С тех пор эта ситуация провоцирует довольно много непонимания и споров.

Британия удерживает военные базы в южной части острова, имеющие стратегически важную значимость. На самом деле, суверенные военные базы²¹ занимают около трех процентов территории острова. Королевские ВВС охватывают территорию на западе, включая гарнизон Эпископи и аэродром в Акроти́ри. Я нахожусь в восточной части в гарнизоне Декéлии. По той причине, что Кипр когда-то был британской колонией, и эти территории находились под юрисдикцией Соединенного Королевства, когда в 1960 по договору об основании Республика Кипр получила независимость.

Военная часть в Декелии состоит из шестидесяти двух корпусов Королевских инженеров и шестнадцати Армейских воздушных корпусов (укомплектованных вертолетами "Газель").

На обеих военных базах также имеются разнообразные войска поддержки: Королевский корпус логистики, Королевский корпус армейских медиков, Корпус Королевских электриков и механиков, Королевская военная полиция. Декелия известна как "военный городок" — дом для более 2,000 британцев.

²¹ Суверенная военная база — военная база, расположенная на территории, управляемой Великобританией, но не входящая в ее состав.

Похоже, что для британских солдат это довольно легкое и хорошо оплачиваемое назначение. Декелия находится на северном берегу залива Ларнака в 15 километрах к северо-востоку от важного прибрежного города Ларнака и в 20 километрах от Айя-Напа, главного курорта с клубной музыкой на Восточном Средиземноморье. Военный городок изобилует спортивными и развлекательными учреждениями с акцентом на водный спорт. Когда меня привезли на военном транспорте, я увидел в заливе несколько ярких приверженцев водных лыж, которые получали острые ощущения в последние минуты перед закатом.

Капитан Питер Мартин, истинный британский солдат, которому было за тридцать, проводит меня в столовую, где я наслаждаюсь вкусной едой из жареного цыпленка, пюре и спаржи. Отличная западная еда приходится по вкусу, поскольку я умираю от голода. Капитан Мартин садится и кратко инструктирует меня о своих приказах и как он намерен помочь.

— С наступлением темноты я возьму вас на борт, — говорит он. — Мы поплывем вокруг мыса Пайл и Греко, затем направимся к северному побережью. Через пять километров я остановлюсь и оставлю вас. Проплывете восемьсот метров под водой до гавани Фамагусты, выберетесь на берег и проберетесь к торговому центру. Как только сойдете с борта, мы знать не знаем о вашем присутствии на Кипре. Возвращаться придется через границу по морю. Я дам вам свой мобильный. Когда будете на берегу, я приеду и подберу вас. Если звонка не будет, значит, вы либо нашли другой путь с острова либо мертвы. Все ясно?

— Яснее некуда, — отвечаю я.

— Мы предоставим вам кое-какое аквалангистское снаряжение. Лучшее дать мы вам не можем; оно необходимо для наших людей. Это будет запасное снаряжение, довольно старое, но, уверяю вас, оно в хорошем рабочем состоянии. Если принесете назад, мы будем признательны. Если нет, то не берите в голову.

— Спасибо вам, — говорю я, проглатывая последний кусок цыпленка. — До тех пор, пока баллоны будут полны воздухом.

— Гарантирую, вы получите воздух такого же качества, который используем мы, — говорит капитан, улыбаясь.

— Что вам известно о торговом центре? Вы, конечно же, провели разведку? — спрашиваю я.

— Провели и честно говоря, могу сказать, что с виду все легально. Они строили его три года, и ни разу мы не увидели хотя бы что-то отдаленно подозрительное.

Мне нечего сказать. Трудно поверить, что Таригиан действительно строит торговый центр для турецких киприотов, когда посвятил всю энергию на финансирование "Теней", чтобы убивать и калечить как можно больше не мусульман.

После обеда Капитан Мартин ведет меня в армейский дайвинг-клуб с великолепным видом на залив Ларнаки. Я спрашиваю у капитана, подходит ли Кипр для туризма, на что он отвечает, что это потрясающее место для отдыха. Когда греческие и турецкие киприоты ведут себя хорошо, Кипр — сказочно-райский остров.

— Кстати, турецкая часть острова еще прекраснее, — отвечает он. — В основном север посещают турки и люди из мусульманских стран. Остальные едут на юг.

Капитан Мартин дает мне одиночный баллон, регулятор "МК2 Плюс", компенсатор плавучести "Глайд 500", компьютер на запястье "Смарт-Про", раздвоенные ласты, стандартный грузовой пояс, и бескаркасную маску. Все это отлично одевается поверх моей униформы, которая будет меня согревать, "Оспрей" приходится закрепить на груди. Мартин также дает мне небольшой подводный движитель — портативный ручной механизм, который тянет водолаза через воду, что позволяет экономить силы. Я готов выдвигаться, но сначала нужно отметить у Ламберта.

Я нажимаю имплант.

— Полковник, ты здесь?

— Да, Сэм. Я так понимаю, ты на Кипре?

— Так точно. Все идет согласно плану. Ты отлично меня подготовил.

— Рад слышать.

— Что вы узнали о Саре, полковник?

— Сэм, мы делаем все возможное, чтобы найти ее. Послушай меня. Ты должен позволить нам с этим разобраться. У нас еще более сорока восьми часов до того, как они ожидают тебя в Иерусалиме. Мы нашли подозреваемого.

Это хорошая новость.

— Кто он?

— Сэм, это немного преждевременно...

— Черт возьми, полковник, мы говорим о моей дочери.

Не нужно говорить, что я немного вышел из себя.

— Если ты хочешь отвлечь мои мысли от нее и направить на выполнение работы, лучше скажи все, что известно.

— Хорошо, Сэм. Прости. Это ее парень. Ты его знаешь?

Мне нужно подумать и вспомнить его имя.

— Парень из Израиля, не так ли?

— Да. Его зовут Элай Горовиц.

— Это он. Ага, помню, Сара упоминала его. Что на него? Он подозреваемый?

— Она планировала встретиться с ним в Иерусалиме. Мы навели о нем справки, и выяснили, что его депортировали из Штатов в прошлом году за просроченную студенческую визу. И за нахождение в списке террористов.

— Ох, дерьмо, — говорю я.

Мне все равно, что меня услышат.

— В данный момент мы пытаемся его найти. Наши люди сейчас отслеживают его в Иерусалиме.

— Что с подружкой Сары? С которой она отправилась в Израиль... как там ее звали? Ривка.

Я слышу, как Ламберт вздохнул. И когда он начинает говорить, я уже знаю, что мне это не понравится.

— Сэм, Ривка Коэн мертва. Ее нашли задушенной в переулке в Восточном Иерусалиме.

— О, ради Бога, полковник! — я выхожу из себя.

Мне хочется что-нибудь взять и разбить вдребезги.

— Мне нельзя здесь находиться, полковник. Я должен ехать в Израиль.

— Сэм, у тебя нет тех средств, что есть у нас. Поверь, мы имеем больше возможностей найти Сару, чем ты.

— Им нужен я, полковник. Моя дочь лишь приманка.

— Именно поэтому я пока что не могу тебя отпустить. Пожалуйста, Сэм. Тебе предстоит работа, и нам нужно, чтобы ты ее выполнил. Знаю, звучит ужасно, но сейчас ты должен забыть о дочери.

Я делаю вдох и говорю:

— Хорошо, полковник. Этой ночью я выполню твое небольшое поручение, но с приходом утра я отправляюсь в Израиль, независимо от того где я или что делаю. Я собираю вещи и покидаю этот гребанный остров, и найду свою дочь. Я выразился достаточно ясно?

Не могу поверить, что я говорил со своим начальником подобным образом. Но опять же у меня нет звания. Полковник Ламберт всего лишь мой работодатель, а я его работник. Это не одно и то же.

— Я понимаю, Сэм, — отвечает Ламберт. — Я не виню тебя.

Это немного меня успокаивает.

— Спасибо, полковник. Прости. Меня, эм, немного занесло.

— Не беспокойся об этом. Просто сделай сегодня то, что должен и доложи нам, что разузнал.

Мы отключаемся, и я смотрю в окно на залив. Закат кроваво разливается над беспокойной поверхностью воды, и я размышляю, что это могло бы значить.

В десять часов вечера мы садимся в так называемый "Риджид Рейдер" — быстроходное патрульное судно с пластиковым корпусом из армированного стекловолокна и забортным двигателем мощностью 140 лошадиных сил. Обычно судно применяется для патрулирования портов и внутренних водных путей. "Риджид Рейдер" может вместить восемь-девять парней, капитан говорит мне, что есть еще больший тип лодки, который размещает больше двадцати людей. В этом путешествии к лоцману и матросу присоединились капитан и я. Полагаю, им ничего не известно о моем задании. Мне кажется, они просто выполняют приказ капитана.

Лоцман замедляет ход, чтобы не привлекать внимания.

Патрульные лодки в любое время дня и ночи — это не редкость, однако они считают, что лучше не высовываться. Лодка движется мимо мыса Пайл и вокруг восточного края мыса Греко. Вода выглядит беспокойной, и капитан говорит мне, что с этой стороны острова сильные течения. Он хочет как можно ближе подвезти меня к Зеленой линии, поскольку плыть будет тяжело.

Отсюда я вижу огни Фамагусты. Капитан говорит приготовиться и помогает мне с компенсатором и баллоном. Лоцман гасит свет на лодке и выключает двигатель.

— Ваша остановка, — говорит капитан.

Он протягивает руку, и я пожимаю ее.

— Спасибо за все, — говорю я.

— Поблагодарите, когда мы подберем вас утром.

Он не говорит "если" мы подберем вас утром.

Я одеваю ласты, опускаю маску и закрепляю SC- 20K на спине, готовый выдвигаться. Держась за лестницу, я сажусь на край борта, вставляю регулятор в рот, беру движитель и ныряю спиной вперед в холодную, темную воду.

Капитан был прав насчет сильных течений, но благодаря подводному движителю плавание не переходит в борьбу. Я направляюсь вперед, позволяя устройству тянуть меня вместе с собой со скоростью приблизительно один узел в час. Полагаю, что можно всплыть возле доков, под прикрытием пришвартованных лодок. Сомневаюсь, что в это время ночи здесь будет какая-то активность.

Фары движителя освещают дно призрачным светом, и я вижу массу ярких коралловых рифов и изобилие рыб. Не будучи заядлым рыбаком, я не знаю их названий, но мне известно, что ни одна из них не представляет опасности. В Средиземном море, предположительно, нет акул, однако известны случаи, когда барракуды вырывали куски из пловцов. Мурены, также гадкие создания, которых стоит избегать. В любом случае, то, что я вижу здесь отлично подошло бы в аквариум ресторана.

Компьютер сообщает, что я уже проплыл около полутора километров и мне наконец-то видны деревянные опоры, поддерживающие доки Фамагусты. Вода здесь намного грязнее в результате загрязнения десятками пришвартованных лодок. Я поднимаю над водой маску, чтобы оценить ситуацию.

Здесь пришвартованы лодки всех размеров: катамараны, катера, парусники, несколько небольших яхт и ярко освещенный дощатый настил. Я вижу одного сторожа под навесом. Рядом с которым на высоком флагштоке развивается флаг Турецкой Республики Северного Кипра.

Это будет легко. Я плыву к доку и следую к краю опоры. Коснувшись дна, снимаю ласты, и выбираюсь из воды в тени. Я обхожу дощатый настил стороной и поднимаюсь по бетонному скату до уровня земли. В этом месте меня легко заметить, поэтому я быстро направляюсь к роще деревьев возле доков. Мне повезло, и я нахожу дренажную трубу в земле, куда можно сложить аквалангистское снаряжение. Небо чистое и дождя не ожидается, так что внутри трубы вещи останутся в сохранности. Я отстегиваю баллон, движитель, остальное снаряжение, и оставляю там. Я вытаскиваю из "Оспрея" трифокальные очки готовый выдвигаться.

Это пяти километровый поход до "Фамагуста Центр". Поскольку я придерживаюсь теней и избегаю уличных фонарей, то это отнимет у меня примерно час. Сейчас почти три часа утра и у меня два, возможно, три часа до рассвета.

Строение находится за пределами Фамагусты, недалеко от главного шоссе. В данный момент территорию окружает проволочный забор. Вывески на турецком и английском гласят: "Не входить — идет строительство", "Фамагуста Центр, скоро открытие! Торговые места под

аренду!" Стройка освещена прожекторами, время от времени грузовики с мусором покидают погрузочный док в дальней части комплекса, и туда-сюда снуют люди в касках. Здесь что-то затевается, поскольку обычно строители не работают посреди ночи. Эти парни лихорадочно работают, чтобы успеть в срок. Ламберт, вероятно, прав — Таригиан побыстрее хочет использовать свое оружие.

Я не вижу, где бы забор не был освещен. И задаюсь вопросом, как же, черт возьми, пробраться внутрь, когда все предусмотрено? На дороге, возле моего укрытия, появляется свет фар, и направляется в мою сторону. Приблизившись, я вижу, что это специализированный фургон для электриков и внутри один водитель. Фургон проезжает мимо на небольшой скорости, я вскакиваю и бросаю в него камень. Когда машина останавливается, я подбегаю и хлопаю по задним дверям, чтобы водитель меня услышал. Он замедляется и останавливается. Когда водитель опускает окно, я направляю "Файв-Севен" ему в нос.

— Нам по пути, — говорю я. — Подвезешь?

Он не понимает слов, но улавливает смысл. Продолжая целиться, я обхожу фургон спереди и сажусь на пассажирское сиденье. Опустившись на пол между сиденьями, я ткнул пистолетом ему в живот и сказал трогаться с места. Он явно испуган, и я говорю ему успокоиться. Он кивает и начинает ехать.

Мы подъезжаем к воротам, где водитель останавливает фургон и опускает окно. Охранник что-то спрашивает по-турецки, и шофер отвечает, затем он тянется за планшетом с документами на пассажирском сиденье. Он показывает его охраннику и нам разрешено проехать. Воспользовавшись моментом, я приподнимаюсь и выглядываю через ветровое стекло. Я вижу парковку с несколькими строительными и машинами поставщиков, и указываю в том направлении.

Как только он останавливается и выключает двигатель, я сажусь на пассажирское сиденье рядом с ним, подвигаюсь ближе и бью по затылку.

— Прости, — говорю я, но тот уже не слышит.

Я кладу его на пол машины, убеждаюсь, что никто не смотрит, беру ключи и выхожу из фургона.

Похоже, в здание ведут несколько входов со стеклянными дверями, скорее всего, запертые в это время. Рабочие и охранники входят через погрузочный док. Вероятно, это основная часть универмага, крупнейшее место под аренду в комплексе. Мне следует избегать зон с интенсивным движением и найти иной способ пробраться внутрь, поэтому я выбираю стеклянные двери. Я осматриваю осветительные столбы на наличие камер и не замечаю таковых, но не означает, что их нет. Боюсь, что в данный момент я действую слишком безрассудно. Время на исходе и мне необходимо как можно быстрее войти и выйти. Как мне

поступить? Я выхожу на свет, направляюсь к одному из входов и использую отмычки, чтобы пробраться внутрь.

Насколько мне известно, никто меня не видит.

Я внутри здания.

В главном холле, проходящем через центр торгового центра, свет выключен. По обе стороны прихожей располагаются пустые витрины, и это весьма странно, поскольку, на них все еще нет вывесок с названиями. В торговом центре, который готовится к скорому "открытию", нет реальных магазинов.

Я направляюсь в центр супермаркета — широкое пространство, соединяющее три крыла и коридор к безымянной, огромной части магазина.

Над головой огромный купол и создается впечатление, что основание супермаркета делит его пополам. Здесь кое-где включено освещение, поэтому я прижимаюсь к стенам, стараясь скрыть свои передвижения с окружающей обстановкой. Затем из темного крыла доносится звук моторизованного транспорта, я приседаю на корточки и ожидаю, когда он покажется. Похоже, это один из тех трехколесных гольф-мобилей, что использовали в "Акдабар Интерпрайзес" в Турции. Внутри двое парней, одетых в униформу охранников.

Карт проезжает мимо, направляясь в крыло супермаркета. Сейчас или никогда, и я делаю свой ход. Я бегу за картой, запрыгиваю сзади и застаю врасплох охранников. Прежде, чем они успевают отреагировать, я ударяю их головами. Один парень отключается, но у другого крепкий череп. Он выпрыгивает из своего сиденья на меня, и я падаю спиной на заднее сиденье. Машина продолжает движение, но сворачивает в стену. Охранник сильно бьет меня в лицо, и у меня перед глазами закружились звезды, но я классическим приемом Крав-маги, ударяю коленом ему в пах. Мой противник замирает от шока и боли.

В этот самый момент карт врезается в стену. Хорошо, что машина ехала на малой скорости, в противном случае это могло привлечь внимание. Вместо этого, происходит глухой удар, и мой везучий противник отлетает от меня и врывается в руль. Я поднимаюсь и наношу ему сильный удар в честь, и он, как и его приятель, отключается.

Охранники не вооружены, я вытаскиваю у одного из них карту безопасности. Думаю, она пригодится.

Я крадусь в темное отделение супермаркета, которое (сюрприз, сюрприз) пусто. Но на одной стене находится двойная дверь, которая напоминает огромный лифт. Теперь, конечно же, я вижу, что это за место. Это совсем не торговый центр, а какой-то плацдарм. Припасы и материалы привозят через погрузочный док и доставляются в двойные двери, я предполагаю, что это главный вход к тому, что скрывает Таригиан. Я продвигаюсь к дверям, но из темноты со стороны погрузочного дока доносятся звуки шагов. Я выжидаю и вижу, как из тени, в

направлении дверей, выходят два охранника. Один из них вставляет ключ-карту, двери открываются, и они входят внутрь.

Когда двери закрываются, я подбегаю и использую украденную карту.

Я чуть не вскрикиваю, когда вижу, что находится по другую сторону: длинная наклонная лестница, ведущая к ярко освещенному нижнему уровню, на котором полно рабочих. Я отскакиваю в сторону из дверного прохода, и приседаю за стопкой ящиков. Думаю, никто меня не видел. Они слишком заняты, подобно рабочим пчелам, готовят гнездо для медосбора. Отсюда мне представляется отличная возможность осмотреться и понять увиденное.

В буквальном смысле, у меня перехватывает дыхание.

Это, черт возьми, ракетная шахта. Или нечто похожее. Этаж, на котором я нахожусь, имеет округлую форму "балкона" и выходит на нижний уровень, напоминая ротонду. Посреди нижнего уровня расположено гигантское, похожее на стальную пушку устройство. Квадратное основание имеет длину около трех метров и с виду весит несколько тонн. Основание окружает массивный гидравлический механизм, поднимающий и опускающий орудие. Ствол пушки около ста метров длиной, несколько метров толщиной, направлен вверх и перпендикулярен нижнему уровню. Чтобы штуковина могла вытягиваться на всю длину, она, вероятно, поднимается из глубокого подземного колодца.

Боже мой! Я вдруг осознал, что это такое! Я узнал! Помню, как видел фото первых наработок, когда Джеральд Булл намеревался разработать одну из таких штуковин для Ирака в 1980-х годах.

Это суперпушка "Вавилон", завершенная и готовая к использованию. Торговый центр не более чем оболочка для оружия. Когда они захотят выстрелить из него, я представляю, как суперпушка поднимется до уровня земли, где она займет положение в центральном, пустом пространстве под куполообразным потолком. Купол, подобно обсерватории, разделен на две половины, и ствол выдвинется в небо на всю длину.

Невероятно! Нет, это фан-мать-его-тастика! Должен признать, я впечатлен. Оружие — абсолютно прекрасно. Блестящее и самое потрясающее оружие, которое я когда-либо видел.

Теперь я понимаю, что за чертежи я видел в офисе Таригиана в Турции. Альберт Мертенс, правая рука Джеральда Булла, сконструировал эту штуку. И это поразительный шедевр.

Я помню первоначальную суперпушку Булла "Вавилон" и на что она способна, эта версия выглядит очень похожей. Полагаю, что это 1000 мм орудие использует тонны ракетного топлива для стрельбы огромным снарядом на расстояние до 1000 километров.

Я тот час же делаю несколько снимков при помощи ОПСАТа и набираю текстовое сообщение Ламберту. В котором указываю, что обнаружил и собираюсь устроить саботаж. В любом случае, ему следует связаться с ООН или НАТО или с теми, кого, черт возьми, он

сможет убедить помочь и разбомбить здесь все к чертям, прежде чем Таригиану подвернется шанс воспользоваться оружием. А исходя из стоящей здесь суеты, это случится довольно скоро.

Черт возьми. Устроить саботаж. Каким образом? У меня с собой лишь осколочные гранаты и SC-20K. Все равно, что кидать скрепками по танку.

Возможно, лучшее решение — это установить гранаты на срабатывание, сделать отвлекающий маневр, и дать мне время убратся отсюда к чертям собачьим. Могу только надеяться, что Ламберт захватит с собой большие пушки. Я достаю из "Оспрея" гранаты, устанавливаю срабатывание на сорок пять минут, размещаю и маскирую их возле двойной двери.

Я медленно начинаю обходить балкон по периметру.

Каждый раз, когда я нахожу подходящее место, я размещаю осколочную гранату и устанавливаю таймер на одновременное срабатывание по отношению к первой гранате. Я продолжаю этот процесс по всему балкону, на котором, к счастью, нет рабочих. Они все внизу, как безумцы стараются завершить работу.

Оказавшись на противоположной стороне балкона от двойных дверей, я замечаю яркий свет в окнах центра управления. Это бункер, установленный в основании, способный выдерживать огромную отдачу суперпушки. Внутри несколько человек, в одном из них я узнаю Намика Басарана, смотрящего в окно на свою малютку.

Я возвращаюсь назад, размещаю еще три гранаты, и теперь я готов исчезнуть. Сара Бернс, дорогая, я иду за тобой. Я направляюсь к дверям, готовясь воспользоваться ключ-картой, но слышу слабую вибрацию ОПСАТа. Входящее сообщение от Ламберта гласит:

ВОЙСКА ООН В ПУТИ. УБИРАЙСЯ СЕЙЧАС ЖЕ!

Мне не стоит повторять дважды, полковник. Я поднимаю карту, готовый провести ею по слоту, и вдруг двери открываются. Там стоят четверо вооруженных охранников, меня секли, а я так и не успел ничего сделать.

Один из них замечает меня (и мою непонятную униформу) и кричит. Прежде чем они успевают отреагировать, я несусь через них, расталкивая первых двух парней в стороны. Они валятся на стоящих сзади, сбивая тех с ног. Я несусь сломя голову и снова слышу позади крики. Доносятся выстрелы, пули со свистом проносятся у моей головы. Я начинаю вилить и отскакивать от стены к стене как шарик для пинбола.

Заревела тревога.

Как говорится: "И разверзлись врата ада".

Я бегу в крыло с несуществующими магазинами в направлении выхода, через который я вошел. Находясь в двенадцати метрах от дверей, я вижу за стеклом двух охранников. Я останавливаюсь, стягиваю SC-20K с плеча, снимаю с предохранителя, открываю огонь, разбивая стекло и убивая парней.

Я несусь вперед как буйвол, готовясь разнести оставшиеся осколки стекла, но град пуль позади меня вынуждает упасть на пол. Я делаю перекат к стене и стараюсь прижаться как можно плотнее, однако пули ужасающе близко. Винтовка все еще у меня в руках, и лежа на спине, я открываю по преследователям заградительный огонь. Попадаю в двоих, остальные прыгают в укрытие. Это дает мне необходимые секунды, чтобы вскочить на ноги и пробежать через разбитые стеклянные двери. Осколок разрезает униформу на плече, разрывая внешний слой и открывая водяную трубку. Оказавшись снаружи комплекса, я падаю на землю, делаю перекат, и вскакиваю на ноги, не сбавляя темпа скорости.

Парковка пуста. Я почти вырвался.

Я бегу к фургону, открываю дверь и вижу, что моего приятеля нет на полу. Да и черт с ним. Вставляю ключ в зажигание и завожу двигатель, готовясь дать задний ход и вырваться со стоянки.

Холодный металлический ствол уткнулся мне в затылок.

Я смотрю в зеркало заднего вида и вижу моего старого приятеля-электрика. Он что-то говорит по-турецки и вид у него не радостный. Полагаю, пришло время расплачиваться за то, что я ударил его по голове. Я медленно поднимаю руки, и он отнимает у меня SC-20K. Затем он открывает дверь и бросает на землю мое оружие, в это же время десяток вооруженных охранников Таригиана окружают фургон.

— МИСТЕР Фишер, — говорит Таригиан, как только они вводят меня в центр управления.

— Шпионить в моем комплексе часть вашего отчета для Интерпола?

— На самом деле, так и есть, — отвечаю я.

Знаю, звучит неубедительно, однако ничего другого я не могу придумать. Я осматриваю комнату, чтобы понять, кто мне противостоит. Кроме Таригиана и трех удерживающих меня охранников, я вижу Фарида-телохранителя и Альберта Мертенса занятого у стола с каким-то человеком. Шансы были бы одинаковы, если бы не связанные за спиной руки. Они также отняли "Оспрей", мои очки, оружие, и вывернули все карманы.

Если бы можно было убивать взглядом, то выражение Фарида говорит само за себя. Очевидно, он сложил два и два и понял, что это я сломал ему руку. Я улыбнулся ему и подмигнул.

Таригиан смотрит на меня холодными, карими глазами.

— Вам стоило утонуть в озере Ван, мистер Фишер. Где, я полагал, вам пришел конец.

— Извините, что разочаровал.

— Знаете, когда я передам вас своим людям, они будут убивать вас и одновременно снимать видео. Они загрузят его на Исламский вебсайт и весь мир (и вся Америка) увидит, как вас обезглавят. Вы американец, не так ли? Вы не швейцарец, как заявили.

Я молчу.

— Могу заверить вас, если бы у меня было время, я бы развязал вам язык. Но я немного тороплюсь. Боюсь, я вынужден ускорить ваш приговор и удостовериться, что вы больше не представляете мне угрозы перед утренней операцией.

— И что же это будет? — спрашиваю я, надеясь воззвать к его эго. — Там потрясающая машина. На что она способна?

Глаза Таригиана блеснули, и он подошел к окну.

— Прекрасна, не так ли? Я называю ее "Вавилон-Феникс". "Вавилон", потому что это переосмысление суперпушки, разработанной Джеральдом Буллом для Ирака в 1980-х, а "Феникс" потому что пушка возродилась из праха своей предшественницы.

Услышав упоминание о своем творении, Мертенс поднял глаза и усмехнулся мне.

— Это ваших рук дело, я так понимаю? — я спрашиваю его.

Бельгиец не отвечает, но Таригиан это делает за него.

— Да, профессор Мертенс проделал прекрасную работу. Согласно моим требованиям, конечно же.

— Что вы задумали, Таригиан? Что собираетесь сделать?

Услышав свое настоящее имя, он смеется.

— Вам известно кто я. Именно этого я опасался. На кого вы работаете, мистер Фишер? ЦРУ? ФБР?

— АНБ, если это имеет значение.

Он пожимает плечами.

— Нет, не имеет. Менее чем через час вы будете мертвы.

Он показывает в сторону суперпушки и говорит:

— "Вавилон-Феникс" расходует девять тонн специального топлива для выстрела 600 килограммовым снарядом примерно на 1,000 километров.

— Это же должна была делать суперпушка Булла.

— Да. С другой стороны, я мог бы запустить 200 килограммовый объект на орбиту с помощью двухтонной ракеты. Ствол, вытянутый на всю длину, составляет 156 метров и один метр в диаметре. Пусковая труба у казенника²² имеет толщину 30 сантиметров, и сужается до 6,5 на конце. Подобно "Фау-3", суперпушка построена частями. Ствол состоит из двадцати шести секций по шесть метров, общая масса 1,510 тонн. Добавьте сюда четыре 220 тонных амортизатора отдачи и 165 тонный казенник. Укрепление вокруг казенника — это пятнадцати метровый бетон, сталь и камень. Из нашей базы на Кипре мы можем поразить любую цель на Ближнем Востоке.

— Но это безумство, — говорю я. — Один раз выстрелите и в мгновение ока весь мир будет охотиться на вас.

— Вы правы, — отвечает он.

— Вы хотите выстрелить всего один раз?

— Да. Одного раза достаточно.

— Могу я спросить, что за цель?

— Боюсь, вы умрете так того и не узнав, — говорит Таригиан.

— Тогда можете сказать, какого типа снаряд вы используете?

Таригиан чешет подбородок и отвечает:

— Почему нет? Я использую 600 килограммовую ОДАБ.²³ Полагаю, вам известно, на что она способна?

Я знаю, о чем он говорит. Она похожа на бомбу объемного взрыва CBU-72. Это зажигательная, улучшенная кассетная бомба, снаряженная этиленовым газом, который

²² Казенник — задняя часть артиллерийского (минометного) ствола, в которой расположен затвор.

²³ ОДАБ — Объемно-детонирующая авиационная бомба (в просторечии известная как "Мать всех бомб") — это неатомная бомба, разработанная для армии Соединенных Штатов.

взрывается в воздухе, создавая огненный шар и взрывную волну, быстро распространяемую на гораздо большей площади, по сравнению с обычными бомбами. Последствия взрыва схожи с небольшими ядерными бомбами, но без радиации. Скверное, смертоносное оружие. Говоря об оружии массового уничтожения — эта бомба, несомненно, им является.

— Вы злой, — бормочу я.

Глаза Таригиана вспыхивают и приближаются ко мне. Он слегка наклоняет голову, как будто готовится ударить меня, но вместо этого плюет на меня. Слизь попадает мне в лицо и стекает по щеке.

— Вот, что я думаю об Америке, — говорит он.

Он отходит в сторону и обращается к Мертенсу.

— Приступайте к калибровке. Пришло время.

Мертенс кивает и поднимает трубку. Спустя какое-то время он говорит:

— Начать калибровку. Поднять "Феникс".

Спустя шесть секунд центр управления начинает трястись и громкий гул эхом отдается в комплексе. Через окна я вижу, как потолок разделяется и отъезжает в сторону, выявляя двухуровневый купол. Суперпушка и ее тяжелая платформа начинают подниматься на гидравлических подъемниках к этажу над нами.

Таригиан, довольный работой механизмов, оборачивается ко мне и обращается к охранникам.

— Он достаточно видел. Отведите его в мусоросжигатель и убейте.

Фарид ворчит и угрюмо смотрит на Таригиана.

— Прости, Фарид, — говорит он. — Мне нужно, чтобы ты был со мной. Может, тебе хочется сделать ему больно здесь?

Подобно огру, он жестоко скалится. Несмотря на загипсованную руку, я уверен, другая также может представлять опасность. Охранники крепко меня держат, когда Фарид становится напротив. Он поднимает здоровую руку, сжимает кулак, отводит его в сторону и всем весом наносит удар в голову, который почти отключает меня. Я слышу звон в ушах и вижу лишь белый свет. Огромное копьё боли пронизывает мой теперь уже сломанный нос и отдается в затылке. Не успел я оправиться, как Фарид наносит сильный удар мне в живот. Охранники отпускают меня на колени, когда я начинаю задыхаться. Кровь льется из носа на пол.

Я слышу, как Таригиан говорит:

— Достаточно. Уведите и избавьтесь от него. Проверьте, что снимаете видео. Сделайте поужаснее. Вы знаете как.

Мужчины грубо выталкивают меня из центра управления.

Разница во времени между Кипром и Вашингтоном, О. К. составляла семь часов, Сэм Фишер проник в комплекс торгового центра, а тем временем полковник Ирвинг Ламберт окончил телефонный разговор с министром обороны и с нетерпением ожидал новостей от своего Splinter Cell'a. Он знал, что Фишер благополучно прибыл на Кипр, получил снаряжение от британцев, и направлялся к "торговому центру" Таригиана за пределами Фамагусты.

Предвкушая отчет Фишера, Ламберт уже провел беседы не только с секретарем, но и с высшим военным совещательным органом в Пентагоне, президентом США, и госсекретарем. В свою очередь, эти люди связались со своими коллегами на Ближнем Востоке.

Если возникнет необходимость в авиаударе по Кипру, Ламберт требовал немедленного ответа. На текущий момент времени, все надлежащие игроки были готовы и изъявили желание, кроме Турции. Даже с учетом доказательств, турецкие власти отказывались принять, что Намик Басаран на самом деле был Насиром Таригианом, руководителем и покровителем одной из самых опасных в мире террористических организаций. Процветание, которое он принес юго-восточной Турции, было неоспоримо. Он создал рабочие места для сотен безработных. Жертвовал еду и деньги из благих побуждений. Создал доброжелательность между Турцией и ее соседями. Как этот человек мог быть злом, которое утверждало США?

Зажужжал интерком Ламберта.

— Да? — ответил он, нажимая кнопку.

— Есть новости на Горовица, — сказал Бруфорд.

— Уже иду.

Ламберт поднялся, взял кружку с кофе, и поспешил в ситуационную комнату, где работали Бруфорд с командой. Карли Сент-Джон уперлась руками в распечатку, которую пристально изучала.

— Что у вас? — спросил Ламберт, садясь за стол.

— Элай Горовиц не израильтянин, — сказал Бруфорд. — Он из Азербайджана. Приехал в Израиль, когда ему исполнилось шестнадцать под предлогом еврейского беженца из России. В "Моссаде"²⁴ только что подтвердили, что Горовиц, кстати, это его настоящее имя, имеет множество псевдонимов. Когда он проживал в Азербайджане, его арестовали по обвинению в сговоре с террористами, связанных с курдами. Из-за своего возраста и политических связей, его освободили.

²⁴ Моссад — израильская разведка, аналог ЦРУ.

Позже его арестовали в Грузии за хранение нелегального оружия. Он должен был предстать перед судом, когда чудесным образом сбежал из тюрьмы. Это была смелая операция из нескольких участников. Власти Грузии полагают, что побег был работой влиятельной русской мафии.

— "Магазин"?

— Скорее всего. Иммиграционная служба США поздно обнаружила террористический список, в котором находился Элай Горовиц — мул "Магазина".

Ламберт хлопнул по столу.

— Ладно, мы, безусловно, установили, что он плохой парень. Как, черт возьми, его отыскать?

Карли заговорила.

— "Моссад" изъявили желание помочь. Они обнаружили его квартиру в Восточном Иерусалиме и обыскали ее. Парень оставил квартиру, планируя потом вернуться. Все вещи и принадлежности были на месте, включая компьютер.

Ламберт поднял брови, и Карли сделала также в ответ.

— И, возможно, у нас кое-что есть, — сказала она. — Эта распечатка содержимого жесткого диска. Несмотря на то, что прямо ничто не связывает его с "Магазином", мы извлекли несколько электронных писем, указывающих на то, что до приезда Сары Бернс в Израиль он что-то замышлял. Большинство писем двухнедельной давности удалены, но "Моссад" торопится доставить судебную повестку провайдеру Горовица.

Мы располагаем только его последней перепиской с Сарой, большую часть которой мы уже обнаружили на компьютере Сары в Иллинойсе, но также и некоторыми письмами между Горовицем и неким Юрием. Мы отследили электронный адрес Юрия, и сервер находится в Русско-израильском банке в Иерусалиме.

— Русско-израильский банк? Легитимный? — спросил Ламберт.

— Да. Это частное и новое учреждение. Банк открылся несколько лет назад, и совет директоров состоит только из русских.

— Интересно.

Затем Карли улыбнулась, делая паузу для драматического эффекта.

— И подводим итог. Банк является филиалом Швейцарско-русского международного торгового банка.

Ламберт поднял кулаки над головой.

— Хвала Господу! Необходимо направить силы безопасности Израиля и перевернуть это место вверх дном. Сейчас же.

Бруфорд ответил:

— Уже сделано. Управляющего банком и сотрудников ждет жесткий сюрприз, когда приедут утром на работу, что случится с минуты на минуту.

— Отличная работа, народ, — ответил Ламберт. — А теперь, если мы услышим новости от Фишера, моя язва успокоится.

Заговорил Чип Дриггерс.

— Полковник, происходит передача файлов!

Ламберт поднялся и подошел к терминалу Дриггерса.

— Это Сэм?

— Взгляните. Он посылает снимки.

Когда изображение появилось на мониторе, у обоих мужчин отвисли челюсти.

— Срань Господня, что это, черт возьми? — спросил Дриггерс.

Ламберт потер глаза и снова посмотрел.

— Это проклятая суперпушка "Вавилон". Нам стоило догадаться. Стоило догадаться!

— Поступают еще снимки. Взгляните.

Вся команда собралась вокруг монитора, со страхом смотря на снимки "Вавилона-Феникса", которые сделал Фишер. Ламберт, чтобы не тратить время, поднял трубку со стола Бруфорда и приказал:

— Свяжите меня с президентом!

НАСИР Таригиан вытер пот со лба и взглянул на часы. Солнце практически взошло, и он чувствовал, что время на исходе. Если произошел контакт американца с его людьми этой ночью, значит, это был лишь вопрос нескольких часов, возможно, минут, прежде чем войска сорвут его план покарать Ирак.

Советники месяцами твердили ему, что план был глупым. Альберт Мертенс со своей командой выступали против удара по Багдаду, а лидеры комитетов были решительно против его выбора Ирака. Таригиан отлично знал, что для удовлетворения своей жажды мщения он может пожертвовать "Тенями". Его это не волновало. Наиболее доверенный коллега, Ахмед Мухаммед, сказал, что это был "безумный" план. Но Таригиан знал, что он не безумец, по крайней мере, не "помешан". Он просто желал, чтобы его жена и дети покоились в умиротворении. Если это означало, умереть мучеником, значит, так тому и быть. Многие другие делали то же самое.

Он выглянул из окна центра управления и устремил взгляд вверх на великолепное создание, которое имелось в его распоряжении. "Вавилон-Феникс" был заправлен и находился в полной боеготовности, откалиброван на выстрел бомбой ОДАБ по Багдаду. Таригиан ждал последних приготовлений, и Мертенс заверил, что на все уйдет всего полчаса. Это было сорок минут назад.

— Мертенс! — крикнул он на всю комнату. — Что, черт возьми, происходит?

Мертенс обменялся взглядом с Эйслером, и Таригиану это не понравилось. Он повидал достаточно скрытых взглядов между этими двумя.

— Да, сэр? — спокойно спросил Мертенс.

— Мы уже готовы?

— Не совсем. Похоже, что в машинном отделении проблема. Я бы хотел, чтобы вы пошли со мной и проверили. И своими глазами увидели трудности. Эта спешка к выстрелу за такой короткий срок вызвала цепную реакцию.

— Что за проблема?

— Я не уверен. Инженеры, хотят, чтобы мы спустились. Предлагаю вам пойти со мной.

— Проклятье, — пробормотал Таригиан. — Хорошо, веди.

Фарид направился к двери и Таригиан сказал:

— Да, Фарид, ты пойдешь с нами.

Немой силач заворчал и открыл дверь. Мертенс и Эйслер снова переглянулись, оба мужчины поднялись и вышли из центра управления. Они спустились за Таригианом и Фаридом

по короткой лестнице, прошли по платформе в направлении объемного гидравлического основания, удерживающего "Вавилон-Феникс" на подземном уровне. Несколько вооруженных людей Таригиана стояли неподалеку. Они наблюдали, как Мертенс открыл массивную железную дверь, ведущую в недра механизма, сокрытого глубоко внутри.

Мертенс указал жестом внутрь.

— После вас, сэр.

Таригиан пригнул голову и начал спускаться по стальным ступенькам в машинное отделение. Несмотря на то, что место освещалось светильниками, здесь было темнее, чем в остальных частях комплекса. Чудовищные двигатели, управляющие гидравликой, занимали большую часть комнаты, и громко работали. Несколько человек были заняты у панели управления, двое трудились над гидравлическим механизмом.

Как только четверка вошла в комнату и закрыла дверь, человек в джебалле и тюрбане отвернулся от панели управления и предстал перед Таригианом.

— Ахмед! — сказал Таригиан. — Что вы здесь делаете?

Ахмед Мухаммед сделал легкий поклон.

— Я находился в комплексе с прошлой ночи. Вы были слишком заняты и не заметили.

— Зачем, прошу прощения. Вам следовало...

— Я был обеспокоен вашими планами, Насир. Поэтому я здесь.

Таригиан положил руку на главу политического комитета и сказал:

— Я этому рад. Вы как раз вовремя! Утром мы выстрелим из "Вавилона-Феникса" и наконец-то покажем Западу, что ислам не позволит Америке и ее союзникам контролировать Ирак или Ближний Восток. Через несколько минут Багдад перестанет существовать. Как вы считаете, Ахмед?

Мухаммед покачал головой.

— Насир, друг мой, должен вам сказать: все мы чувствуем, что вы сбились с пути. Ваша безумная идея уничтожить Багдад лишена всякого смысла. Багдад — мусульманский город. Ирак — мусульманская страна. Вы ослеплены жаждой мщения. Ваши задачи не обоснованы и неуместны. Было принято решение отстранить вас от руководства.

Таригиан моргнул. Он не был уверен, что все верно понял.

— Что я могу сказать? Я не думаю, что вы поняли, Ахмед. Мы готовы выстрелить сейчас. Вскоре мы станем хозяевами Ближнего Востока, и выйдем Западных собак.

— Нет, Насир, это именно вы не понимаете. Когда-то вы были великим воином и предводителем. Вы привели "Тени" к небывалому величию. Однако вы сбились с пути истинной исламской духовности. Вы живете как западник. Вы ведете бизнес западниками. Вы

дружите с западниками. Вы неустанно ищете популярности и жаждете денег. В глазах Аллаха согрешили и не раз.

Таригиан отстранился.

— Что вы такое говорите? Вы не можете отобрать у меня "Тени"! Вы не можете отстранить меня от "Теней"!

У Мухаммеда было грустное, холодное выражение лица.

— Нет, Насир, можем.

Таригиан не ожидал, как Альберт Мертенс поднял "Глок", приставил к голове Таригиана и нажал на курок. Череп Насира Таригиана взорвался, разбрызгивая много крови и серого вещества на стену. Его тело рухнуло на пол.

Это было знаком действовать для Эйслера. Быстрым, неожиданным движением, он вытащил нож "Болотный монстр", схватил Фарида за волосы через тюрбан и перерезал горло от уха до уха. Фарид отреагировал резко и мощно, он обернулся и свободной рукой ударил Эйслера, отбрасывая его на панель управления. Здоровяк уже хотел содрать с напавшего шкуру, но было слишком поздно. Кровь, как из крана, хлестала из открытой раны под подбородком. Ворчанье Фарида перешло бульканье, когда он схватился за горло в беспомощной попытке закрыть рану. Затем, в приступе ярости, он попытался схватить ногу Эйслера, но вместо этого неловко сбил монитор. Эйслер карабкался на полу с другой стороны панели и пятился от мычащего перед ним человека-монстра.

Фарид бросился вперед, пытаясь обойти панель управления, но споткнулся и упал на пол. Испуская противный, удушливый звук, телохранитель Таригиана почти минуту яростно сражался, пока не начал терять пыл. Казалось, прошла целая вечность, пока Фарид не лег замертво.

Все остальные в неверии таращились на бойню, и с вновь обретенным уважением смотрели на Ахмеда Мухаммеда, Альберта Мертенса и Генриха Эйслера.

Мухаммед взглянул на Мертенса и сказал:

— Как лидер "Теней", я даю вам полномочие изменить координаты "Вавилона-Феникса" и направить на цель, которую мы обсудим позже.

Мертенс убрал пистолет и кивнул.

— Благодарю вас, сэр. Это по-настоящему лучшее решение.

Он повернулся к рабочим и сказал:

— Возьмите тела и поместите их внутрь двигателя.

Четверо мужчин вышли вперед, подняли труп Таригиана, открыли дверцу двигателя, и сунули мертвеца внутрь. Гидравлика разотрет его в кашу. То же самое они проделали с Фаридом.

Мертенс, Эйслер и Мухаммед вышли из машинного отделения и остановились у закрытой двери. Вооруженные люди Таригиана с любопытством наблюдали за ними. Где был их лидер?

Прежде чем они успели понять случившееся, два десятка людей перегнулись через перила круглого балкона и открыли огонь из АК-47 по приверженцам Таригиана. Резкий взрыв звука эхом прокатился по всему комплексу, заставив остальных рабочих застыть в ужасе. Как будто с небес пролился адский дождь, уничтожающий все живое, что рискнуло преградить дорогу пулям. Приверженцам так и не удалось открыть заградительный огонь. Через двадцать секунд парни лежали в лужах собственной крови. Люди, верные Мухаммеду, спустились по лестнице с балкона и стали смирно, в ожидании дальнейших приказов.

Ахмед Мухаммед закричал.

— Сыны Аллаха! Услышьте меня!

Все рабочее комплекса устремили на него взгляды.

— Насир Таригиан мертв! С этого момента я принимаю на себя обязанности лидера. Продолжайте благую работу, и Аллах вознаградит вас.

Некоторые рабочие зааплодировали. Другие были в смятении. И только некоторые были разочарованы.

Мертенс взглянул на Мухаммеда и пояснил:

— Как вы слышали, цели Таригиана не были популярны.

— Нет, не были, — сказал Мухаммед.

Как только они вернулись в центр управления, Мертенс спросил Эйслера:

— Вы в порядке?

— В порядке.

Он вытер нож о брюки и вложил в ножны.

Мертенс кивнул и сказал:

— Перестроить оружие на новую цель.

— Да, сэр, — сказал Эйслер. — И какова новая цель?

— Иерусалим.

Два вооруженных головореза ведут меня вверх по лестнице на балкон. Направляясь к двойным дверям, я замечаю нескольких парней с АК-47, которые затаились за перилами, и чего-то ждут. Ближний к нам кивает моим охранникам, и они безмолвно кивают в ответ. Что, черт возьми, здесь происходит? Я не знаю, как объяснить, но, похоже, здесь вскоре произойдет мятеж. Я почувствовал бунт в воздухе? Смогу ли я этим воспользоваться?

Я потерял счет времени, оставшегося на осколочных гранатах. С того момента, как я установил таймер и был пойман, прошло около сорока пяти минут. Подозреваю, до взрыва осталось пять-десять минут. Я действительно не хочу быть на балконе, когда они взорвутся, он может обрушиться.

— Сэм? — это Ламберт.

Тоненький голос в моем ухе.

— Сэм? Ты здесь?

Черт. Не могу ответить.

Один из моих захватчиков использует ключ-карту, отрывает двойную дверь и мы проходим внутрь. Я не особо доволен, чтобы меня заходили до смерти, поэтому мне нужно что-то быстро придумать. У парня с ключ-картой мое снаряжение. Они не сняли ОПСАТ, но из-за связанных за спиной рук, он не принесет мне пользы.

Ламберт снова заговорил.

— Сэм? Если ты слышишь меня, убирайся к чертовой матери из торгового центра. Войска ООН через десять минут будут там, возможно раньше! Если ты меня слышишь, сваливай к чертям, сейчас же!

Хотелось бы, полковник.

Мы проходим сквозь пустой магазин, и теперь поравнялись с верхней частью ствола суперпушки, пронизывающей пространство в центре торгового центра. Пока что они не открыли куполообразный потолок и не вытянули пушку на максимальную длину. Очарование механизмом и оружием побуждает меня остаться и посмотреть на выстрел, но я знаю, что не могу этого сделать. Не желаю быть здесь, когда придет кавалерия.

Они ведут меня вокруг суперпушки в одно из трех направлений. Стальная дверь с надписью "Техническое обслуживание" на турецком и английском, по всей видимости, наш пункт назначения. Эббот²⁵ вынимает из кармана связку ключей, а тем временем Костелло тычет АК-47 мне в спину. Эббот опирает дверь и держит ее открытой для своего приятеля и меня. Зайдя

²⁵ Эббот и Костелло — комедийный американский дуэт в 1940-е и 1950-е годы.

внутри, я вижу, почему Таригиан назвал комнату "мусоросжигателем" — здесь одна сплошная гора хлама. Полагаю, сюда они выкидывают мусор. В комнате также полно аппаратуры и инструментов, один отрезной станок со столом, несколько трехколесников.

Посреди комнаты стоит камера на треноге. Несколько прожекторов на стойках направлены в сторону пола возле мусоросжигателя. Интересно, сколько казней они засняли или я их дебют?

Эббот открывает решетчатую дверцу печи. Золотой отсвет пламени заливает комнату. Полагаю, они думают, будто это придаст их домашнему видео эстетичность. Эббот включает прожекторы и проверяет видеокамеру. Он смотрит в видоискатель, убеждается, что она направлена в нужное место, и говорит по-арабски: "Веди его на место". Эти парни не турки.

Костелло тычет автоматом мне в спину, выталкивая меня на "сцену". Эббот нажимает кнопку "Запись", загорается красный огонек камеры и присоединяется к нам.

Мы выстроились перед камерой в центре комнаты: Эббот справа от меня, Костелло слева. Эббот обращается к публике по-арабски:

— Это американский шпион Сэм Фишер. Сегодня он умрет за ведение войны против ислама.

Внезапно раздаются звуки стрельбы. Как будто целый взвод палит из пулеметов по вражеским войскам. Эббот и Костелло переглянулись и засмеялись.

— У нас новый лидер, — говорит Костелло.

Вот мой шанс. Изю всех сил я бью своей тазовой костью Эббота, отталкивая того в сторону. Не теряя времени, я ударяю правым ботинком по внутренней стороне его левой ноги, сбивая Эббота с ног. Прежде чем Костелло успевает сообразить, я поднимаю левый ботинок, и с силой наступаю ему на правую ногу.

Я делаю шаг вправо, разворот, и бью со всех силы по правому колену. Слышится звук ломающихся костей, Костелло кричит и падает на пол.

К этому моменту Эббот уже поднялся на ноги и пытается прицелиться из АК-47. Я оборачиваюсь и наношу сильный удар правым ботинком тому в лицо. Он падает на спину, роняя автомат.

Часть моего обучения состояла из идеального выполнения приема, позволяющего пронести ноги над связанными руками — как прыжок через скакалку с вращением назад.

Чтобы сделать это вы должны быть весьма гибким, и я потратил недели, чтобы освоить прием. Его возможно выполнить во время кувырка вперед — вам лишь требуется перекинуть руки в противоположную сторону под ногами. Скручивание в мячик, позволяет легче выполнить прием. Итак, очень быстро, я приседаю, сворачиваюсь в шарик, делаю перекат вперед, провожу руками вокруг тела. Идеально. Я вскакиваю на ноги, и теперь мои связанные руки спереди.

Теперь Эббот стоит на коленях и пытается подняться во второй раз. Еще один удар в лицо отправляет его в небытие. На всякий случай я отталкиваю АК-47 от него подальше. Затем я оборачиваюсь к Костелло, который извивается от боли на полу. Я поднимаю левый ботинок над его головой и со всей силы опускаю вниз. Больше не будет боли.

Все это произошло за четыре с половиной секунды.

Я быстро смотрю на ОПСАТ, проверяю таймер, и вижу, что до срабатывания осколочных гранат остается две минуты. Я возвращаюсь к Эбботу и обчищаю его карманы: нахожу свой нож, "Файв-Севен", очки и другое оборудование. Он оставил мою SC-20K возле мусоросжигателя, и я подберу ее, когда буду выходить отсюда. Но сначала мне нужно перерезать веревку на руках. Я направляюсь к отрезному станку, включаю его, и осторожно держу руки над вращающимся лезвием пилы. Я достаточно надрезаю веревку, распутываю веревку и теперь я свободен.

Я собираю все свое снаряжение и сваливаю к чертовой матери. Осторожно открываю дверь, выглядываю наружу и, убедившись, что никого нет, выхожу в коридор. Я бегу к краю центральной площади и вижу, как отделяется сводчатый купол. Огромный ствол суперпушки начинает выезжать, когда гидравлика поднимает оружие до первого этажа. Какое-то мгновение я стою и наблюдаю, пушка чертовски потрясающая. В конце концов, верхушка ствола высовывается через сводчатый купол. Механизм внутри массивного казенника начинает грохотать, и вижу, как ствол наклоняется и указывает в юго-восточном направлении.

А затем — бам! бам! бам!

Я слышу, как взрываются осколочные гранаты. Не знаю, какой ущерб они нанесли, однако я надеюсь, они ненадолго отложат выстрел. Я оббегаю суперпушку, направляясь в крыло магазина, откуда я пришел к разбитым стеклянным дверям. Пол подо мной трясется, я слышу грохот как при землетрясении. Ура! Должно быть, как я и надеялся, обвалился балкон. Это, безусловно, вызовет замешательство.

Я выхожу наружу на солнечный свет. Вокруг никого. Фургона также нет, придется топтать пешком.

В этот момент я слышу звук самолета. На севере видна эскадрилья из шести самолетов, направляющихся сюда. Пора делать ноги!

Я бегу со стоянки так быстро, как только могу, и направляюсь к воротам. Там стоят двое вооруженных охранников. У меня нет времени спорить с этими ребятами, так что я достаю свой "Файв-Севен", останавливаюсь, принимаю стойку для стрельбы и прихлопываю их — одного, второго — до того, как они попросят у меня "документы". Не останавливаясь, я перепрыгиваю через ворота.

Как только я покидаю огражденную зоны, я с облегчением вздыхаю, но не останавливаюсь. Я поднимаюсь на холм, на котором был сегодня утром, полагая, что это отличное место осмотреть местные достопримечательности.

Я нажимаю имплант на горле.

— Полковник?

— Сэм? Боже мой, где ты был?

— Эм, я был малость связан. Но теперь я на свежем воздухе. И вижу самолеты.

— Слава богу. Ты заставил меня поволноваться. Иди в доки Фамагусты. Капитан Мартин встретит тебя на патрульном катере и отвезет обратно в Декелию. Мы подготовили для тебя транспорт для вылета в Израиль.

— Спасибо, полковник. Есть какие-нибудь новости о Саре?

— Еще нет, Сэм. Но мы начали действовать.

Я отключаюсь, но задерживаюсь на какое-то время, чтобы понаблюдать. Я узнаю два F/A-18E/F "Супер Хорнета", которые возглавляют боевое формирование, за ними следуют два британских "Си Харриера" F/A Mk 2s. Уходит мгновение, чтобы распознать два других самолета и понять, что это Ф-16 из турецких ВВС! Я рад, что турки принимают в этом участие, вероятно, для Ламберта это главный дипломатический переворот.

"Супер Хорнеты" выпускают несколько ракет "воздух-земля" — прямое попадание в суперпушку. Взрывы сильные и я чувствую с той сторону тепловую волну. "Харриеры" сбрасывают ряд незнакомых мне бомб, которые проделывают великолепные взрывы по всему комплексу. Турки также рассыпают бомбы, но из-за густого дыма я не могу их определить.

Теперь огонь и дым поглотили весь торговый центр. Я вижу, как темное облако окутывает ствол суперпушки. Шесть истребителей делают вираж и направляются к комплексу для повторных авиаударов.

Внезапно доносится огромный взрыв и под ногами затряслась земля. Похоже на звуковую волну, которая прогремел возле меня. Первой мыслью было то, что я нахожусь в эпицентре землетрясения в десять баллов по шкале Рихтера, но вторая мысль оказалась еще хуже.

Они сумели выстрелить из "Вавилона-Феникса"!

Я оказываюсь на спине, слегка оглушен и, прищуриваясь, гляжу в небо. Затем я увидел то, что не забуду никогда в своей жизни.

Снаряд суперпушки вылетел в небо, возвышаясь с огромной скоростью над истребителями. Бог мой, думаю, это конец. И все же плохие парни выиграли. Однако я замечаю, что два "Супер Хорнета" меняют курс и направляются в погоню за ОДАБ. Я лезу в "Оспрей", беру портативный бинокль и наблюдаю за разворачиванием драмы на голубом небе.

ОДАБ уже над морем, исчезает из поля зрения, и два американских истребителя превращаются в преследующие ее точки. Затем я вижу две, нет четыре, ракеты "воздух-воздух" покидают истребители. Это, вероятно, сверхзвуковые самонаводящиеся ракеты AIM-120 AMRAAM "Слэммер".

Срань Господня! Небо над морем разрывается оранжево-красным заревом, которое, конечно же, поглощает оба истребителя. Я осознаю, что затаил дыхание, в тот момент, когда смотрю на пылающий ужас в замедленном движении над Средиземным морем. Я могу думать лишь о героях в тех истребителях. Они пожертвовали собой, отвели подальше ОДАБ и одолели грозного противника.

Я поднимаюсь на ноги и вижу, как обломки падают в воду.

— Сэм? Что произошло? Отвечай! — кричит Ламберт.

Я нажимаю имплант.

— Мы потеряли два истребителя, но эти парни — герои. Они сбили ОДАБ прямо в небе. Она упала в море.

— Боже. Что с комплексом Таригиана?

Я оборачиваюсь и смотрю на раскинувшийся передо мной ад. Остальные истребители, приостановили атаки после выстрела суперпушки. Теперь они кружат вокруг и продолжают бомбить торговый центр, уничтожая до самого основания. Ствол пушки больше не виден. Должно быть, он обрушился, когда я следил за истребителями.

— Не стоит беспокоиться, полковник, — говорю я. — Ничего нет.

Я представляю, как Ламберт почесывает макушку, вздыхая с облегчением. Остальная команда Третьего Эшелона, вероятно, открывает шампанское.

— Как ты заставил сотрудничать турков? — спрашиваю я.

— Карли подготовила файл с презентацией из твоих фотографий, со всеми письменными доказательствами, и мы направили его турецкому правительству. Разумеется, Карли проделала убедительную работу.

— Конечно же.

— Ты как? Все в порядке?

— В норме, полковник. Но я должен отправиться в доки и поймать катер, чтобы спасти свою дочь.

— Действуй, Сэм.

Я прибываю в Тель-Авив после полудня, и у меня есть еще двадцать четыре часа, чтобы похитителей Сары поняли, что я в Израиле. Прежде чем с ними связаться, мне назначен разговор с капитаном израильской службы безопасности Авраамом Вейссом на заднем сиденье неприметного черного "Лексуса". Капитан Вейсс встретил меня в аэропорту Бен-Гурион, и меня увозят как правительственное высокопоставленное лицо, минуя канитель жесткой системы безопасности Израиля и иммиграционную проверку.

— Я связался с вашими людьми, — сказал Вейсс, когда автомобиль покинул аэропорт. — И мы круглосуточно разыскивали вашу дочь. Я рад сообщить вам, что мы знаем, где она. По крайней мере, мы так считаем.

Мое сердце чуть не выпрыгивает из груди, ведь я сильно нервничал во время короткого перелета из Кипра.

— Где? — спрашиваю я.

— Мы практически на сто процентов уверены, что ее держат на заброшенном складе недалеко от небольшого аэропорта на севере Иерусалима.

Вейсс уверенно владеет английским, но с сильным израильским акцентом. Насчет него у меня сложилось хорошее впечатление, и оно оправдалось при встрече. Я уважаю личный состав израильской службы безопасности. Изо дня в день они живут в постоянной опасности. Должно быть, это огромное давление.

— Этим утром, во время облавы Русско-израильского банка, нам повезло, — продолжает он. — На первый взгляд, он совершенно законный и мы зашли в тупик, пока не проверили сделки с недвижимостью. Некоторые были вполне убедительны, но затем наш аналитик засомневался в законности нескольких зданий из-за их расположений. Одно из них тот самый склад. Им владеет Русско-израильский банк. Как бы там ни было, наш аналитик провел кое-какую работу и над другим зданием, неподалеку, и он вспомнил, что оно находится на улице, полной заброшенных строений. В следующем году они подлежат сносу. Мы рискнули и поставили видеокамеру снаружи склада. В течение следующего часа Элай Горовиц был заснят выходящим из здания. Через час он снова вернулся. Команда наблюдения уверена, что в здании есть и другие, но не ясно сколько.

— Мне все равно, сколько там этих говнюков, — отвечаю я. — Я уничтожу их.

Капитан Вейсс равнодушно пожал плечами.

— Мое начальство сообщило, что это вечеринка США, хотя мы будем обеспечивать прикрытие. Иными словами, вы за главного. Нам бы хотелось арестовать людей, похитивших

вашу дочь и убивших Ривку Коэн, но если с ними что-то случится, наше правительство не будет задавать вопросы.

Это значит, что я волен поступать с похитителями как пожелаю. Кажется, нужно поблагодарить за это Ламберта.

— Я хочу отправиться сегодня ночью. Один, — говорю я.

— Мы предполагали такой ответ, — говорит Вейсс. — Давайте встретимся с группой прикрытия.

Через сорок две минуты езды мы добираемся северных окраин Иерусалима, и останавливаемся на перевалочном пункте перед заводом автозапчастей. Мы находимся в промышленной зоне, и капитан говорит, что склад в трех километрах отсюда. Группа из десяти солдат спецназа "Шин-бет" уже здесь, экипирована и готова выдвигаться. Общая служба безопасности "Шин-бет" или "Шабак" отвечает за внутреннюю безопасность. Большое количество времени они уделяют защите правительственных чиновников, предотвращают мятежи, выявляют террористические группы и разбираются с ними. Деятельность "Шин-бет" всегда засекречена. Их работа во многом напоминает мою, и я ощущаю себя в семье.

У них отличная экипировка. Мне на самом деле нравится их замена "Узи" штурмовой винтовкой Тавор "Булл-пап", выпускаемой "Израел Милитари Индастриз". Она поставляется в нескольких различных конструкциях для различных способов применения. Один из парней показывает мне свое оружие и говорит, что это компактный вариант "Тавор", разработанный для спецвойск и спецопераций. Они используют магазин на 30 патронов 5,56 мм НАТО.

Капитан Вейсс передает мобильный телефон и говорит мне сделать звонок похитителям. Он утверждает, что телефон невозможно отследить, на тот случай, если они все же решатся. Я набираю номер, сохраненный в ОПСАТе и делаю звонок. Мне отвечает автоответчик, на котором записано сообщение с сильным русским акцентом.

— Мистер Фишер, если вы в Израиле, пожалуйста, сообщите после гудка, и мы в скором времени свяжемся с вами.

Услышав гудок, я говорю:

— Это Сэм Фишер. Я еще не в Израиле, но прибуду завтра утром. Добираюсь издалека. До полудня я вам снова позвоню, и буду ждать инструкций. Пожалуйста, не причиняйте вреда моей дочери.

Я ложу трубку, смотрю на капитана и спрашиваю:

— Что теперь?

— Подождем до наступления ночи. Группа окружит склад, незаметно, — говорит он. — Я так понимаю, вам вживлен подкожный имплант для связи с начальством в Вашингтоне?

Ну и ну, в сообществе разведки нет ничего святого.

— Так точно, — отвечаю я.

— Мы с вашими людьми настроим передачу так, чтобы группа могла слышать вас. Я уже обсудил это с вашим полковником. Таким образом, вы можете отдавать необходимые приказы группе нападения в здании.

— Это весьма любезно с вашей стороны.

Кто-то принес кошерные турецкие сэндвичи, и мы проводим несколько часов в "Лексусе" капитана. Обсуждаем положения безопасности в стране и различные планы атаки в борьбе с терроризмом. В середине вечера, воспользовавшись удобным моментом, я засыпаю на несколько часов. Когда я проснулся, уже было чуть более десяти часов. Тем временем, Карли Сент-Джон доставила мне на ОПСАТ чертежи склада. Теперь у меня есть весь план здания, с входами и выходами, коридорами и комнатами. Мне не терпится выступить, но я решаю выждать еще пару часов, надеясь, застать их в пижамах. Наконец-то, в полночь, я говорю капитану, что пора выдвигаться.

— Вы знаете, что, скорее всего, это западня, — говорит капитан.

Я пожимаю плечами.

— Западня-шмападня. Поехали.

— Вы готовы?

— Абсолютно.

Он отдает приказ, и мы выдвигаемся в гражданских машинах без номера в сторону места назначения. Через минуту мы выезжаем на перекресток. Капитан указывает другое направление и говорит:

— Здесь порядка полутора километров. Мы высадимся здесь и дальше пойдем пешком.

Водители останавливаются за пустующими зданиями, и мы двигаемся по пересеченной местности. Здесь практически нет деревьев и природных укрытий. Израиль — засушливая страна, и в это время года здесь жарко и сухо. Я никогда не считал Израиль особенно красивым для Средиземноморья. Если, конечно же, вы не любите камни и песок. Земля здесь достаточно плодородная, хотя я не могу понять, почему она когда-то считалась "Землей Обетованной".

Я отделяюсь от "Шин-бет", когда мы подходим к складу. Я хочу все проверить первым.

— Мистер Фишер? — голос капитана прозвучал в моем ухе. — Вы слышите меня?

— Четко и ясно, — отвечаю я, нажав имплант.

— На складе под брезентом припаркованы три машины — "Феррари", "Ягуар" и "Шеви Кавалер".

— Тогда возможно внутри не так много людей.

— Я тоже так думаю.

Я прячусь за камень в пятнадцати метрах перед складом. Я знаю, "Шин-бет" уже окружили склад, однако я их не вижу. Эти парни хороши.

Здание выглядит так, как будто оно необитаемо уже в течение тридцати лет. Огромное пространство склада занимает практически всю площадь сооружения. Судя по чертежам Карли, я понимаю, что здесь есть второй этаж с окном. Второй этаж, вернее чердак, на треть свисает над первым этажом склада, и этажи соединяется лестничной клеткой. С обеих сторон здания расположены коридоры с комнатами, старые офисы, полагаю я.

— Как поступим? — спрашивает капитан.

— Я собираюсь найти вход внутрь, вероятно, со второго этажа. Ожидайте приказа. Затем штурмуйте склад всем, что у вас есть. До тех пор, пока я не найду Сару и не удостоверюсь, что с ней все в порядке, я не хочу, чтобы у них появился малейший намек будто вы снаружи.

— Понятно, — отвечает он.

Придерживаясь теней, я выхожу из своего укрытия. Снаружи здание не освещено, это плюс. Первое, что я делаю, быстро делаю разведку вокруг склада. Парадный вход — ржавая стальная дверь с выцветшей краской и надписями. Несколько окон закрашены. Позади я вижу три машины, накрытые брезентом и еще одну стальную дверь. Вверху я вижу окно, и оно не закрашено. Вот моя цель.

Я беру цилиндрическую рукоять, веревку и портативную кошку. Делаю взмах и бросаю кошку, она цепляется за крышу с первой попытки. Я дергаю веревку и взбираюсь по зданию. Достигнув окна, я заглядываю внутрь.

Я вижу чердак; он заполнен хламом и тянется метров на девять. На полу возле одеяла горит фонарь. Из-за кучи хлама неясно, что находится в конце чердака. Главное, здесь никого нет. Отлично. Я зацепляю веревку за пояс и теперь могу пользоваться обеими руками. Вытаскиваю "Файв-Севен", включаю лазерный микрофон Т.А.К., и навожу ствол на стекло. Квадратик в центре экрана объектива не становится красным, а значит, за окном тихо. Превосходно. Я выключаю Т.А.К. и зачехляю пистолет, а затем пытаюсь поднять окно. Не поддается.

Древняя краска затвердела, хотя не похоже, чтобы окно было закрыто. Я вытаскиваю свой боевой нож и выдалбливаю краску по краям окна, пока лезвие не просовывается в щели. Зачехляю нож и пробую поднять окно. На этот раз оно слегка шевелится. Я перестраиваюсь, размещая вес своего тела на подоконнике, и с усилием тяну окно вверх. Окно поддается и громковато открывается, и мне от этого не по себе. Достаточно, чтобы пролезть внутрь. Я отцепляю веревку и сперва просовываю ноги в окно.

Оказавшись внутри, я осторожно подхожу к краю чердака и смотрю вниз. Это просторный, пустой склад, за исключением груды хлама наваленного вдоль стен комнат, в основном это

старые устройства: рефрижераторы и печи. Я вижу несколько дверей, ведущих в разные части здания.

Вокруг никого.

Деревянные ступени ведут на первый этаж. Я пробую их, но они сильно скрипят. Я перепрыгиваю через них и тихо приземляюсь. Один звук куда лучше, чем ужасные скрипы ступенек.

Я направляюсь к двери, ведущей в коридор с комнатами. Снова вытаскиваю "Файв-Севен" и включаю Т.А.К., целюсь в дверь, и в этот раз горит красный. За дверью кто-то разговаривает. Я крадусь к стене, прижимаюсь и прислушиваюсь.

Слышатся неясные голоса, но могу сказать, что разговор идет на русском. Я подумываю, вломиться через дверь и отправить их в ад, но затем я слышу звуки приближающихся шагов.

Я скрываюсь за распахнувшейся дверью. Появляются два парня и направляются в центр склада. С их плеч свисают АК-47.

— Включи свет. Юрий, — говорит один по-русски. — Нихрена не видно.

Тот, которого звали Юрием, направляется в переднюю часть здания. Дерьмо. Они включают свет, а я стою за дверью. Что же делать? Я незамечено проскальзываю вокруг двери и вхожу в коридор в тот момент, когда включается свет.

Коридор хорошо освещен, но здесь никого нет. Я вижу три комнаты. Двери двух комнат открыты, вероятно, жилища русских, внутри койки и признаки повседневного проживания. Одна дверь закрыта. Я включаю тепловизор и замечаю признак теплого тела, лежащего в комнате. Может быть Сара? Я решаю проверить.

Конечно же, дверь заперта. Краем уха я прислушиваюсь, как за дверью в конце коридора разговаривают русские, я осторожно вытаскиваю отмычки. С третьей попытки дверь открылась.

Внутри на койке лежит Сара.

— САРА! — шепчу я.

Она удивленно поднимает взгляд. Ее глаза расширяются, когда она видит меня. И это понятно, ведь в своей униформе и очках я выгляжу как пришелец из космоса. Я поднимаю очки, чтобы она смогла увидеть мое лицо.

— Это папа, — говорю я.

— Папа!

Она бросается и обнимает меня как будто я последний человек на земле.

— Тс-с-с! — шепчу я. — Ты должна вести себя тихо. Я вытащу тебя отсюда.

— Ох, папочка, я знала, что ты придешь!

Она начинает плакать, а я глажу ее темные волосы.

— Ты в порядке? Они обижали тебя?

— Немного. Я... Я немного устала.

— Ты можешь идти?

— Я попробую.

Она встает на ноги, но я вижу, что ее пошатывает. Мне придется нести ее на руках. Я прислоняю ее к стене, и выглядываю за дверь в коридор. Все чисто.

— Дорогая, подожди здесь, я вернусь за тобой, — говорю я.

— Не оставляй меня!

Почти в истерике говорит она.

— Сара, плохие парни все еще здесь. Я должен с ними разобраться. Обещаю, я вернусь за тобой.

Она делает глубокий вздох и вытирает лицо.

— Хорошо.

— Моя девочка. Не шуми.

Я выхожу и прикрываю за собой дверь, не запирая. Достаю "Файв-Севен", присоединяю глушитель, и стреляю по двум лампочкам в коридоре. Я погружаюсь во тьму, опускаю очки и включаю ночное видение.

Я выглядываю из-за двери на склад и вижу, что русские вышли на улицу через передние двери. В помещении пусто. Я быстро вхожу на склад, опускаюсь на колени, и прицеливаюсь в лампы. Выбиваю все шесть. Теперь единственное освещение на складе поступает лишь через переднюю дверь.

Я бегу к ступенькам, ведущим на чердак. Быстро по ним взбираюсь, как раз в тот момент, когда оба мужчины возвращаются. Я бесшумно снимаю SC-20K с плеча и подготавливаю.

— Эй, это ты выключил свет? — спрашивает один другого.

— Нет.

Я вижу, как Юрий подходит к выключателям и щелкает их.

— Какого черта?

— Нет напряжения?

— Я... я так не думаю. Влад, быстро!

Они направляются к передней двери, вероятно, решив, что я приехал раньше, чем меня ожидали. Я встаю, навожу винтовку на дверь и готовлюсь их убрать, и вдруг чувствую у затылка дуло пистолета.

— Ни с места! — кричит голос. — Бросай оружие! Юрий! Влад! Я взял его!

Русские останавливаются и смотрят на чердак.

— Элай? Это ты?

— Да. Бросай!

Я опускаю винтовку.

— Руки вверх!

Я подчиняюсь.

Элай. Элай Горовиц, он предал мою дочь. Стоит позади и держит пистолет у моей головы. Свет фонаря тускло освещает нас, и теперь русские уже четко меня видят.

— Тащи его вниз! — кричит один из них.

— Пошел, — говорит Горовиц. — К лестнице.

Я медленно иду к лестнице, Горовиц позади меня, в одной руке он держит пистолет, а в другой фонарь. Внизу включается яркий свет. Похоже, что один из русских включил свет, не связанный с переключателями основного освещения. Теперь комната тускло освещается.

— Вы рано, мистер Фишер! — говорит Юрий. — Мы подготовили вечеринку-сюрприз, но она еще не готова.

— Ага, возвращайтесь утром, — улыбаясь, говорит Влад.

Находясь на верху лестницы, я резко делаю шаг назад к Горовицу, захватываю руку с пистолетом, без труда вырываю его, и бросаю Горовица через плечо на лестницу. Он приземляется спиной на середину дряхлой лестницы, и она обрушивается. Горовиц вопит от боли, когда падает на пол в кучу мусора.

Прежде чем я успеваю отскочить в укрытие, русские поднимают свои АК-47. Пули разносят все на чердаке, когда я прячусь за старой печкой.

— Мистер Фишер? — я слышу капитана Вейсса в своем ухе. — Что происходит?

— Посылайте своих людей, капитан! — приказываю я, нажав на имплант. — Я на чердаке, остальные трое на первом!

Снова пули свистят в мою сторону, когда я бегу от печки. Я чувствую тепло от пути рядом с правым ботинком и мне от этого не по себе. Я занимаю более выгодную стратегическую позицию за огромным холодильником, и делаю передышку. Я выключаю ночное видение и вижу, что русские укрылись за бытовой техникой с обеих сторон первого этажа. Дерьмо, они перестреляют "Шин-бет", когда те войдут через дверь.

— Капитан, — говорю я. — Не входите через парадную две...

Но уже слишком поздно. Передние двери распахиваются и три парня входят внутрь. Русские удивлены, но не теряют духа и переводят огонь в сторону нарушителей. Пули поражают трех спецназовцев и валят их на пол.

Я вытаскиваю из "Оспрея" две дымовые гранаты. Устанавливаю срабатывание при контакте и бросаю их в центр склада. Они громко взрываются, обволакивая комнату густым, черным дымом.

Русские внизу слепо палят в центр комнаты и вверх в мою сторону. Я иду на риск и прыгаю с чердака, жесткого приземлившись. Слышно как в других частях здания разбиваются окна, вероятно, в дальних комнатах, это парни проникают на склад иными способами. Я бегу в укрытие, а русские продолжают стрелять по всем направлениям. С задней части здания доносятся крики и взрывы, внутри были еще похитители? Под покровом дыма я возвращаюсь в темный коридор. Врываюсь в комнату Сары и обнаруживаю ее лежащей на койке. Я беру ее на руки и выношу. Когда я снова добираюсь до склада, другие парни из "Шин-бет" входят на склад и занимают укрытия, стреляя по засевшим русским.

Шум усиливается, я чувствую, как дрожит моя дочь. Тем путем не пройти, поэтому я бегу по коридору к черному выходу из здания. Другие ребята из "Шин-бет" врываются и спешат внутрь. Я пропускаю их, а затем мы с Сарой покидаем склад и выходим на свежий воздух. Я пробегаю тридцать метров от склада, прежде чем остановиться и опустить ее на землю.

— Сара, милая, поговори со мной!

— Папа!

Она не отпускает меня.

Я поднимаю очки и теперь могу хорошо ее осмотреть. На ее руках и вокруг лица несколько синяков.

— Что эти ублюдки сделали с тобой?

— Они причинили мне боль щипцами, — всхлипывает она. — Я не хотела давать им твой секретный номер, но не смогла выдержать боль, папа. Я не выдержала.

Я прижимаю и глажу ее по голове.

— Все хорошо, Сара. Ты сделала правильно. Никто бы не вытерпел. Теперь с тобой будет все в порядке.

Позади меня появляются капитан Вейсс и солдат.

— Мистер Фишер? Она в порядке? — спрашивает Вейсс.

Я киваю, но Сара не собирается меня отпускать.

— Сержант Маркус отведет ее в безопасное место, — говорит Вейсс.

Я снова поднимаю Сару.

— Сара, милая, этот солдат уведет тебя отсюда.

— Не уходи! — плачет она.

— Сара, обещаю тебе, я вернусь и отвезу тебя домой. Но сперва я должен вернуться и сыграть роль злого отца. Им не позволено вытворять подобное с моей маленькой девочкой!

Она смеется, но по-прежнему держит меня. Я оборачиваюсь к сержанту и передаю ее в его руки. Сара не сопротивляется. Сержант убегает с ней вдоль дороги, а капитан Вейсс дает мне штурмовую винтовку "Микро-Тавор".

— Возьмете?

— Еще бы.

Я беру винтовку, опускаю очки, и бегу к задней двери.

Внутри склада бушует огненная буря. Я занимаю укрытие сбоку за кучей мусора и вижу как русские, хорошо укрепившись, безнаказанно стреляют по нам. Еще один боец "Шин-бет" лежит на полу, и остальная команда продолжает стрельбу из-за различных укрытий. Я прицеливаюсь из "Тавора" и открываю огонь, но цели хорошо защищены. Они совершили одну ошибку — им не куда отступить. В конечном итоге у них закончатся патроны.

Затем один из бойцов "Шин-бет" бросает гранату в стену, где укрылись русские. После взрыва я слышу крики боли. Русский, очевидно раненный, напоследок старается убить кого-нибудь из нас. Он поднимается (это был тот, что звался Владом), выходит из-за холодильника и бешено палит из АК-47. "Шин-бет" без труда его убирают, и мужчина шлепается на пол.

Дым рассеивается, и другой похититель продолжает стрелять. На этот раз я беру свою осколочную гранату, устанавливаю на взрыв при контакте, и бросаю в его сторону. Когда граната взрывается, русский резко прекращает стрельбу. Какое-то время стоит тишина. Я слышу, капитан отдает приказы, и два бойца "Шин-бет" осматривают урон. Они тщательно осматривают место и в итоге вытаскивают вялое тело Юрия из хлама. Они тащат его на открытое место и бросают на пол. Еще одно тело шлепается на пол.

Я подхожу к мертвым похитителям и смотрю на их лица. Они мне не известны.

— Общитесь здание, — капитан отдает приказ своим людям.

Он подходит ко мне и спрашивает, знаю ли я их.

— Никогда не видел их прежде, — отвечаю я. — Они звали друг друга Влад и Юрий.

— Скоро мы установим их личности.

Я возвращаюсь к обломкам лестницы и понимаю, что одного не хватает.

— Куда...? Здесь был еще один, — говорю я.

— Мой сержант доложил, что они столкнулись с одним из похитителей в конце склада.

Подстрелили, когда входили через окна.

Я направляюсь в дальние комнаты и нахожу мертвое тело, о котором мы говорили. Это молодой парень, застрелен несколько раз в грудь, но это не Элай Горовиц. Один из бойцов "Шин-бет" осматривает его бумажник и документы.

— Установили личность? — спрашиваю я.

— Да, сэр. Его зовут Ноэль Брукс. Проживает в Восточном Иерусалиме.

Я присоединяюсь к обыску здания, но останавливаюсь, и сверяюсь с чертежами Карли.

— Эй, здесь люк в подвал, — я говорю парням.

Я указываю и веду в направлении люка. Конечно же, я нахожу его возле черного входа. Один из солдат открывает большой люк, и появляются ступени, ведущие в темный подвал. Я спускаюсь вниз за двумя парнями и включаю ночное видение.

Здесь повсюду плесень и пыль. Подвал заполнен металлоломом и обломками сантехники: раковинами и ваннами. Здесь воняет, и я не могу себе представить, что кто-то пробыл здесь более десяти минут. По всей комнате вспыхивают фонарики бойцов "Шит-бет", осматривающих мусор.

— Ничего, сэр, — отвечает один из солдат.

— Ага, — говорю я. — Продолжайте, а я останусь здесь и осмотрюсь повнимательней.

Мужчины поднимаются по лестнице и исчезают. Я стою в центре подвала и медленно осматриваюсь вокруг. Ради смеха я переключаю свои очки в режим термального видения, надеясь заметить тепло тела. Ничего. Однако прежде чем переключиться обратно на ночное видение, я замечаю на полу несколько тепловых следов. Я наклоняюсь, чтобы внимательно их изучить и понимаю, что это вовсе не тепловые следы, а отпечатки на пыльном полу. Переключаюсь на флуоресцентный режим и нахожу новые отпечатки. Теперь я могу отследить проделанную вереницу следов, ведущую в угол помещения, где была свалена ветхая кухонная техника. Из-за большого количества мусора, мне приходится расталкивать вещи, чтобы расчистить себе дорогу. В итоге мне все равно приходится подняться на груду щебня, чтобы добраться до угла.

Тут три старых холодильника, несколько раковин, две печки... и все эти вещи примерно шестидесятих или семидесятих годов. Я открываю все холодильники, но все они пусты. Затем

я открываю дверцы печки, там тоже ничего. Я почти сдаюсь, но тут замечаю, что ванна опирается боком к стене. Я откидываю ванну в сторону.

Внутри Элай Горовиц, съездившийся от испуга. Мой "Тавор" оказывается у его лица, прежде чем он успевает моргнуть.

— Не стреляйте! — молит он.

— Поднимай свой поганный зад и держи руки на виду.

Парень выбирается из ванны и поднимает руки. Свободной рукой я его обыскиваю. Я ничего не нахожу, но преднамеренно грубо задеваю его пах. Он морщится, но продолжает молчать.

Убедившись, что он чист, я поднимаю его за воротник с земли. Его глаза расширяются от ужаса, когда я прорычал:

— Мне следует прикончить тебя прямо здесь. Оторвать тебе башку и бросить гнить, ты мерзкое дерьмецо.

Клянусь, я так и хотел поступить, но страх в глазах ребенка останавливает меня. Ему может и двадцать три, но сейчас он выглядит на тринадцать.

Я отпускаю его, и он падает на пол. Ползает передо мной, бормоча:

— Извините, извините.

— Вставай, мудака, — я поднимаю его на ноги и встряхиваю. — Возьми себя в руки.

Он шмыгает, вытирает нос и кивает.

Я веду Элая Горовица по лестнице и выталкиваю наружу. Транспорт "Шин-бет" подъехал к складу, и я вижу, что в одной из машин сидит Сара. Я веду Горовица к капитану Вейссу и говорю:

— Живой, специально для вас. Думаю, он расскажет вам все.

Глаза Горовица повернулись к той машине, где сидит Сара.

— Пожалуйста, сэр, — говорит он мне. — Я бы хотел сказать ей о том, что сожалею.

— Я так не думаю, — отвечаю я. — Тебе повезло, что я не отрезал тебе яйца.

Но Сара зовет:

— Элай!

Она открывает дверь машины, но остается сидеть, закутавшись в одеяло и жестом подзывает нас. Какого черта, думаю я. Я беру парня и веду его к ней, сжав с силой его шею.

— Сара, — говорит он. — Мне, правда, жаль... за все. Я не... Я не...

Моей дочке удастся найти в себе силы встать и посмотреть ему в лицо. Прежде чем он заканчивает свою витиеватую мысль, она плюет в него.

— Пошел ты, Элай, — говорит она.

Затем она садится обратно на сиденье и снова накидывает на себя одеяло.

— Здесь я его заберу, сэр, — обращается ко мне один из "Шин-бет". Горовица заковывают в наручники и уводят.

* * *

ПОСЛЕ того, как мы провели ночь в Тель-Авиве, я отвожу Сару в военный госпиталь, расположенный в аэропорту Бен-Гурион. Доктор сказал, что у нее недоедание и слабость, но учитывая все обстоятельства, она была в хорошей форме. Сара не ела почти неделю, но сохраняла жидкость и пила ее понемногу. Если бы она этого не делала, то у нее было бы обезвоживание, и ей бы не поздоровилось. Несколько дней отдыха, постепенное наращивание прима пищи, и силы вернутся вновь.

На преодоление психологической травмы, однако, могут потребоваться годы. Двое русских, личности которых были быстро установлены "Моссадом", по-видимому, пытали ее, чтобы получить мою контактную информацию. Я не буду подробно описывать, что они сделали, но достаточно сказать, что при пытке участвовали плоскогубцы и молоток. Слава богу, что ее не покалечили и ничего не сломали, только ушибы, которые со временем пройдут.

Элай Горовиц раскололся, как только "Шин-бет" взял его под стражу. Он признался, что работал на "Магазин", и был дан приказ найти меня и ликвидировать. Конечно же, единственным способом выйти на меня была Сара. Я сделал полный доклад Ламберту, который в данный момент принимает меры, чтобы моя дочь была под охраной телохранителя, независимо от того, где она находится. Я понимаю, что вероятность того, что это повторится, мала, но лучше перестраховаться.

Что до "Магазина", международный Швейцарско-русский торговый банк в Цюрихе и Баку был вычищен, и все сотрудники были допрошены и/или арестованы. К сожалению, главные бандиты организации, в том числе их вдохновитель Андрей Здрок, бежали. Никто не знает, где они, но я уверен, что рано или поздно мы о них еще услышим. Единственная проблема, оставшаяся нерешенной — каким образом была нарушена безопасность нашей организации? У "Магазина" был список имен Splinter Cell'ов — как он их заполучил? Я уверен, что это будет моей приоритетной задачей в ближайшем будущем.

"Теням" нанесен непоправимый ущерб. От торгового центра, или от "Вавилона-Феникса", ничего не осталось, более сотни людей, работавших там, были убиты. Непонятно, как террористы смогли перегруппироваться и избрать нового лидера, но одно точно — в дальнейшем им придется туго с финансированием. Турки оплошали, но, в конце концов, признали свои ошибки относительно Намика Басарана, известного как Насир Таригиан.

Иранское правительство отправило туркам поздравления за ликвидацию Таригиана и отличный налет на его комплекс. Это спасло Иран от неприятностей. Как ни странно, США не получили от них даже этого.

Позже утром Сара и я были на борту военного самолета, доставившего нас в Вашингтон. Двое молодых морпехов помогли посадить ее в инвалидную коляску и поднять на борт, уделяли много внимания, которое она очень любит. Сара начала есть, и что более важно, снова улыбаться и смеяться. Она такая же сильная, как и ее старик, поэтому я уверен, она быстро поправится.

Мы заняли свои места и ожидаем обязательные двадцать минут перед взлетом. Сара берет мою руку и кладет свою голову мне на плечо. Она зевает и тяжело вздыхает.

— Я рад, что с тобой все хорошо, — говорю я. — Если бы с тобой что-нибудь случилось...

— Шшшш, — шепчет она.

Я усмехаюсь и говорю:

— Хорошо, я не буду раздувать из мухи слона. Ну, по крайней мере, пока не долетим домой.

Как только самолет отрывается от земли, она тихо говорит:

— Я люблю тебя, папа.

Я отвечаю:

— Я тебя тоже люблю, малышка, — но она уже спит.